

ДОНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Кафедра «Православная культура и теология»

Монография

«Советская власть и православные общины
Дона в 1920 – 1930-х гг.
Характер отношений на местах»
по дисциплинам

**«Новая и новейшая
история», «Новейшая
история Русской
Православной Церкви»**

Авторы
Бирюкова Ю. А.

Ростов-на-Дону, 2019

Аннотация

В работе на основе архивных материалов предпринимается попытка проанализировать осуществление на Дону основных мероприятий советской власти по отношению к православной Церкви в 1920-1930-х гг., показать отношение к ним населения и местных церковных структур. Указав на определённые особенности региона, автор попыталась обосновать специфику расколов как элемента антирелигиозной политики власти, религиозные мотивы в протестном движении на Дону, в сопротивлении политике советской власти на селе.

Содержание монографии будет представлять определенный интерес для специалистов, занимающихся проблемами церковно-государственных отношений в советский период, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей религии и Церкви, историей Дона.

Авторы

к.и.н., доцент кафедры «Православная культура и теология»
Бирюкова Ю.А.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА ДОНУ В 1920-1922 ГГ.	24
§ 1. Процесс реализации на Дону первых законодательных актов советской власти в отношении религии и Церкви	25
§ 2. Отношение донского православного духовенства и верующих к антицерковным действиям власти	46
§ 3. Кампания по изъятию церковных ценностей на Дону в 1922 г.	55
ГЛАВА II. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПО ИДЕОЛОГИЧЕСКОМУ И ОРГАНИЗАЦИОННОМУ РАЗЛОЖЕНИЮ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ДОНУ В 1920-1930-Х ГГ.	81
§ 1. Обновленческий раскол как компонент советской антицерковной политики и его осуществление на Дону в 1922-1924 гг.	81
§ 2. Политика власти и положение обновленческих, григорианских и канонических общин в 1925-1930-х гг.	131
ГЛАВА III. ПОЛИТИКА ДОНСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ЛИКВИДАЦИИ ПРИХОДОВ И ПОДАВЛЕНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РОЛИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СЕР. 1920 – 1930-Х ГГ.	151
§ 1. Массовое закрытие церквей и сопротивление верующих на местах.	151
§ 2. Методы подавления социокультурной роли Православной Церкви в контексте антирелигиозных мероприятий на Дону	165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178
ПРИМЕЧАНИЯ	182
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	225
ЛИТЕРАТУРА	229
СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ	238

ВВЕДЕНИЕ

Одной из тем исторической науки последнего десятилетия, вызывающей повышенный интерес отечественных и зарубежных исследователей, является тема взаимоотношений Советского государства с Православной Церковью. В современных условиях Церковь и государство оказались в ситуации установления современной модели государственно-церковных отношений, не окончен её поиск. В то же время Церковь переживает непростой период, когда на неё оказывают давление различные общественно-политические силы, делаются попытки дискредитации, раскола, провокаций. Поэтому исторический опыт государственно-церковных отношений получает сегодня повышенное значение. Актуален и исторический анализ отношений государства и личности сквозь призму отношений государства и Церкви на местном уровне.

Несмотря на широкий исследовательский интерес, тема государственно-церковных отношений далеко не исчерпана. Как правило, проблематика исследований касается отношений на уровне высшей церковной иерархии и высших органов власти. Однако за последнее время активно изучается ситуация на низовых уровнях взаимодействия, жизнь верующих в условиях происходивших в стране социально-политических изменений, конкретные формы советской антицерковной политики на местах. Исследования на местном уровне помогают увидеть, как общие процессы во взаимоотношениях советской власти и Церкви реализовались в индивидуальных и конкретных их проявлениях на уровне епархий, благочиний и даже отдельных приходов. Они позволяют получить представление о том, как от уровня государственной политики шел переход к конкретной точке исторического бытия, к судьбам православных общин и отдельных людей. Тем самым значительно расширяются представления о советской действительности, формируется понимание того, как политическая линия власти преломлялась на местах и отражалась в повседневной жизни верующих, церковных социальных институтов и населения страны в целом.

Поставленная таким образом проблема отношений и взаимовлияния власти и верующих на Дону в 1920-1930-е годы находится в русле актуального направления исследований, переходящих от сосредоточенности на социальных макропроцессах к социальной микроистории и к антропологической истории в контексте истории Православной Церкви в России. Изучение поставленной проблемы предполагает всесторонний учет влияния социально-исторических особенностей Дона указанного времени на положение Православной Церкви в данном большом регионе и на отношение отдельных церковных общин и конкретных личностей к политике советской власти в отношении Церкви. К таким региональным особенностям, во-первых, относится наличие казачьей специфики в общественной структуре региона, при том, что к началу XX в. казачество

уже не составляло большинства населения области. Во-вторых, в том, что среди этой очень существенной части населения региона позиции Православной Церкви накануне революционных событий начала прошлого века были весьма сильны. В-третьих, в ожесточенности Гражданской войны на территории Дона, в дальнейшем сокращении доли казачьего населения после ее завершения (1) и, следовательно, в определенном сужении социальной базы Церкви. Определённое сокращение социальной базы Православной Церкви на Дону происходило в результате демографических и социокультурных процессов того времени, под воздействием борьбы государства с религией, в результате изменений в социальной и возрастной структуре населения по мере развертывания процессов индустриализации, коллективизации и культурной революции.

Поставленная проблема не только соответствует определенным направлениям современной исторической мысли. Она отвечает общей тенденции в развитии гуманитарной культуры нашего времени с ее особым вниманием к антропологической составляющей, к стремлению понять общество прошлого времени и отдельного человека в свете происходивших в изучаемое время политических и социокультурных процессов. К таким процессам в полной мере относилась борьба советской власти того времени с Православной Церковью и сопротивление священников и мирян духовному насилию. Без учета этих важных политических, идеологических и социокультурных процессов понятие об эпохе, которую переживала страна в целом и отдельные ее регионы, будет далеко не полной.

Первые публикации по проблеме государственно-церковных отношений и положения верующих в Советской России появились уже в двадцатых годах. Среди данных публикаций можно выделить две группы. Ранняя советская историография (1920-1950-е гг.) представлена работами преимущественно публицистического, агитационно-пропагандистского характера, нежели научного, призванными показать классовую враждебность Церкви советской власти, её контрреволюционный характер. Подобные работы не выходили за рамки антирелигиозной политики партии, и представляли собой составляющую советских политических кампаний по отношению к религии и Церкви. Как обращал внимание А.Н. Кашеваров, авторы данного периода выполняли «партийный заказ» в прямом смысле этого слова. Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) 12 декабря 1922 года докладывала в Политбюро о том, что «ощущается острый недостаток в литературе, освещающей с марксистской точки зрения историю российской Церкви и взаимоотношений между Церковью и государством... комиссия не видит другого выхода из положения кроме обращения к институту красной профессуры, которому предлагается заказать ряд монографий» (2). Показательны заголовки данных книг, однозначно говорящие о содержании: «Религиозная контрреволюция 1918–1920-х годов и интервенция: Очерки и материалы»,

«Легенда о Христе и классовая борьба», «Церковь на службе врагов народа». Выходят также работы советских партийных идеологов. В течение 1920-30-е годов основная тематика работ не претерпела существенных изменений, но с началом насильственной коллективизации и усиления антирелигиозной пропаганды появились работы, рассматривающие тему государственно-церковных отношений с позиций сталинской теории об обострении классовой борьбы. Наиболее известные авторы довоенного периода: Б.П. Кандидов, М. Горев (бывший священник, ренегат, М. Галкин), М.Н. Лукин, И. Зырянов, Д. Зорин и др. (3). Вопросам изучения и систематизации советского религиозного законодательства посвящена работа П.В. Гидулянова (4). Он же первым прокомментировал декрет «Об отделении церкви от государства» и связанный с ним законодательный и нормативный материал. Заданность выводов данных публикаций, ограниченность источниковой базы в основном декретами, работами идеологов партии, периодикой, определяет их низкий научный уровень, и позволяет отнести их к разряду антирелигиозной агитации, задачами которой и определялось их содержание.

Вторую группу авторов составляют идеологи обновленческого раскола А.И. Введенский, Б.В. Титлинов (5). Необходимо учитывать обстоятельства и цели написания данных работ. В них авторы стремились обосновать свою позицию, историческую преемственность движения и объяснить свою лояльность советской власти и готовность к сотрудничеству. Это литература имеет существенные признаки мемуаристики.

Обе группы работ можно рассматривать как источники по данному периоду государственно-церковных отношений.

В период Великой Отечественной войны с изменением тактической линии советской политики по отношению к Церкви связано появление нескольких исследований, существенно отличающихся в оценках от предшествующих работ. В них нашла своё отражение созидательная патриотическая деятельность Церкви и Патриарха Сергия (Страгородского) (6). Но в целом, и после войны основные установки советской литературы по данной проблеме не изменились, лишь сместились некоторые акценты.

В 1950 – 1-й половине 1960-х годов широко развернулась антирелигиозная пропаганда под лозунгом борьбы за научное мировоззрение против «мракобесия» (7). Центральное место в работах данного периода по-прежнему занимал декрет «Об отделении церкви от государства», меры по его реализации, отношение к нему различных социальных групп.

В период поздней советской историографии, 2-я половина 1960-х – 1980-е годы, наметилось расширение традиционного проблемного поля – исследователи стали уделять внимание внутренней жизни Православной Церкви, адаптации к новым условиям существования. Обновленческому расколу были посвящены работы А.А. Шишкина, П.К. Курочкина, М.М. Шейнмана, И.Я. Трифонова и др. (8). Шишкин в 1970-е гг. отверг

концепцию формирования обновленчества на базе движения за церковное обновление. Курочкин по-прежнему рассматривал обновленчество как результат эволюции православия. Он обратил внимание на то, что обновленчество не было поддержано народом. Такая новая оценка вполне объясняется исчезновением инспирированных властью расколов и отсутствием необходимости поддерживать их. Тем не менее, роль ОГПУ и партии в расколе исследователями данного периода по понятным причинам не рассматривалась. Подпольные внецерковные православные течения рассматривал религиовед А.И. Клибанов (9), который различал «Истинно-православную церковь» (ИПЦ) и «Истинно-православных христиан» (ИПХ). А.И. Демьянов рассматривал подполье (ИПХ) как неоднородное образование из различных групп (10). Вопросы жизнедеятельности монастырей в условиях советской действительности первых лет советской власти были затронуты в работе В.Ф. Зыбковца (11). М.М. Персиц использовал в своей работе документы VIII отдела Наркомюста. Однако оценочные суждения, несмотря на появившееся разнообразие, в целом не отошли от традиционных для советской историографии более раннего времени. Церковь по-прежнему рассматривалась только лишь как социально-политический институт, без учёта всякого религиозного мотива в её действиях.

Со 2-й половины 1980-х годов в работах российских историков намечилось стремление к беспристрастности и объективности. Политические и идеологические изменения и рассекречивание архивов стимулировали стремительный рост числа исследований и расширение тематических направлений, изменение подходов. Основоположники данного направления – М.И. Одинцов, В.А. Алексеев, О.Ю. Васильева, М.В. Шкаровский, М.Ю. Крапивин, С.Л. Фирсов и др. (12) – создали довольно целостную картину эволюции государственно-церковных отношений в советской России. В работах авторов осмыслиется трагический опыт бытия Церкви в советском государстве. Начали вводиться в научный оборот документы партийных и советских органов власти, материалы следственного дела Патриарха Тихона (М.И. Одинцов). В свет вышли тематические журнальные подборки документов, сборники документов, полностью или частично посвящённые церковной тематике (13). Помимо стремления к общему объективному анализу отношений власти и Церкви в 1920–1930-е годы, в результате рассекречивания документов ЦК РКП(б) и ГПУ появились исследования по более конкретным проблемам. Исследовались деятельность Антирелигиозной комиссии ЦК и Политбюро по осуществлению антирелигиозной политики (14), роль органов ВЧК– ГПУ–ОГПУ в государственно-церковных отношениях (15), отдельных представителей большевистского руководства в выработке политики в отношении к Церкви, руководство Политбюро и ГПУ антирелигиозными мероприятиями, в том числе, кампанией по изъятию церковных ценностей (16), которой была дана оценка как антицерковной ак-

гие авторы оценили масштабы и результаты кампании по изъятию церковных ценностей. Проблемы источниковедения советского периода, таких источников, как документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б), наиболее основательно исследованы Н.Н. Покровским и С.Г. Петровым, следственные дела – Л.А. Головковой и др. (17).

К ведущим научным центрам, активно и успешно изучающим религиозный аспект российской истории, относится Институт Российской Истории РАН, при котором в 1990 г. создан Центр истории религии и церкви. Одно из центральных мест занимает история государственно-церковных отношений в советский период. Центр истории религии и церкви ИРИ РАН выпускает сборник «Церковь в истории России». Особого внимания заслуживает недавно изданная монография старшего научного сотрудника ИРИ РАН И.А. Курляндского «Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.)» (18). Эта работа – серьёзный вклад в историографию отношений власти и Русской Православной Церкви, а также религиозных организаций, в советскую эпоху. В работе на обширном архивном материале рассматривается ряд малоизученных проблем религиозной политики советского государства: характер «религиозного нэпа», антирелигиозное наступление власти в период «сплошной» коллективизации и раскулачивания, рассматривается роль И. Сталина и других персоналий в антирелигиозном наступлении государства на Церковь, мотивы и механизмы выработки советским руководством решений по религиозным вопросам.

Примерно с середины 1990-х гг. активизируются исследования данной тематики церковными историками и коллективами духовных учебных заведений. Ведущее место в этом направлении занимает Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, исследовательская деятельность которого находит признание у ведущих светских специалистов и нередко осуществляется совместно с ними (19). Деятельность ПСТГУ охватывает широкое проблемное поле исследований истории Русской Православной Церкви и её положения в государстве. Университет проводит Ежегодную международную богословскую конференцию, одна из секций которой традиционно посвящается новейшей церковной истории (20). Данные работы касаются в основном вопросов истории высшей церковной иерархии, положения высшего церковного управления, внутрицерковных процессов, оппозиций священноначалию, церковных расколов. Одним из мотивов при написании некоторых работ церковных авторов был сбор материалов для комиссии по церковной канонизации новомучеников и исповедников, значительное внимание уделено оценке масштабов репрессий в отношении духовенства и верующих, что определило их сосредоточенность на изучении репрессивной государственной политики и судеб духовенства и мирян. Отдельно остановимся на работах митр. Иоанна (Снычева) (21). Они содержат ценный фактический ма-

териал, однако, были написаны на узкой источниковой базе и давали такие оценки внутрицерковным процессам, которые в современной историографии преодолены. Так, например, в настоящее время «правые» оппозиции митр. Сергию (Страгородскому) не расцениваются Русской Православной Церковью как раскол. К тому же появились серьёзные сомнения в авторстве митр. Иоанна.

На современном этапе развития историографии религиозный фактор признан как занимающий важное место в социально-политической жизни советского государства (Крапивин М.Ю., Курляндский И.А. и др.).

Особое внимание уделяется теме государственной политики разложения Церкви, оценке обновленческого раскола. Данной проблематики касается внушительное число исследований (22). Философские диссертации 1990-х гг. в основном продолжили традицию советской историографии, основанную на идеях Л.Д. Троцкого, – они рассматривали обновленчество как этап эволюции Русской Православной Церкви, реформацию православия (23). В 2000-х гг. обновленчество окончательно стало рассматриваться как фактор антирелигиозной политики советского государства. Однако проблема генезиса обновленчества остаётся дискуссионной. Значительное место занимают вопросы связи, и её характера, «советского» обновленчества с религиозно-модернизационным течением начала XX в., идейные основы обновленчества. Одни авторы (24) признают тесную связь этих движений и рассматривали второе как закономерный эволюционный этап первого (М.В. Шкаровский), другие (25) считают его, в сущности, искусственным новообразованием, к которому реформаторское движение начала века имело в лучшем случае опосредованное отношение.

Ещё современник идеологов обновленчества С.В. Троицкий опровергал связь «Живой Церкви» с общественным движением церковной модернизации начала XX в. и указывал, что корень обновленчества – в политике большевиков (26). Д.В. Поспеловский считает ошибкой тенденцию связывать дореволюционное движение с «советским обновленчеством», которое является вырождением идей церковного обновления. Анализ влияния идей христианского модернизма начала XX в. на обновленческие программы проведён в работах И.В. Воронцовой. Историк делает вывод, что эти идеи имели служебное значение, они были использованы Л.Д. Троцким, бывшим в курсе идей «нового религиозного сознания», для оформления обновленческого раскола. Церковный историк свящ. И.В. Соловьёв отказывается видеть истоки обновленчества в дискуссиях начала XX в., а А.Г. Кравецкий считает кульминацией этих дискуссий Поместный Собор РПЦ 1917-18 гг. Обобщающий труд с привлечением широкого круга источников, в том числе регионального происхождения, принадлежит А.С. Степанову. Автор подверг целенаправленной научной разработке проблемы методов ГПУ по насаждению раскола, формы сопротивления расколу. Учитывая региональную специфику

распространения обновленчества, он также приходит к подобным выводам.

Разделяемым большинством учёных и наиболее обоснованным является подход, который рассматривает обновленческий раскол не как результат «эволюционного» процесса и реформенного движения начала XX в., а как результат политики Политбюро, лишь опосредованно связанный с этим движением искусственным включением его отдельных концепций.

Вполне объяснимо то, что авторы современного периода обратились к анализу фактического материала по тем же вопросам, которые освещались в прошлом с других позиций и на ограниченной источниковой базе. Значительно более узкий круг работ рассматривает иные вопросы – народное сопротивление антирелигиозной политике власти (27), экономическое положение Церкви, кампанию по вскрытию мощей (28), место религии и Церкви в повседневных практиках и обыденном сознании социума (29).

Отличием современного этапа историографии становится привлечение новых методик исследования, осмысление накопленного материала с точки зрения культурно-антропологических концепций, обращение к социальной истории, истории ментальности, истории повседневности. Интерес к теме взаимоотношений власти и верующих и постановка проблем обусловлены актуальными в наши дни направлениями исследований, которые сосредоточены на человеке в комплексе социокультурных факторов его жизни

– социальных, интеллектуальных, политических и, конечно, религиозных. Особого внимания заслуживает позиция в этом отношении научного сотрудника Института всеобщей истории РАН А. Беглова. В работе «В поисках безгрешных катакомб. Церковное подполье в СССР» он рассматривает широкий спектр явлений нелегальной церковной жизни (30).

Зарубежная историография отношений Церкви и государства в советской России имеет начало в работах, написанных в среде эмигрантов, и появляется одновременно с ранней советской историографией. В центре её внимания обсуждение модели государственно-церковных отношений, сложившейся при митрополите, а затем Патриархе Сергии (Страгородском). В качестве одной группы авторов можно обозначить оставшихся сторонниками митр. Сергия митрополита Елевферия (Богоявленского), И. Стратонова, С.В.Троицкого (31). В качестве другой – работы, появившиеся в 1960–1980-е годы – исследования эмигрантов и церковных диссидентов, разорвавших свои отношения с Московским Патриархатом, в том числе, представителей Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ). Наиболее известны И. Андреев, Глеб Рар (А. Ветров), работавшие в соавторстве А. Левитин-Краснов и В. Шавров, церковный диссидент Л. Регельсон, Д. Константинов (представитель «катакомбной» церкви),

свящ. Михаил Польский (32). В работах выразилась специфика положения данных авторов: позиция обособления от политики митрополита Сергия (Страгородского), более пристальное изучение оппозиций митрополиту Сергию и поиск альтернатив сложившимся отношениям с государством. Бывший обновленец А. Левитин-Краснов, в соавторстве с В. Шавровым, на обширном фактическом материале рассматривал обновленческий раскол. В работе заметны апологетические тенденции в отношении обновленчества. Современные исследователи обвиняют данную работу в появлении ряда ошибочных стереотипов, например, о готовности Патриарха Тихона и ряда высших иерархов на компромисс с обновленцами.

Для данных работ в целом характерна ограниченность источниковой базы, они опирались на те материалы, которые собрали эмигранты в 1920–1930-е годы – вывезенные из России документы, церковные периодические издания и мемуарную литературу, самиздатовские работы, малоизвестные церковно-исторические рукописи, и следуют выводам, появившимся в этот период. Значительное внимание в зарубежной историографии уделялось публикациям источников, однако, им не хватало научного уровня (33). Первый сборник документов выпустил А.А. Валентинов (34). Книга Л. Регельсона «Трагедия Русской Церкви» первый раз вышла в свет в Париже в 1977 г., и большую её часть занимал перечень документов с текстами некоторых из них. Масштабная оценка гонений на веру, репрессий духовенства и верующих дана в работе В. Степанова в конце 1980-х гг. (35).

В отличие от советских и русскоязычных авторов за границей, несколько иные оценки событиям дали независимые зарубежные исследователи, у которых появился значительный интерес к данной теме в 1960–1980-е гг. – Д. Поспеловский, У. Флетчер и др. (36). Работы канадского учёного Д. Поспеловского переизданы на русском языке. В центре внимания авторов была антирелигиозная деятельность органов советской власти, они акцентировали внимание на её определяющей роли в обновленческом расколе, характеризовали кампанию по изъятию церковных ценностей 1922 г. как провокационную, а позицию Патриарха Тихона как аполитичную и признавали явное преобладание религиозных мотивов в позиции Церкви. Несмотря на ограниченность источниковой базы, был сделан ряд наблюдений, подтвердившихся позднее рассекреченными источниками, главное из которых состоит в том, что раскол был целиком инспирирован политическим руководством страны.

На современном этапе не ослабевает интерес зарубежных советологов к теме положения Церкви в советском государстве и её отношений с властью. Тема нашла отражение в работах немецких и американских авторов (37). Представляется интересной работа известного американского дипломата Натаниэля Дэвиса (38), систематизирующая накопленные в зарубежной историографии представления. В ней комплексно

освещается тема государственно-церковных отношений на протяжении всего советского периода, включая проблемы положения Русской Церкви на территориях Белоруссии, Украины, Прибалтики, внутрицерковные процессы, нелегальную и подпольную церковную жизнь. Дэвисом рассмотрены мотивы изменения политики советского руководства на разных этапах. Работа снабжена статистическим материалом о количестве общин и динамике их ликвидации в Советском Союзе. Но в целом зарубежная историография носит скорее публицистический характер.

Общим местом современной историографии стало определение периода 1920–1930-х гг. как особо трагического и напряженного периода государственно-церковных отношений за всю историю России, периода достижения высшей точки в репрессивной политике руководства советской страны.

Особенностью современного этапа историографии темы является рост интереса к региональным аспектам государственно-церковных отношений, вызванный необходимостью рассмотрения темы в масштабах всей Советской России. Первой значительной работой в данном направлении стала монография М.В. Шкаровского, написанная по материалам Ленинградской епархии. На современном этапе уделяется внимание материалам церковных архивов. На материалах местных архивов за последние 10 лет написано значительное число диссертаций (39).

Следует согласиться с Д.А. Головушкиным, отметившим малоизученность региональной специфики обновленческого движения, влияния социокультурного фактора на его развитие и распространение, что «скрыло от глаз исследователей сложность структуры этого феномена и его вариативность» (40). Головушкин дифференцированно рассматривает «московское» и «питерское» обновленчество, говорит о «сибирском» обновленчестве. Исследователь приходит к выводу, что каждый регион, каждый церковный центр России в силу местной специфики имел своё обновленчество, достаточно самостоятельное и стремящееся к автономности от центра. Данный тезис учёного найдёт новое подтверждение и в данном исследовании (41).

Переходя к описанию историографии темы в территориальных и хронологических рамках данного исследования, приходится констатировать, что государственно-церковные отношения на Дону в начале 1920-х годов изучены мало, а период второй половины 1920-х–1930-х гг. почти не изучен. Систематизирующие работы по истории православия на Дону проф. Римского С.В. и донского историка Кирсанова Е.И. рассматривают только дореволюционный период (42).

Первой работой по истории государственно-церковных отношений на территориях юга России стала кандидатская диссертация Н.Ю. Беликовой (43). Целью исследования, в соответствии с формулировкой автора, стало влияние постреволюционной форсированной модерниза-

ции России на изменение «внутрицерковной жизни РПЦ» на территориях Дона, Кубани и Ставрополя. К достоинствам работы следует отнести то, что автор впервые рассмотрела влияние модернизационного фактора на положение Русской Православной Церкви на территориях Дона и Кубани, справедливо обратила внимание на специфику государственно-церковных отношений в казачьих областях Советской России. Но автор ошибочно утверждает о существовании на территории современной Ростовской области одной Ростовской епархии, а не двух – Донской и Новочеркасской и Ростовской и Таганрогской. Нельзя согласиться также и с некоторыми выводами работы. Так, изменение положения Церкви и закрытие с 1926 по 1936 гг. 60 % церквей на территориях Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области Н.Ю. Беликова объясняет социально-экономическими преобразованиями периода, потребностью в зернохранилищах на юге России (44). Политическая и идеологическая составляющие (то, что изменение положения Церкви было вызвано прямым и насильственным вмешательством государственной власти) были проигнорированы. Автор является продолжателем советской историографической традиции в отношении проблемы обновленческого раскола, и рассматривает его не как результат целенаправленной деятельности партийного руководства страны по расколу и дискредитации Церкви, а как результат «эволюции» самой Церкви под влиянием модернизационных процессов. Автор верно отмечает, что обновленцы стремились к реформе канонического строя Церкви (конечно, это лишь отчасти справедливо для самого начального периода их бытия), при этом ошибочно утверждая, что «они стремились к утверждению начал соборности церковного управления» (45). При рассмотрении процессов, происходящих на территории современной Ростовской области, в работе использовались источники лишь одного регионального архива – Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Проблема обновленческого раскола на Северном Кавказе нашла отражение в статьях А.М. Пантюхина (46). Н.Ю. Беликова и А.М. Пантюхин обратили внимание на быстрые темпы насаждения обновленчества на Северном Кавказе, что Пантюхин объяснил сильными «контрреволюционными» религиозными настроениями, которые власть хотела таким образом подавить. Авторы привели некоторые статистические данные и обратили внимание на то, что четверть всех церквей обновленцев находилась на Северном Кавказе (47). Следует также согласиться с выводом Пантюхина о неприятии обновленчества в казачьей среде. Однако, он, как и Беликова, рассматривает раскол как эволюцию церковности. Сомнительным представляется также вывод: «Обновленческий раскол на Северном Кавказе стал результатом полного подчинения православного духовенства местным органам советской власти, у представителей которых к началу 20-х гг. XX в. ещё наблюдались пережитки религиозного сознания» (48). Автором переоценивается влияние обновленчества на массовое религиозное сознание.

Первым опытом конкретно-исторического изучения темы государственно-церковных отношений на региональном материале Дона в период 1917–1923 годов принадлежит Д.А. Горбачеву (49). Он рассматривает положение Православной Церкви в годы революции и Гражданской войны, позиции Патриарха Тихона и В.И. Ленина, процессы стихийного уничтожения духовенства в Гражданскую войну. Достоинством данной работы является стремление изложить культурный контекст событий. Заметно, вместе с тем, некритическое использование некоторых выводов советской литературы, в частности, положения Е.М. Ярославского о создании военных контрреволюционных отрядов монахов и священников (50). Работа Горбачева не лишена отдельных неточностей. Весьма упрощённо показана реализация на Дону декрета «Об отделении церкви от государства». Автор необоснованно приписывает жертвы Гражданской войны периоду первых лет советской власти на Дону, ознаменовавшихся началом реализации указанного декрета, продолжая говорить о множестве «раненых, покалеченных, избитых», несмотря на то, что в этот период ситуация на Дону существенно изменилась (об этом рассказывается в данной книге). Более подробно Д.А. Горбачёв описывает кампанию по изъятию церковных ценностей и возникновение обновленчества. Нельзя согласиться с его мнением о том, что в Ростове-на-Дону кампания вылилась в широкомасштабные массовые беспорядки. В современной историографии достаточно обосновано, что власти сознательно стремились к созданию представления о яростном сопротивлении верующих в целях последующего обвинения духовенства в подстрекательстве населения к «контрреволюционным» действиям для того, чтобы обосновать репрессии и вынести «расстрельные» приговоры. Н.А. Кривова, например, считает, что кампания на Дону прошла относительно спокойно, за исключением небольших стычек, а масштабы сопротивления по всей стране были явно преувеличены властями. Я не разделяю также в полной мере взгляды Д.А. Горбачёва на сущность обновленческого движения. Автор продолжает традицию, идущую от идей Троцкого через всю советскую историографию, рассматривать обновленческий раскол как прямого наследника внутрицерковных процессов начала века. С этим нельзя согласиться. Однако можно в полной мере разделить вывод Д.А. Горбачёва о том, что организация обновленчества на Дону «была абсолютно искусственной и не имеющей отношения к действительным попыткам реформирования Церкви» (51). Выражу также несогласие и с отмеченным в окончательных выводах автора мнением о том, что накануне революции Православная Церковь оказалась в состоянии «глубокого духовного вырождения» (52), без уточнения того, что подразумевается под этим утверждением. Несмотря на то, что наблюдались кризисные явления, порождённые синодальной системой, мощное движение в направлении ликвидации недостатков и возрождения церковной жизни также было очевидным. И, кроме того, в таком случае неясно, откуда у Церкви появились духов-

ные силы на мученичество и сопротивление антирелигиозным актам власти, а религиозность населения, несмотря на всю антирелигиозную политику власти, продолжала оставаться очень высокой на протяжении 1920–1930-х годов (53).

Следует также отметить, что, к сожалению, в региональной историографии исследователи крестьянства обходили стороной религиозный фактор противоборства сталинского режима и крестьянства в период «колхозного строительства».

Таким образом, с одной стороны, в современных исследованиях государственно-церковных отношений уже намечены основные направления дальнейшей работы, существует ряд трудов высокого научного уровня, в которых рассматриваются вопросы взаимодействия высших органов советской власти и Церкви. С другой стороны, последние публикации и ход дискуссий по указанной теме выявляют тенденцию к обогащению современного научного дискурса и расширению проблемного поля исследований за счёт применения антропологического подхода, изучения вопроса на уровне микроистории и истории повседневности. Вместе с тем, в изучении истории церковно-государственных отношений советского периода на территории Дона не изучен ряд важных вопросов, и тема не получила необходимого освещения в общероссийском контексте событий.

Реализация политики центральных органов власти в отношении Церкви, в частности, декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января (2 февраля) 1918 г. (54) на Дону началась после окончательного установления здесь советской власти в январе 1920 года (55). К концу 1930-х годов острота религиозного вопроса в стране и политическая актуальность борьбы государства с религией в центре и на местах значительно снизилась. В конце 1930-х годов, после «Большого террора» 1937-1938 гг., когда религиозные настроения в стране были в значительной мере подавлены в основном за счёт физического устранения их носителей, произошла смена тактической линии государственной политики в отношении религии и Церкви. А начавшаяся Вторая мировая война изменила акценты внутренней политики режима. Кроме того, общим местом современной историографии является определение периода 1920-130-х гг. как наиболее напряженного и драматического периода в отношениях Церкви и советской власти, в конце которого репрессивная политика государства достигла своей наивысшей точки. Поэтому для оценки динамики формирования государственно-церковных отношений целесообразно выделить именно этот период, как самостоятельный и законченный этап.

В это время на территории региона происходили частые территориальные изменения. Бывшая Область Войска Донского была переименована в Донскую область, которая вошла в состав Юго-Востока России. Область состояла из 6 округов: Верхне-Донского, Донецкого, 1-го

Донского, Ростовского, Сальского, Черкасского, а с марта 1923 г. из округов: Донецкого, Морозовского, 1-го Донского, Ростовского, Сальского, Черкасского. 4 июля 1924 г. Донская область была упразднена, а её территория разделена на 4 округа: Донецкий, Морозовский, Ростовский (затем Донской), Сальский. В том же году 16 октября был образован Северо-Кавказский край с делением на 10 округов (56). В 1924 г. в состав Северо-Кавказского края были переданы Таганрогский и Шахтинский округа, ранее входившие в состав Донецкой области Украины. В январе 1934 г. образован Азово-Черноморский край с центром в г. Ростове-на-Дону, куда вошли территории Дона и Кубани. А в 1937 г. в составе Азово-Черноморского края административно оформились Ростовская область.

Главным образом территориальные рамки исследования будут ограничиваться территорией Донской области, но при рассмотрении некоторых вопросов они будут расширены за счёт характеристики событий, происходящих на территории южных областей России.

Следует сказать об особенностях церковно-административного устройства данной территории (Донской области и последующих соответствующих образований). Накануне революционных событий существовала Донская и Новочеркасская епархия с центром в г. Новочеркасске, а города Ростов-на-Дону, Таганрог и Азов с прилегающими территориями относились к Екатеринославской епархии, из них в 1919 г. была образована Ростовская и Таганрогская епархия с центром в г. Ростове-на-Дону. Лишь в 1948 году на территории этих двух епархий была образована единая Ростовская и Новочеркасская епархия.

Книга подготовлена на базе обширного массива опубликованных и неопубликованных документальных и повествовательных источников. Комплекс документов государственных и ведомственных архивов по вынесенной в заглавие теме очень неоднороден по количественным характеристикам разных тематических групп и по степени сохранности. Относятся они к четырем архивам. Это – Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Архив Управления ФСБ по Ростовской области, Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) и Центр хранения архивных документов (ЦХАД) в г. Шахты. Использовались также опубликованные документы центральных архивов (АПРФ, ГАРФ, РГАСПИ, ЦАФСБ), периодические издания исследуемого периода.

Источники, сосредоточенные в ЦДНИРО представляют собой документацию местных партийных органов – комитетов партии различных уровней – краевых, областных, окружных, районных, волостных. Парткомы осуществляли общее политическое руководство на местах, будучи звеном в реализации генеральной политической линии. Источники партийного происхождения отражают выработку местными партийными органами методов антирелигиозной работы. В качестве источников исследования использовались в основном протоколы заседаний Бюро и пленумов комитетов партии, окружных партийных и беспартийных конфе-

ренций из фондов Северо-Кавказского краевого (57), Донского областного (1919–1924) (58), Донского (1920–1924), Черкасского, Шахтинско-Донецкого, Верхне-Донского, Константиновского окружных комитетов РКП(б) (59), а также поступавшие в распоряжение парторганов сводки Полномочного представительства ОГПУ о политическом положении на местах, циркуляры, протоколы совещаний секретарей ячеек и другие документы.

Из материалов ЦДНИРО использованы также документы личного архива А.И. Микояна.

Источники 1920–1930 годов, сосредоточенные в ГАРО, представляют собой документы органов советской власти различных уровней, прежде всего исполкомов советов Донской области, Юго-Востока России, Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев (краевых, областных, окружных, городских) и состоящих при них учреждений. В непосредственное соприкосновение с верующими и их организациями на местах входили советские органы власти, исполнительные комитеты и учреждения при них. В их ведение входили дела, связанные с непосредственным контролем деятельности религиозных общин, они также являлись проводником различных кампаний государственной власти в религиозной сфере. Документация советских органов власти имеет, как представляется, наибольший интерес в связи с поставленной в данном исследовании проблемой.

С апреля 1920 г. проводником политики власти в отношении Церкви являлся Донской областной исполнительный комитет (60). В состав Доноблисполкома на правах самостоятельных учреждений входили отделы, в их числе отдел юстиции, при котором существовали подотдел по проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства» и соответствующая комиссия. В фонде отдела юстиции отложились материалы данной комиссии (61), которые были использованы в исследовании. Документы фонда Доноблисполкома (62) по государственно-церковной проблематике также рассматривались как источники данной работы. В основном это документы, отразившие процесс реализации на Дону декрета «Об отделении церкви от государства» и кампанию по изъятию церковных ценностей 1922 г. В связи с упразднением Донской области в 1924 г. Доноблисполком был ликвидирован (63).

Фонд Донского окружного исполнительного комитета также содержит материалы по изъятию церковных ценностей и обновленческому расколу на Дону (64). Значительная часть документов извлечена из фонда возникавших в результате последовательных административно-территориальных преобразований краевых исполнительных комитетов: Юго-Востока России (1924), Северо-Кавказского края (1924-1934), Азово-Черноморского края (1934-1937) (65). Эти источники характеризуют проведение мероприятий в отношении Церкви. Они содержат информацию об обновленческом и григорианском расколах на Дону, сведения о

распределении и перераспределении приходов между различными церковными группами, отражают процесс закрытия приходов. Интересные источники по истории расколов на Дону, содержащие и статистические сведения, об отношении населения к духовенству, о его роли в пере выборах 1926 г. в советы отложились в делах закрытой для исследователей описи 8 данного фонда. С несколькими делами мне позволили ознакомиться. Из двух указанных фондов использовался также отчётный материал, доклады и информационные сводки с мест о состоянии антирелигиозной работы, о политическом положении и настроениях по отношению к советской власти, в т.ч. документы, содержащие статистические сведения и другие, ценные для данного исследования источники. В связи с положением Ростова-на-Дону как центра Северокавказского края сюда поступала информация из всех округов.

С 1920 по 1924 гг. на территории Донской области действовал Революционный Совет Армии Труда Юго-Востока России, преобразованный в 1921 г. в Крайэкономсовет. Из его фонда рассматривались документы по реализации декрета «Об отделении церкви от государства» и кампании по изъятию церковных ценностей (66). Это всевозможные постановления и распоряжения местных советов и поступавшие к ним директивы парткомов. Агиткампания, сопутствующая изъятию церковных ценностей, отражена в фонде Донского областного совета профессиональных союзов (Донсовпроф) (67), культотделу (68) которого было поручено её проведение на предприятиях гг. Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону. В фонде Северокавказского краевого совета профсоюзов (69) отложились документы по изъятию церковных ценностей. В этом фонде, а также в незначительной мере в фонде Донского окружного совета профессиональных союзов (70) отложились документы, освещающие антирелигиозную кампанию на ЮгоВостоке России в 1924–1925 гг. и более позднюю по времени – в начале 1930-х годов. В этих кампаниях данное учреждение было призвано активно участвовать. Антирелигиозная кампания нач. 1930-х гг. отразилась также в документах фонда Краевого совета общества «Долой неграмотность» (ОДН)

(71) и фонда Краевой рабоче-крестьянской инспекции (72). Отдельные материалы по обновленчеству можно обнаружить в фонде исполнительного комитета Ростгорисполкома (73). Все они были изучены.

В дореволюционном фонде Донской духовной консистории (74) вследствие особенностей комплектования оказались церковные документы 1920-х гг. вплоть до 1928 г. Из этого фонда в работе исследованы документы делопроизводства церковных структур – протоколы съездов духовенства и мирян, протоколы собраний церковных советов и верующих. С учетом утраты епархиального архива они представляются уникальными для изучения церковных событий на Дону.

Из фондов ГАРО в работе также использованы материалы личных дел П.В. Верховского (75), А.В. Ка-рагичева и А.И. Муралова.

В документах советских структур отложились также распорядительные и информационные документы партийных органов, информационные сводки, в т.ч. сводки СО ПП ОГПУ, некоторые из них также стали источниками данного монографического исследования.

Объём дел, содержащихся в ГАРО, отвечающих теме исследования, как правило, невелик – 10–20, единичные 50–60 листов. Основная же часть документов сохранилась фрагментарно в делах, заголовки которых зачастую никак не предполагают их наличия. Документы по теме обнаруживаются главным образом среди протоколов и стенограмм пленумов, заседаний Президиума Донисполкома и крайисполкома, в делопроизводственной документации их подразделений. Определённое количество документов отложилось в фондах окружных исполкомов и других фондах.

Документальные материалы ГАРО достаточно полно представляют 1920-е годы, чего нельзя сказать о периоде 1930-х, массив источников которого крайне узок. Документы архивов большинства учреждений за 1930–1943 годы не успели поступить на хранение в госархив до начала Великой Отечественной войны, и были утрачены. Кроме того, современными исследователями установлено, что Совет по делам РПЦ проводил политику уничтожения документов по обновленческому расколу (76).

В этой связи исключительный интерес составляют фонды учреждений советской власти Шахтинского округа, вошедшего в состав Северокавказского края в 1924 г., изученные в Центре хранения архивных документов в г. Шахты (ЦХАД). Основная часть источников, выявленных в ЦХАД, относится к 1930 годам. Они характеризуют те явления донской церковной жизни, о которых мы почти ничего не можем сказать на основе документальных источников других архивов, в частности, практику ликвидации приходов, разрушения церковного института на местах, использование в этом процессе советского законодательства, обновленческого и григорианского церковных расколов. На их основе можно восстановить иерархию Донской и Шахтинской обновленческой епархии и получить сведения об архиереях. Основная часть документов находится в двух фондах: «Шахтинский Районный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянский, Красноармейских и Казачьих депутатов» (77) и «Шахтинский Городской Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянский, Красноармейских и Казачьих депутатов» (78). Документы относятся к 1925–1938 годам. Они сформировались в процессе делопроизводства местных советов. Среди них выделяются две основные группы. В первой – дела религиозных общин, включающие документы, необходимые для их регистрации, а также эпистолярные материалы (заявления, жалобы и прошения духовенства и верующих, переписка органов власти с религиозными организациями), указы епархиального управления. Во вторую группу можно отнести внутреннюю документацию органов государственной власти по церковным вопросам: служебная переписка о закрытии церквей и дальнейшем их использовании.

Интересным источником с точки зрения изучения человека того времени и влияния на его сознание политики советской власти представляются протоколы собраний колхозников о закрытии церквей, которые являют нам пример советских методов идеологического воздействия и его результатов.

Представляют значительный интерес изученные материалы архивноследственных дел из Архива Управления ФСБ по Ростовской области (79). Дела периода 1920-х гг. чрезвычайно интересны. Стандартный комплекс документов включает, как правило, анкету арестованного, ордер на арест и обыск, акт о проведении обыска, протоколы допросов обвиняемого и свидетелей, обвинительное заключение, выписку из протокола судебного заседания о вынесении приговора, а в случае применения высшей меры наказания акт о приведении приговора в исполнение. Также такие дела содержат всевозможные сопутствующие материалы, аналоги которых практически полностью утрачены в иных архивах. Это и документы личного происхождения, и всевозможные нарративные источники, раскрывающие различные аспекты государственно-церковных отношений на местном уровне. Это отношения обвиняемых в местные органы власти, обновленческое ВЦУ или в епархиальное управление. Также это воззвания, неопубликованные статьи, отразившие мнения их авторов о современной им ситуации в церковно-государственной сфере, послужные списки, а также различный агентурный материал, который оказался в распоряжении следствия. Исключительную важность данный комплекс источников составил для изучения истории обновленчества на Дону. Он позволил определить роль спецслужб советского государства в реализации церковной политики на местах, формы и методы работы, установить важные детали отношений местных органов власти и церковных организаций в период осуществления положений декрета «Об отделении церкви от государства», биографические данные репрессированных представителей духовенства и т.д.

В работе использовались также некоторые источники личного происхождения, впервые вводимые в научный оборот. Это эпистолярные материалы (записки, письма) известного церковного историка профессора протоиерея П.В. Верховского, одного из наиболее деятельных участников процесса установления новых отношений между Церковью и государством на Дону. Значительный интерес представляют также обращения в различные органы светской и церковной власти свящ. А. Трефилова и другие материалы, связанные с его деятельностью, а также письма епископа Захарии (Лобова) – оба священнослужителя были организаторами сопротивления обновленческому расколу на Дону. Источником данного исследования являются также опубликованные воспоминания одного из участников событий священника Павла Чехранова, а также мемуары С.М. Буденного.

Большое значение в качестве источника имеют материалы реги-

ональной печати. Это – газеты «Советский Юг», «Трудовой Дон», «Коммунист», «Хлебороб» и др. Они широко освещают кампанию по изъятию церковных ценностей на Дону и в некоторых областях Северного Кавказа, и сопряженную с ней антирелигиозную кампанию, обострившуюся за счёт появления в церковной среде обновленчества. Однако необходимо учитывать специфику этих источников, принимая во внимание мотивы и цели содержащейся в них информации. Газетные материалы по содержанию имеют свою особенность по сравнению с документацией партийных и государственных структур. В них преобладает компонент агитационной кампании против Церкви. Достаточно содержательными для темы данного исследования оказались газеты «Советский Юг» – орган Югвостбюро ЦК РКП и Краевого Экономического Совета Юго-Востока и «Трудовой Дон». Почти в каждом номере названных газет в период кампании помещались агитационные материалы. Газета «Советский Юг» посвятила кампании около 50 номеров, а

«Трудовой Дон» – порядка 80, в каждом из которых чаще всего давался блок статей и заметок, снабженный лозунгами, оформленными крупным шрифтом. Освещение судов в газетах при всей тенденциозности представляется ценным источником. Редакции пользовались точными сводками о ходе кампании по изъятию церковных ценностей и количестве изъятого. Историко-психологический анализ материалов антирелигиозной пропаганды донской прессы приводит к определённым выводам.

Значительное число документальных источников, извлечённых автором из архивных хранилищ, впервые вводятся в научный оборот, выявлены, изучены и проанализированы автором.

Из опубликованных источников в работе использованы законодательные и распорядительные документы советского правительства, регулирующие религиозную жизнь в советском обществе и положение церковных общин (декреты, законодательные и подзаконные акты высших органов власти – ЦК РКП(б), ВЦИК, СНК, НКЮ и др.). Изучены документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б), отразившие историю кампании по изъятию церковных ценностей в центре и на местах и связанные с нею кампании по расколу Церкви и антирелигиозной пропаганде. Рассекреченные тематические дела фонда Политбюро АПРФ опубликованы в первом томе документальной серии «Архивы Кремля»:

«Политбюро и церковь. 1922-1925 гг.». Следует также отметить и сборник документов, составленный швейцарским специалистом по истории Русской Православной Церкви Г. Штриккером (80).

В числе опубликованных источников данной работы также актовый материал высших органов церковного управления, в частности, воззвания Патриарха Тихона (Беллавина) и митр. Вениамина (Казанского). В этой связи особого внимания заслуживает труд, проделанный в течение нескольких десятилетий церковным историком М.Е. Губониным, опубликованный уже после смерти автора, в 1994 г., под редакцией ректора

Православного Свято-Тихоновского богословского института (ныне гуманитарный университет – ПСТГУ) прот. В.Н. Воробьёва. Это внушительный сборник документов «Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1945».

В исследовании использованы опубликованные документы из важнейших для темы сборников, изданных с участием ИРИ РАН: «Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917– 1941 гг. Документы и фотоматериалы» (81), отразившие религиозный аспект сборники «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране» (82) и «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы» (83). Использован и ресурс сети интернет – некоторые важные источники, опубликованные центром «Мемориал».

Рассмотренный массив документов позволяет провести разносторонний анализ событий, явлений и процессов, связанных с отношениями между Советским государством и Церковью того времени.

Данная книга посвящена истории взаимодействия власти и верующих, советской антицерковной политике, реализуемой различными уровнями власти, и ответной реакции населения Донского региона в 1920–1930 годах. Прослежены характерные черты политики советской власти на Дону в отношении Православной Церкви, определявшиеся особенностями истории и культуры населения региона, событий Гражданской войны на Дону и восприятия разными слоями населения Дона новых политических реальностей, установившихся после неё. Враждебное отношение значительной части населения Дона, в особенности казачества, к советской власти, наглядно проявившееся в ходе Гражданской войны, стало причиной относительной осторожности при проведении центральными и местными ее структурами первых мероприятий в отношении религии и Православной Церкви на территории региона. Донская комиссия «По отделению церкви от государства» стремилась к последовательной реализации декрета «Об отделении церкви от государства», и видела свою задачу в юридическом оформлении конкретных условий реализации декрета на Дону и в практическом его осуществлении. Духовенство крупнейших городов Донской области на территории Донской и Ростовской епархий попыталось выстроить компромиссные отношения с местными советскими органами власти и предпочитало легальную правовую форму сопротивления проявлениям антицерковной политики на Дону. Значительное влияние на характер и особенности государственно-церковных отношений на Дону в двадцатые годы оказал профессор протоиерей П.В. Верховский – известный историк и церковный деятель – выступивший посредником между властью и церковными общинами и умевший до определенной степени сглаживать остроту взаимных противоречий.

Конец попыткам компромиссов на местном уровне положил 1922 год и двуединая советская анти- церковная компания по расколу

духовенства и изъятию церковных ценностей.

Кампания по изъятию церковных ценностей в начале двадцатых годов проходила на Дону как антицерковная и антирелигиозная акция, задачей которой была, помимо самой конфискации, дискредитация духовенства и подавление религиозности населения. В Донской области изъятие прошло при глухом недовольстве народа, но кровавых столкновений во многом благодаря позиции духовенства удалось избежать. Советская пропаганда формировала ложное мнение об активном сопротивлении изъятию со стороны духовенства. В книге рассматриваются основные итоги кампании и сфабрикованные процессы духовенства и мирян по обвинению в сопротивлении данному «мероприятию» советской власти.

Как и в других регионах страны, для борьбы с Церковью с учетом религиозности значительной части населения Дона власть активно использовала религиозный раскол в разных его формах с опорой на часть духовенства, готовую к проявлению лояльности. Обновленческий раскол на Дону насаждался вопреки традиции и мнению значительной части православных верующих за счёт работы среди духовенства органов ГПУ-ОГПУ. В ряды обновленцев вербовалось духовенство, обвиняемое властью в каких-либо прежних или нынешних преступлениях перед нею, главным образом, в сопротивлении изъятию церковных ценностей.

В книге прослежены процессы внедрения обновленческого и григорианского церковных расколов на Дону, их роль в проведении государственной политики по отношению к Церкви в регионе. Данным расколом в исторической науке уже дана однозначная и не вызывающая обоснованных возражений оценка, как целенаправленной кампании государственной власти в лице Политбюро ЦК ВКП(б) и ГПУ-ОГПУ по разложению Церкви изнутри и её дискредитации. Изучение раскола на местах представляется интересным, поскольку даёт возможность рассматривать его более конкретно, как сложный многогранный феномен, выходя за рамки упрощающих схем. В данной работе на материалах Донского региона представлено исследование механизма распространения обновленчества на местах, средств и способов завоевания этим движением епархиальных управлений и приходов, отношение к нему духовенства и верующего населения, рассмотрены мотивы участия в расколе, а также мотивы и способы противодействия ему. Обновленчество распространялось как конъюнктурно-соглашательское движение и не имело внутренней силы, поскольку не было принято большинством верующих. В развитии религиозного движения сопротивления обновленчеству на Дону двадцатых годов выделяются два этапа. На первом этапе оно было скорее стихийным, нежели организованным, хотя, определённые попытки организации были, и его лидерами являлись епископ Митрофан (Гринёв) и священник Алексей Трефильев. После освобождения Патриарха Тихона, во главе его организации встали епископ Захария (Лобов) и митрополит Митрофан (Симашкевич). Сопротивление было подавлено с помощью репрес-

сий.

В книге обосновывается, что в период чрезвычайных хлебозаготовок, коллективизации на Дону и позже сопротивление на религиозной почве было одной из главных составляющих народного протеста, оно оказало значительное влияние на быстрое свертывание политики «лицом к казачеству» середины двадцатых годов.

Именно православное духовенство, не пошедшее в обновленчество, пользовалось авторитетом у верующих казаков и крестьян. Вместе с мирянами оно оказывало сопротивление антинародной политике советской власти на селе, выкачивающей из него все ресурсы, в частности, чрезвычайным хлебозаготовкам и насильственной коллективизации, т.е. трансформации традиционного быта крестьянства и подчинения советского общества партии. Сельское население Дона, как и других регионов страны, сопротивлялось слову его традиционной культуры. Сопротивление решительно подавлялось с помощью репрессий. Советская власть продолжила борьбу против Церкви, развернуло репрессии против священников и активных мирян, закрывала церкви, ликвидировала церковные приходы. Массовая ликвидация религиозных общин на Дону шла под давлением местной власти, основу которого составило существующее законодательство. Принадлежащее местным властям право на регистрацию стало инструментом с помощью которого она добивалась скорейшего свертывания деятельности прихода и закрытия храма. Процесс нередко сопровождался нарушениями закона и фальсификациями.

Антирелигиозная пропаганда на Дону не достигла поставленных целей и не привела к отрыву от религии значительной части населения. Не оправдала себя ставка на антирелигиозную пропаганду с помощью «Союза воинствующих безбожников» и объединения в этой деятельности общественных организаций. В тридцатые годы властям удалось добиться значительного ослабления позиций Православной Церкви на Дону в основном за счёт физического устранения его носителей.

Сою глубокую благодарность за помощь в написании книги мне хотелось бы выразить своему научному руководителю – доктору исторических наук профессору Людмиле Владимировне Мининковой. Искренне признательна за помощь в предоставлении материалов директору ГАРО Н.А. Чумаковой, сотрудникам данного архива З.А. Чумаковой и Н.А. Степаненко, а также моей подруге и сотруднице Алле Шадринной.

ГЛАВА I. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА ДОНУ В 1920-1922 ГГ.

§ 1. Процесс реализации на Дону первых законодательных актов советской власти в отношении религии и Церкви

Утвердив свою власть в стране, большевики приступили к определению юридических границ существования Православной Церкви в Советском государстве, исключив всякую возможность учёта мнения последней по тем или иным вопросам. Исчерпывающий анализ законодательной базы советской конфессиональной политики начала 1920-х гг. может составить отдельное исследование, поэтому в данной работе я остановлюсь лишь на основных моментах законодательства в их хронологической и логической последовательности и рассмотрю начало их практического воплощения в жизнь Донского региона. О некоторых более поздних по времени законодательных актах пойдёт речь в других главах работы.

Основанием политики власти в области религии принято считать декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах, принятый 20 января (2 февраля) 1918 г. и опубликованный 23 января (5 февраля) (1), который провозглашал отделение Церкви от государства, лишение её прав юридического лица, национализацию церковного имущества: «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью... Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием» (ст. 12-13). Здания и богослужебные предметы передавались религиозным обществам «в бесплатное пользование» по особым постановлениям власти. Все вероисповедания в советской России ставились декретом в равные условия (пп. 2-3), из всех официальных актов изымалось указание «религиозной принадлежности» граждан (ст. 3, примечание), декламировалось свободное исполнение религиозных обрядов, однако под контролем местных властей (ст. 5). Акты гражданского состояния переходили в компетенцию «исключительно» гражданской власти (ст. 8), преподавание «религиозных вероучений» не допускалось в любых учебных заведениях с общеобразовательными предметами, обучать религии можно было только частным путём (ст. 9).

Декрет закрепил некоторые принятые ранее постановления. В том числе постановление «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение народного комиссариата по просвещению 11 (24) декабря 1917 г.», изданные 17 и 18 декабря 1917 г. декреты о гражданском браке и гражданской метрикации с опубликованной 4 января инструкцией об учреждении специальных отделов при управах и порядке передачи им

церковных регистрационных книг (2). Постановление «О воспитании и образовании» гласило, что «все низшие, средние и высшие школы и учреждения духовного ведомства» (от церковно-приходской школы до академии) со всем движимым и недвижимым имуществом (со зданиями,

надворными постройками, земельными участками и т.д.) передавались в ведение Комиссариата народного просвещения (3). Таким образом, Церковь лишалась возможности осуществлять религиозное образование, разрушалась его прежняя система, при том, что само оно формально не оказывалось под запретом. 22 августа 1918 г., уже на основании декрета, было опубликовано постановление Народного Комиссариата по просвещению «Об освобождении помещений изпод домовых церквей при учебных заведениях и о ликвидации имуществ этих церквей» (4).

Сам по себе декрет о свободе совести 1918 г. на первый взгляд не содержит ничего явно антирелигиозного. Церковь отделяется от государства, провозглашается свобода совести – всё это ещё не подразумевает никаких гонений. Подобное положение религиозных конфессий можно наблюдать и в современном мире. Однако формулировки декрета столь нечётки, что могут быть истолкованы в разных смыслах. Само понятие «свобода совести», которое вводилось законом, не имеет чётких определений. Декретом в России запрещалось «издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан» (ст. 2). Ограничивать свободу совести не то же, что ограничивать права религиозных общин. Свобода совести подразумевает и вневероисповедное состояние и антирелигиозные убеждения и деятельность, и скорее на их защиту и направлено данное положение. «Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан и Советской Республики. Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности» (ст. 5). Сама формулировка данной статьи подразумевает, что религиозные обряды могут нарушать общественный порядок и посягать на права граждан и советскую власть. Эта часть декрета также предоставляет свободу самой власти в произвольном определении границ безопасности религиозных обрядов, в суждении о нарушении при их отправлении прав граждан и безопасности советской власти. И хотя по сути своей декрет «Об отделении церкви от государства» не является основой гонений на Церковь и религию, такие возможности открывались при его определённом истолковании. Статьи о лишении Церкви прав юридического лица и собственности ставили Церковь в бесправное положение, и свободное существование Церкви в государстве было уже немыслимо. В частности, монастыри лишались возможности вести хозяйство, а, следовательно, и возможности существовать (5). Декрет предоставлял широкие возможности варьирования политической стратегии

власти, что она в дальнейшем осуществляла различными законодательными и подзаконными актами.

24 августа 1918 года вышла инструкция к декрету о свободе совести (СУ РСФСР 1918 г., №62 ст.685), в которой государственная власть регламентировала «исполнительные органы» приходов, образованные по типу советских – церковные советы или «двадцатки» прихожан. Игнорировалось существование церковных органов управления, лишь приходы или в советской терминологии «общества верующих» могли быть признаны и зарегистрированы в соответствии с установленной процедурой на местах (6). Таким образом, Советское государство демонстрировало свою власть над Церковью, не считаясь с каноническим церковным устройством, демонстративно игнорируя церковную иерархию.

Некоторые законы новой власти прямо предусматривали действия, расцениваемые верующими как кощунство, которые как раз и явились результатом своеобразного толкования большевиками принципов свободы совести. Кампания по вскрытию мощей началась 23 апреля 1919 г. циркуляром Отдела управления НКВД, направленным всем губисполкомам, а 29 июля 1920 г. постановление СНК РСФСР утвердило предложение Наркомата юстиции «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе» (7), узаконив вопиющее оскорбление религиозных чувств верующих. Данная кампания миновала Донскую область по причине отсутствия почитаемых верующими мощей.

8 мая 1918 г. Совнарком постановил: «Проведение в жизнь закона об отделении церкви от Государства поручить особому Отделу при Комиссариате Юстиции, которому должна немедленно сдать свои дела Междуведомственная Комиссия, существующая в настоящее время для этой же цели» (8). Возник VIII (впоследствии V) так называемый «ликвидационный» отдел Наркомата юстиции (НКЮ), задачей которого была ликвидация дореволюционных отношений между Церковью и государством и пресечение «контрреволюционной» деятельности религиозных организаций (9). Руководителем стал П.А.Красиков. Образованы отделы по проведению декрета в жизнь при губернских исполкомах и комиссариатах юстиции (10), которые должны были осуществить передачу церковного имущества на баланс местных советов (11). В 1919-20-х гг. НКЮ отстаивал право на разработку и проведение в жизнь государственной религиозной политики в соперничестве с ВЧК, критикуя её представления о содержании и методах борьбы (12). Вскоре вместо V «ликвидационного» отдела Наркомата Юстиции в качестве инициаторов и исполнителей все больше стали выдвигаться органы ОГПУ (13), а особой фигурой в антицерковной работе стал начальник VI отделения Секретного отдела ОГПУ и главный куратор Церкви Е.А.Тучков. В июле 1921 г. при отделе пропаганды и агитации ЦК РКП(б) была создана комиссия по антирелигиозной пропаганде, на базе которой в 1922 г. возникла Антирелигиозная комиссия (АРК), координирующая анти-церковную деятельность различных

ведомств и

учреждений (14). Политбюро держало всю деятельность различных государственных структур под своим твёрдым контролем.

Советская власть утвердилась на Дону в январе 1920 г., после чего она могла приступить к реализации положений декрета «Об отделении церкви от государства». Политическая обстановка в области была нестабильной, она осложнялась антибольшевистским повстанческим движением казаков и крестьян. Поэтому мероприятия необходимо было проводить с достаточной осторожностью. Отчёт о деятельности Донского областного отдела юстиции (15) за 1920 год сообщал о серьёзных препятствиях на пути реализации нового законодательства: часть области до 1 марта 1920 г. была занята белыми, 18 февраля произошёл «налёт белых на Ростов», а в июле –

«десант Врангеля и полковника Назарова»; второй принципиальной тормозящей причиной был назван «особый социальный состав местного населения, принадлежность к бывшему казачьему сословию, отличающемуся всеми признаками мелкого буржуа, особенно тяготеющего к институту частной собственности» (16). Казачество – важная составляющая социальной структуры населения Донской области, занимавшей основную часть территории бывшей Области Войска Донского – часто выступало как активная сила, что сказывалось на работе органов советской власти на протяжении всех 1920-х гг. существенным образом.

26 мая 1920 г. (17) Донской губернский отдел юстиции получил из VIII отдела Наркомюста циркуляр от 18 мая 1920 г. о пресечении деятельности «т[ак] н[азываемых] Епархиальных Советов, Генеральных Консистерий и т.п. религиозных организаций», которые ставились вне закона, а их деятельность по толкованию Наркомюста признавалась противоречащей п.12 декрета «Об отделении церкви от государства» («никакие церковные и религиозные общества не имеют прав владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют») (18). В документе отмечалось: «...весьма важно пересылать нам все циркуляры и тому подобные письма и распоряжения, какие имеют последовать на сей предмет со стороны духовных центров» (19). Донской отдел юстиции отреагировал на циркуляр Наркомюста почти курьёзным образом, и эта реакция свидетельствует о том, что по существу ничего для реализации декрета на Дону ещё не предпринималось, и вообще власти слабо представляли себе положение церковных структур в пределах области. Заведующий общим подотделом в докладной записке в Коллегию юстиции по поводу исполнения декрета писал: «Надлежит иметь в виду, что Отдел Юстиции не имеет сведений о том, что именно сделано в этой области, и лишь случайно узнаёт о существовании того или иного учреждения церковного, о нежелательности которого сообщается в циркуляре Наркомюста. (Так напр[имер], до сведения Отдела Юстиции дошёл факт существова-

ния в Области Епархиального совета.)» (20). Циркуляр Наркомюста было решено вручить под расписку архиерею.

В тот же день, 26 мая 1920 г. Донской исполком начал реализацию положений декрета «Об отделении церкви от государства» принятием нескольких решений: «1. Утвердить предложенный Отделом Юстиции цирку-

ляр (разъяснение к декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви) и разослать к руководству по всем округам. 2. Утвердить представленное Отделом Юстиции воззвание к населению Донобласти, разъясняющее содержание указанного декрета. 3. Предложить Отделу Юстиции подготовить доклад с указанием технических правил порядка проведения указанного декрета... по городу Ростову-на-Дону» (21).

Документы, обозначенные в пунктах 1 и 2 данного постановления, заслуживают нашего особого внимания, поскольку вскрывают взгляды местных советских руководителей на суть декрета и принципы его практической реализации. А в данный период от того, как истолковывался декрет на местах, зависело положение Церкви в конкретном регионе.

«Разъяснение к декретам Совнаркома об отделении церкви от государства и школы от церкви /С.У. за 1918 г. №18 ст.263 и №62 ст.685/», подписанное председателем Донисполкома, заведующим отделом управления и заведующим отделом юстиции, было предназначено для внутреннего пользования, его направили всем исполкомам области. В п.1 говорилось:

«...никому не может быть воспрещено отправление тех или иных религиозных обрядов, как равно произнесение проповедей на религиозные темы; а все учреждения и лица должны относиться ко всем культам и обрядам одинаково, проявляя при этом полное уважение и терпимость, и избегая каких бы то ни было притеснений. Вмешательство власти допускается лишь в том случае, если под видом отправления религиозных обрядов и в проповедях проводятся течения, противные существующему Советскому строю...». Таким образом, местные власти провозгласили религиозную терпимость, однако они также последовали логике декрета, подозревая в религиозной деятельности политическую составляющую, обязательно враждебную «Советскому строю». Далее двойственность этого документа проявляется более отчётливо. Здания храмов передаются группам граждан по заключённым с советами соглашениям. Однако в исключительных случаях они могут закрываться и использоваться для других целей: «а) когда не окажется соответственная группа граждан, желающих войти в соглашение с местными Советами, б) если при этом Совет Рабочих и Кр. Депутатов в силу нужды в соответственном помещении постановит об этом другое решение» (п.4). Формулировка довольно туманна, не вполне ясно, в каких именно случаях местный совет имеет право ликвидировать храм, что в принципе сохраняло возможность

произвола на местах. В целом же это положение соответствовало духу принятого НКЮ 3 января 1919 г. циркуляра, предназначенного для коррекции неправильных действий властей на местах, и предупреждавшего насильственное закрытие храмов (22).

Кроме того, «Разъяснение к декретам Совнаркома» утверждало, что, опять-таки в исключительных случаях, действующие «храмы и молитвенные дома могут быть использованы для культурных и просветительных целей... При этом местный Исполнительный Комитет обязан принять все меры к недопущению какого бы то ни было оскорбления предметов, почитаемых верующими за святые» (п.5). К «исключительным» относились ус-

ловия: «действительно ощущается острый недостаток в помещениях» и

«большинство членов местной религиозной общины (прихода) не возражает против использования церковного помещения для этой цели», наконец,

«если это не препятствует отправлению богослужения». Данный фрагмент

«Разъяснения» практически полностью соответствует тексту циркулярного письма Наркомата внутренних дел РСФСР «Всем губисполкомам и горисполкомам об отношении к религиозным обществам» от 28 февраля 1919 г. (23). Именно оно делает подобное допущение возможности использования храмов для гражданских целей, для собраний людей, далёких от Церкви, а возможно, и враждебных ей. Власть не хотела замечать здесь грубого вмешательства в сакральную жизнь Церкви и нарушения принципов отделения Церкви от государства.

В тексте «Разъяснения» Донисполкома имеется любопытная оговорка. Он говорит о зданиях, «принадлежащих церкви» (п. 7). В то время как декретом с толкующими его подзаконными актами власть настойчиво внедряет в народное сознание мысль, что храмы и другое церковное имущество не принадлежат Церкви и распоряжаться ими имеет право весь народ, как верующие, так и неверующие его представители (а на самом деле сама власть).

В п. 7 данного документа также допускались «исключения»: «Аресты и обыски служителей культов во время богослужения не допускаются. Исключение может быть допущено лишь в крайних случаях, если подлежащие аресту или обыску лица бесспорно уличены в контрреволюционном заговоре». О том, что репрессии духовенства неизбежны, подразумевает и п. 11:

«При применении репрессий к духовенству надлежит избегать таких мер, как ссылка, или высылка из пределов области и запрещение в храмах какой бы то ни было проповеди». Вместе с тем, «при проведении в жизнь правил о трудовой повинности надлежит избегать привле-

чения служителей культа для выполнения чёрных работ (очищение улиц, площадей и т.п.)» (п. 8). Наряду с традиционным приёмом политики советской власти, заключающимся в оправдании преследования священнослужителей их контрреволюционной деятельностью, и даже допущении арестов и обысков во время богослужения (хоть и в исключительных случаях), нельзя не заметить стремления местной власти не допускать полный произвол.

Донская власть всё же делает определённые шаги в направлении некоторой религиозной терпимости и уважения прав верующих, проводя смягчённый вариант политики центра в отношении религии и Церкви. Священнослужителям разрешалось вести метрические книги, а книги брачных обысков не подлежали передаче в ЗАГСы в принципе (п. 9). «Преподавание религиозных вероучений не допускается декретами Советской власти в государственных, общественных и частных учебных заведениях, но разрешается в заведениях специально богословских» (п. 12). «... Не могут быть воспрещены добровольные складчины групп граждан, ... если сбор производится на приобретение предметов религиозного культа, на содержание его служителей, предметов хозяйства, обихода, храма и т. п.» (п. 14). Также

было признано «недопустимым» применять любые «репрессии» по отношению к духовенству, отказавшемуся венчать лиц, расторгнувших брак в гражданском порядке. Донисполком предупреждал местные органы власти о том, что во всех случаях «надлежит применять все правила законов, изданных для остальных граждан, соблюдая при этом полную корректность» (п. 7), и не допускать оскорбления религиозных чувств верующих. Текст документа был подписан председателем Донисполкома, заведующими отделов управления и юстиции (24).

Одновременно с публикацией в газете «Советский Дон» декрета «Об отделении церкви от государства» было опубликовано и воззвание, предназначенное всему населению Донского региона – «К Рабочим, Крестьянам, Казакам и ко всем гражданам Донской Области».

В его тексте говорилось: «...Советская власть на Дону, в лице Донисполкома, через существующие при нём Отделы Юстиции и Управления, приступает к проведению в Области величайшей реформы, призванной осуществить на деле Свободу Совести и свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды за всеми гражданами РСФСР, провозглашённую в ст. 13 Советской Конституции» (25). Отныне в Советской России, по мнению авторов обращения, «не будет господствующей церкви, какою была, скажем, православная церковь в царской России, но не будет и церкви гонимой (здесь и далее выделено мною – Ю.Б.), скажем, как духоборы, толстовцы и другие секты в той же царской России». Далее воззвание разъясняло смысл и положения декрета. Статья 9 декрета – об отделении школы от Церкви – объяснялась так, что наука освобож-

дается «от всякой возможности искажения её посредством примеси, каких бы то ни было вероучений. Сторонники научного мышления, не исповедывающие (так в тексте – Ю.Б.) никакой религии, получают действительное право и устно и печатно выражать свои мысли, каких бы областей знания они не касались. Всем этим закладывается прочное основание освобождению трудовых масс от насильственного навязывания им с младенческих лет до гробовой доски разных вероучений». Разъяснялись и статьи 10–13 декрета – о лишении Церкви и всех церковных и религиозных обществ прав юридического лица и, прежде всего, права владения собственностью: «Эта часть декрета обычно вызывает со стороны церковников и тех, кто хотел бы использовать церковь в контрреволюционных целях, наибольшее нареkanie на Советскую власть, вплоть до гнусной клеветы, что Советская власть своим декретом объявила церкви войну и начала всяческие гонения на веру. В действительности, конечно, эта часть декрета отнюдь никакого нападения на веру и на религиозную свободу граждан не совершает. Борясь против капиталистического хозяйства вообще, Советское рабоче-крестьянское правительство не могло оставить неприкосновенными церковные и монастырские капиталистические хозяйства. ... Желая лишить церковь всякого вообще политического влияния, Рабоче-Крестьянское Правительство должно было лишить церковь главного орудия такого влияния в современном обществе, именно былой экономической мощи. Нередко собирая в своих руках громадные капиталы в целях политических, церковь прикрывалась ширмами благотворительности, просветительной своей деятельности и т.п. Но теперь школа, просвещение совершенно изъяты из ведения церкви. Что же касается благотворительности, то социалистическое общество вообще не мыслит неимущих и нуждающихся в чьей-либо частной благотворительности, а пока нет ещё социализма, Рабоче-Крестьянское Правительство развило и поставило дело социального обеспечения так широко, как ни одно ещё государство в мире» (26).

Документ расширял принятое Донисполкомом «Разъяснение к декретам Совнаркома», практически цитируя циркулярное письмо Наркомата внутренних дел РСФСР об отношении к религиозным обществам от 28 февраля 1919 г.: «Ничего не будет, конечно, противозаконного и для религиозного чувства оскорбительного в том, если при недостатке помещений, придётся использовать храмы и молитвенные дома для просветительных и политических целей... если, наконец, местный Исполнительный Комитет в состоянии обеспечить такой порядок гражданских собраний в храмах и молитвенных домах, при котором участники этих собраний не оскорбят каким-либо образом предметов, почитаемых верующими за священные» (27). Таковы результаты национализации церковного имущества. Церковная собственность принадлежала не общинам верующих, как представителям народа, она принадлежала всем – верующим и неверующим, последние также имели право распоряжаться ею. Вот ещё

одно свидетельство того, что в Советском государстве не было последовательного проведения принципов свободы совести, не было и секуляризации в её классическом понимании. Под секуляризацией большевики скорее понимали насильственную десакрализацию. Власть не считалась с внутрицерковными представлениями о священном, она сама устанавливала не только границы законного, но и сакрального, присвоив себе право определять, что оскорбляет религиозные чувства верующих, а что нет.

Далее говорилось, что инструкция Народного Комиссариата внутренних дел «не допускает никаких насилий и оскорблений, под угрозой строжайшей ответственности по отношению к служителям той или иной церкви... Конечно, священнослужители, поскольку они остаются гражданами, поскольку они окажутся политическими противниками Рабоче-Крестьянской власти, контрреволюционерами и главное, поскольку они в своих контрреволюционных целях будут пытаться использовать религиозные убеждения масс, могут и должны быть караемы властью по всей строгости законов революционного времени, но и тогда надлежит при обысках и арестах священнослужителей, и, применяя к ним те или иные репрессии, всячески стараться не оскорбить религиозные чувства верующих» (28).

Представленное выше воззвание можно считать первым мероприятием антицерковной и антирелигиозной политики власти на Дону. Некоторые его положения были напрямую заимствованы из упомянутого циркуляра Наркомата внутренних дел о религиозных обществах – в том, что касается положений об отделении школы от Церкви и научном мировоззрении, о возможности гражданских собраний в церквях. Документ демонстрирует, что с самого начала установления советской власти присутствовало осознание неизбежности крупномасштабных гонений на Православную Церковь. Советская власть не признавала

Церковь самостоятельным и внутренне независимым институтом, полностью отказывала ей в религиозных мотивах. Церковь воспринималась лишь как придаток монархии, как политический противник, способный существовать только по законам капиталистического общества. Большевики выделили два основных средства существования Церкви – вероучение и экономическая мощь, – с которыми нужно было вести решительную борьбу. Отделение школы от Церкви, которое интерпретировалось как освобождение научного мировоззрения, обеспечивало победу по первому направлению борьбы, а лишение Церкви прав юридического лица и имущества, исключение каких бы то ни было экономических отношений – по второму.

16 июля 1920 г. состоялось заседание Коллегии отдела управления Донисполкома. Рассматривался вопрос о создании при областном отделе управления специальной комиссии, которая «будет руководить и наблюдать за всеми распоряжениями, касающимися вопроса об отделении церкви от государства» (29). По-

новывалась так:

«Вследствие частого поступления запросов от церковных обществ разных культов о конфликтах с учреждениями Советской Власти...» (30).

28 августа 1920 г. было принято «Обязательное постановление ДИК»

(31) в качестве руководящего документа оговаривающего техническую сторону осуществления «отделения церкви от государства» на Дону. Оно представляет собой, главным образом, парафраз общих положений декрета и связанных с ним постановлений центральных органов власти. Лишь отдельные положения устанавливали порядок его реализации на местном уровне.

В целом следуя упомянутому циркуляру, «Обязательное постановление» устанавливало следующий порядок: «Религиозные шествия, а также совершение каких бы то ни было религиозных обрядов на улицах и площадях допускается лишь с письменного разрешения Отдела Управления, выдаваемого устроителям не позднее, чем за два дня до шествия или обряда».

«Религиозные организации» всех вероисповеданий были обязаны в трёхнедельный срок со дня опубликования постановления представить в отдел управления инвентарные описи храмов и храмового имущества и подписать договор, установленный инструкцией «Об отделении церкви от государства». Документ обязывал представителей всех вероисповеданий, государственные и общественные учреждения и частных лиц, в чьём фактическом владении находилось любое доходное имущество церковных обществ, в тот же срок представить в отдел управления сведения о нём вместе с описями. Требовалось также передать книжки сберегательных касс и банковские документы церковных обществ.

В ст. 13 «Обязательного постановления» на основании положения декрета о возможности частного обучения граждан религии регламентировалось право религиозных обществ на организацию духовного образования. Здания духовно-учебных заведений всех вероисповеданий, а также церковно-приходские школы переходили в распоряжение местных советов, которые могли предоставлять их в пользование для специальных учебных заведений, однако, на общих для всех граждан основаниях и с ведома Донского областного отдела народного образования. Таким образом, у Православной Церкви сохранялось, почти нереализуемое на практике, но юридически закреплённое право на организацию религиозного образования в Донской области (в дальнейшем она попыталась воспользоваться им) и возможность совершения богослужения за стенами храмов. Автором проекта постановления был священник – протоиерей ростовского Кафедрального собора, бывший профессор права Павел Верховский (32). Он, очевидно, смог провести такое толкование декрета, которое было наименее болезненным для церковной организации.

Заключительные статьи постановления информировали об

учреждении специальной комиссии при областном отделе юстиции, в ведение которой поступало воплощение всех принятых постановлений центральных и местных органов власти в жизнь. Постановление подписали председатель Донисполкома А. Знаменский и заведующий Донским отделом юстиции М. Болдырев.

Итак, в 1920 г. при отделе юстиции Донского областного исполкома была создана межведомственная комиссия для решения вопросов по введению декрета о свободе совести, получившая в практике название «Донская комиссия по отделению церкви от государства» (33). В её состав вошли представители отдела юстиции, отдела управления Донисполкома, отдела записей актов гражданского состояния и Рабоче-крестьянской инспекции (34). Решения Комиссии считались окончательными и могли быть обжалованы только в Донисполкоме.

6 октября 1920 г. Коллегия отдела юстиции просила Донисполком разрешить организовать при этом отделе специальный подотдел «по проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства» и назначить его заведующим председателем Комиссии А.В. Карагичева, который должен был сформировать штат подотдела (35). Президиум Донисполкома на следующий день отклонил просьбу о специальном штате и предложил пользоваться штатом общего подотдела (36). 21 октября 1920 г. на совместном заседании Коллегии отдела юстиции и членов Комиссии «по отделению церкви от государства», подвергнув анализу работу последней, вновь вернулись к вопросу о необходимости дополнительных штатов специального подотдела: «Приведение в жизнь декрета об отделении церкви от государства возложить, согласно положения о местных органах Юстиции, на общий подотдел. Для исполнительных функций образовать в составе общего подотдела ликвидационное отделение. Войти в Донисполком с представлением об увеличении штатов Общего подотдела соответственно с усилением работы этого подотдела, вызываемым фактическим применением и осуществлением начал декрета... Для решения межведомственных вопросов по введению в действие декрета сохранить существующую под Председательством т. Карагичева комиссию в прежнем составе. Поручить т. Ландау (37) разработать и представить на утверждение Коллегии к 27 октября циркуляр Окрисполкома, определяющий какой именно орган и в каком порядке должен на местах ведать делом осуществления декрета» (38). 2 ноября 1920 г. было решено «в качестве технического аппарата использовать канцелярию Общего Подотдела и 6-го Консультационного Бюро» (39). Таким образом, при отделе юстиции был создан специальный подотдел для реализации декрета, получивший название ликвидационного. Специального аппарата так и не создали, личный состав подотдела сформировали из сотрудников отдела юстиции «на началах совместительства и сверхурочных работ» (40).

Ситуация в области осложнялась экономической политикой со-

ветской власти. В 1920 г. проведение продразверстки оказало угнетающее влияние на настроение местного населения. Докладные записки о политической ситуации с мест, из районных центров и волостей, свидетельствовали об охватившем многие округа Донобласти голоде, который окончательно истощил силы крестьянства, в связи с чем усилилось его отрицательное отношение к власти (41). Несмотря на то, что население оказалось в ситуации выживания, когда всё внимание народа было поглощено бытовыми и финансовыми проблемами, обеспечением хозяйства посевными материалами и т.п., были отмечены случаи активного сопротивления. В Донецком и Верхне-Донском округах возникли волнения, явно враждебные советской власти (42). Отдел юстиции в отчётных документах 1920 г. сообщал, что в связи с тяжёлой политической обстановкой и исходя из «дипломатических соображений» в некоторых округах (в частности, в 1 Донском округе) исполкомы приняли решение «не производить мероприятий по отделению церкви от государства» (43). По планам Комиссии организация работы по округам Донобласти в целом намечалась лишь на 1921 год с оговоркой, что «начало этой работы возможно будет определить в связи с выяснением положения дел и настроения широких масс казачества на местах» (44). Тем временем начали реализацию положений декрета в г. Ростове-на-Дону.

Первое заседание Комиссии состоялось 23 сентября 1920 г. Было решено назначать заседания еженедельно по четвергам в час дня (45).

27 сентября Комиссию официально возглавил А.В. Карагичев (46). Александр Васильевич Карагичев, на тот момент член РКП(б), юрист, заместитель заведующего Донским областным отделом юстиции (47), до назначения его Наркомюстом в 1919 г. на должность в местный отдел юстиции, выполнял, в основном, агитационную работу в войсках в Кременчуге, в 1907–1919 годах – в Тифлисе, а в 1906–1907 годах «заведовал боевой дружиной».

Донской областной отдел юстиции с 11 февраля 1920 г. возглавлял Г.Я. Мерэн «коммунист, под руководством которого протекала вся организация и текущая работа» (48).

В протоколах Комиссии зафиксирован следующий состав заседающих. Как правило, это были Карагичев, представитель общего подотдела отдела юстиции Ландау, представитель отдела управления Донисполкома Щербачев или Орлянский и представитель Рабоче-крестьянской инспекции т. Лезгинцев. В дальнейшем А.В. Карагичев, Б.А. Ландау и И.Н. Лезгинцев составили то основное ядро Комиссии, без которого не подписывался ни один протокол.

Комиссия занималась юридическим сопровождением, организацией и общим контролем практической реализации положений декрета. Переписка с церковными советами говорит о спокойном, деловом характере отношений, произвол в действиях Комиссии был исключён. Формулировки постановлений Комиссии начинались со слова «предложить»,

например: «Предложить церковному причту устранить находящиеся на некоторых рамах эмблемы бывшей царской власти (орлы, вензеля)» (49). Жалобы верующих, просьбы санкционировать проведение крестных ходов и молебнов удовлетворялись (50). Ряд эпизодов демонстрирует ситуации, когда Комиссии приходилось становиться на сторону верующих и отстаивать соблюдение прав церковных общин перед другими представителями и учреждениями власти на местах. Рассмотрим несколько подобных эпизодов.

14 августа 1920 г. Донской епархиальный совет под председательством протоиерея В. Чернявского направил жалобу в Донской исполнительный комитет, сообщая, что повсеместно окружные и районные исполкомы «устанавливают самую разнообразную практику в своих отношениях к церкви и церковным вопросам». Приводились примеры властного произвола на местах. Так, например, местные советы назначали своих людей в члены приходских советов, других запугивали отправкой в концентрационные лагеря на принудительные работы. Нередко они, угрожая судом, требовали от священников совершения погребений, венчаний и крещений только при наличии удостоверения от местных органов о регистрации соответствующих актов в ЗАГСах. В иных местностях, напротив, запрещали священникам требовать подобные свидетельства, заставляли венчать после гражданского развода. Местные исполкомы также требовали представлять им на предварительный просмотр переписку с епархиальной властью, вмешивались в назначения на места духовных лиц и благочинных. Жаловался Епархиальный совет и на участвовавшие случаи реквизиции приходских помещений, в которых проживали члены причта и их семьи. Обращаясь в Комиссию, Епархиальный совет выразил надежду, что «по всей территории Донской епархии будет установлен однообразный порядок, как содействующий успокоению населения» (51). В ответ на жалобу Донисполком вынес следующее решение: «Указать всем окрисполкомам и всем отделам Донисполкома на необходимость строжайшего исполнения всех узаконений Советской власти в отношении церковных учреждений всех исповеданий, отнюдь не принимая самочинных мер, расходящихся с законодательством в сем деле РСФСР и могущих вызвать волнение в среде верующего населения» (52).

Обе стороны – светская и церковная – были озабочены тем, как вести диалог с населением, как подготовить его к «правильному пониманию Декрета», научить технике составления договоров, описей и пр. (53). Председатель Донской комиссии по отделению Церкви от государства А.В. Карагичев обратился за посредничеством к протоиерею ростовского Кафедрального собора, бывшему профессору Варшавского (Донского) университета Павлу Владимировичу Верховскому, пригласил его на первое же совещание Донского юридического отдела. Фактически к нему обратились за помощью в разъяснении смысла декрета и

практики его проведения. Комиссии была нужна информация о церковной жизни. Верховский был знаком с работниками юридического отдела Донисполкома по Варшавскому университету, эвакуированному в Ростов-на-Дону в 1915 г., в котором он проработал 11 лет профессором светского и церковного права (54). Кадры юротдела, очевидно, были частично сформированы за счёт выпускников Варшавского университета (55). Кроме того, Ростовский и Таганрогский епископ Арсений (Смоленец) также окончил юридический факультет Варшавского университета (56).

Верховский стал постоянным гостем отдела юстиции Донисполкома, приглашался как советник и эксперт.

На 31 августа 1920 г. в особой сессии Совнарсуда было назначено к рассмотрению 14 дел об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям членов некоторых протестантских общин. Возникла необходимость в эксперте «по вопросам, связанным с существом указанных вероучений» (57). Для этого Совнарсуд просил юридический отдел Донисполкома прислать эксперта. Юротдел направил П.В. Верховскому весьма почтительное приглашение: «...общий подотдел просит Вас пожаловать 31 августа с.г. в 11 час. дня в помещение Совета Народных Судей... В случае Вашего согласия Вам будет выдан соответствующий мандат» (58).

Для духовенства Верховский исполнял роль юридического консультанта. Верховский подготовил проект циркуляра ростовского епископа Арсения (Смоленца), о новом положении Церкви в государстве, который тот подписал и разослал по епархии. Он же был автором проекта рассмотренного выше «Обязательного постановления Донисполкома», разъясняющего декрет и все связанные с ним подзаконные акты, который был принят с небольшими поправками и опубликован Донисполкомом в газете «Советский Дон» (59).

10 ноября 1920 г. состоялось заседание Комиссии совместно с представителями религиозных общин, в котором в качестве представителя Православной Церкви принял участие протоиерей Павел Верховский. На основании циркуляра Народного Комиссариата внутренних дел о закрытии Епархиальных советов Комиссия предложила «Епархиальным Советам и иным центрам церковного управления прекратить свою деятельность и представить в Комиссию сведения о произведённой ликвидации Совета». Вместе с тем, была признана необходимость в представительстве верующих для отношений с советской властью при реализации декрета «Об отделении церкви от государства». Ещё 25 мая 1922 г. отдел юстиции выразил своеобразный взгляд на существование епархиальных советов: «Декрет об отделении церкви от государства не касается внутренней иерархии церковнослужителей в пределах каждого вероисповедания. Поэтому нет законных оснований для существования епархиальных советов, как признанных и официальных органов представи-

тельства вероисповедных обществ, но нет также оснований отвергать право на существование епархиальных советов, как учреждений, имеющих значение только внутри пределов вероисповедного общества, лишенных всяких прав представительства интересов общества вовне» (60). Комиссия вынесла решение «признать желательной организацию совета религиозных общин православного исповедания по примеру совета общин баптистов, старообрядцев и др.» (61). На основании такого мнения Комиссии законными признавались советы, «которые не имеют своего административного и хозяйственного аппарата» (62). 17 ноября 1920 г. в заседании Комиссии представитель Епархиального совета Донской епархии (центр – г. Новочеркасск) сообщил о том, что ещё в январе 1920 г. организован Совет православных приходов Донской епархии «для объединения деятельности приходов и руководства их внутренней жизнью». Комиссия постановила: «предложить совету православных приходов Донской Епархии принять текущие дела Епархиального совета, относящиеся к духовнорелигиозному руководству внутренней жизнью православных приходов» и принять в своё ведение помещение Епархиального совета в г. Новочеркасске (63).

Тем временем Черкасский военный округ приступил к освобождению помещения упразднённой Духовной Консистории г. Новочеркаска для обустройства там своего комиссариата. Закончить его предполагалось к 1 июля 1920 г., но 17 июня реквизиция была приостановлена. 17 ноября комиссия по отделению Церкви от государства рассмотрела просьбу Донского епархиального совета об освобождении данного помещения от реквизиции.

Епархиальный совет в указанном здании занимал 6 комнат, и столько же комнат было отведено под квартиры служащих. В том же помещении 3/4 помещений двух нижних этажей были отведены Окружному архиву ЗАГСа. По свидетельству Епархиального совета архив представлял огромную историческую ценность. В его фондах находились метрические книги всех церквей Донской области за последние сто лет, он содержал также дела Донской епархии с 1744 года, уникальные источники по истории раскола на Дону и представлял «большую ценность для науки». Оба архива теперь входили в ведение Советской архивной комиссии. В здании располагались Богословские пастырские курсы, разрешённые отделом народного образования, с центральной библиотекой духовной литературы, которые занимали 5 комнат, квартира викарного епископа Аксайского Модеста, освобождённая решением комиссии от реквизиции. Одно помещение занимала канцелярия продовольственной базы военкома. К этому времени советской властью были реквизированы здания Духовной семинарии, Духовного училища, Епархиального училища, викарного епископа, епархиальной библиотеки-читальни и часть архиерейского дома. У епархиального совета не осталось больше помещений (64).

Комиссия отметила, что ранее, 30 сентября, она вынесла ре-

шение предложить Центральному жилищному отделу не производить реквизиций и уплотнений помещений, занимаемых религиозными общинами, а 17 июня председатель Донисполкома предписал приостановить реквизицию помещения Епархиального совета и сохранить всю обстановку его помещений и оборудование канцелярии. Поэтому было решено сообщить областной и фронтовой комиссиям по расквартированию войск о необходимости освободить данное помещение от реквизиции (65).

Затем в Комиссию стали поступать заявления от причтов ряда церквей с просьбой освободить от реквизиции и уплотнения занимаемые ими причтовые дома: Владимирской (Шаховской) церкви, церкви при бывшем доме Трудолюбия, Вознесенской церкви г. Ростова-на-Дону, Покровского храма села Покровское, Вознесенской села Круглое (66). Среди них – ходатайство прот. П. Верховского о помещениях в ограде ростовского Кафедрального собора. Причт Петро-Павловского храма просил освободить от реквизиции и уплотнения дома, находящиеся как в ограде храма, так и на церковной площади (67). Председатель совета православных общин прот. В. Чернявский ходатайствовал об освобождении помещений церковных домов в станицах Филипповской и Кумшацкой, занятых исполкомами, и станицы Ефремовской, занятых детским приютом. Во всех случаях решение Комиссии было однотипным: согласно принципиальному решению, принятому Комиссией 30 сентября, признать, что данные помещения, занимаемые причтами, не подлежат ни реквизиции, ни уплотнению. Об этом сообщалось Центральному жилищному отделу. Председатель Комиссии А. Карагичев направил на места директивы об освобождении домов духовенства, как незаконно занятых, независимо от того, какие организации занимали эти дома. Например, Астаховскому волисполкому он предложил освободить дом священника от организованного там общежития инвалидов и даже не подвергать его «уплотнению» (68).

В этот период были закрыты лишь домовые церкви и часовни, находящиеся непосредственно в учреждениях и учебных заведениях, как того требовал декрет и постановление Народного Комиссариата просвещения (69). Причём, принятие официальных решений затянулось до 1923 года (70). В 1921 году местная власть ещё плохо себе представляла состояние этих церквей, и обратилась за информацией к прот. П. Верховскому (71). Договор с общиной Казанской церкви, бывшей полковой Таганрогского полка, находящейся в пределах территории казарм, был расторгнут лишь 2 августа 1922 года (72), однако обнаруженные в архиве метрические записи данной церкви за 1924 г. свидетельствуют о том, что она фактически оставалась действующей (73). Архангело-Михайловскую церковь на территории Клинического городка было решено закрыть 16 мая 1923 г. «в случае отсутствия возражений со стороны рабочих и служащих клиник» (74). Церковь при школе №2, бывшей Екатерининской гимназии, первоначально была передана группе верующих, правда,

община сразу же распалась, но официальное решение о закрытии было принято только в 1923 году. Церковь при Петровском реальном училище была приписана Покровскому приходу и в 1922 г. была действующей, кампания по изъятию церковных ценностей прошла и в её стенах (75).

Комиссия произвела заключение договоров о пользовании приходским имуществом между Донисполкомом и всеми религиозными общинами городов Ростова и Нахичевани-на-Дону – это 21 православная, 2 старообрядческих, 1 римско-католических, 1 лютеранская, 2 баптистских, 11 еврей-

ских, 1 караимская, 1 мусульманская и 8 армяно-григорианских общин (76). Новочеркасское духовенство воспользовалось опытом ростовского, посредником вновь выступил всё тот же протоиерей П.В. Верховский (77). Процесс заключения договоров прошел относительно быстро и без конфликтов. Заведующий Донским отделом юстиции в докладе о проделанной работе заметил: «Таким образом, работу комиссии в городах Ростове и Нахичевани-на-Дону по отделению церкви от государства можно считать законченной. Остаётся время от времени делать проверки и осмотр сданного в пользование той или иной общине имущества... и всевозможная текущая работа» (78). Сведений о других округах Комиссия почти не имела. Известно лишь о деятельности созданной в апреле 1920 г. комиссии Черкасского округа под председательством члена исполкома тов. Орловского (79). Окружной комиссией были получены документы от более сотни церквей. Но после выхода постановления Донисполкома от 28 августа, по которому все заявления должны были рассматриваться только областной Комиссией, а также из-за неопределённости положения окружной комиссии, отсутствия указаний о её полномочиях, штатах, средств на содержание, она прекратила своё существование (80).

Протоколы Донской областной комиссии «по отделению церкви от государства» позволяют сделать вывод, что её основное внимание было поглощено проверкой церковного имущества и передачей его общинам по заключённым с ними договорам. Работа эта была, конечно, очень громоздкой. Секретарь канцелярии подотдела по отделению Церкви от государства, печатавший документы, проработал сверхурочно в марте 1921 г. 52 часа (81). Общинам также приходилось просить об отсрочках: 4 сентября 1920 г. благочинный церквей гг. Ростова и Нахичевани-на-Дону прот. К. Молчанов просил Донисполком об отсрочке предоставления описей церковного имущества, так как их составление требует немало времени (82).

За первый неполный год работы Комиссии было организовано лишь 10 антирелигиозных лекций в городах Ростове и Нахичевани-на-Дону на фабриках и заводах и 12 лекций в станицах Кривянской и Старочеркасской (83). Они пока носили случайный бессистемный характер. Организация антирелигиозной пропаганды была намечена лишь на следующий 1921 г. В гг. Ростове и Нахичевани-на-Дону и по области планирова-

лось организовать доклады, лекции, митинги и т.д., краткосрочные курсы для антирелигиозных пропагандистов.

В конце декабря 1920 г., наконец, дошла очередь и до организации работы на местах. Донской областной отдел юстиции разослал циркуляр «Всем Окрбюро Днобласти», предписывающий «срочно приступить к практическому проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви по округам». Общее руководство и контроль возлагались на окружные исполкомы, которые должны были действовать через окружные бюро юстиции. Последним предоставлялось право создавать свои особые комиссии по типу областной, или поручать работу сотруднику окружного бюро. В волостях, станицах и сёлах окрбюро должны были действовать через местные исполкомы, с привлечением к их работе Народных судей и Уполномоченных инструкторов. Окружным бюро вменялось в обязанность «повести среди широких масс населения соответствующую пропаганду для разъяснения смысла декрета... и искоренения религиозных предрассудков и заблуждений» (84). Коллегия отдела юстиции предложила Комиссии «принять меры к организации митингов, собраний, лекций и помещению статей в прессе» (85). Таким образом, работа по секуляризации в понимании руководства отдела юстиции представлялась неразделимой с антирелигиозной пропагандой. Одновременно Донская областная комиссия по отделению Церкви от государства направила в окружные бюро юстиции свой циркуляр, в котором отразилось её понимание смысла проводимых мероприятий, которое, на мой взгляд, является ключевым. Подчёркивалось, что необходимо руководствоваться общим пониманием декрета: «Отделение церкви от государства означает освобождение церкви от вмешательства Государства и освобождение государства от вмешательства церкви». Окружные бюро юстиции признавались Комиссией её местными органами (86). Об организации антирелигиозной пропаганды ничего не говорилось.

В общем, политика Донской областной комиссии «по отделению церкви от государства» стала плохо согласовываться с задачами центральных органов власти, переходящих к решительному наступлению на Церковь. К тому же, наличие двух руководящих органов – ликвидационной комиссии и комиссии «по отделению церкви от государства» – вполне могло провоцировать соперничество между ними. В Донском областном исполкоме обозначились два, если не противоборствующих, то, во всяком случае, расходящихся взгляда на смысл и тактику реализации религиозной политики

– это позиции отдела юстиции и комиссии «по отделению церкви от государства».

17 января 1921 г. на заседании Коллегии отдела юстиции деятельность Донской областной Комиссии была подвергнута жесткой критике. Основные пункты обвинения касались сотрудничества с духовен-

ством. Комиссия была раскритикована за «недостаточную решительность и определённую». Осуждалось решение, предоставляющее духовенству возможность ведения метрических книг, в котором усматривалось нарушение принципа «полного размежевания государственного управления от церковной жизни». Осуждались «признание как органа советской власти» совета православных общин, заменившего упразднённый епархиальный совет, использование духовенства «как аппарата для внедрения в население сознания важности и безусловной необходимости регистрации актов гражданского состояния», другие, не названные, факты сотрудничества с духовенством. Коллегия пояснила свою позицию: «Духовенство представляется отмирающей кастой, на которую ни в коем случае опираться органам советской власти не следует». Было решено упразднить Комиссию, и передать все дела в

общий подотдел отдела юстиции (87). Таким образом, сохранялась лишь учреждённая при нём ликвидационная комиссия. В отделе юстиции появилась должность, которая называется в документах «Заведующий отделением церкви от государства».

Стиль отношений с верующими с этого времени существенно меняется. Начинается активизация антирелигиозной пропаганды. В марте-апреле 1921 г. прошли антирелигиозные лекции – лектор Щелчков прочёл 12 лекций в г. Новочеркасске и окрестных станицах. В этот же период подотдел создал канцелярский аппарат, отсутствовавший до 1 марта 1921 г., для делопроизводства по практической реализации декрета «Об отделении церкви от государства» на местах (88). После ликвидации окружных бюро юстиции в 1923 г., руководство этим процессом было возложено на отделы управления окружных исполкомов, принявшие всё делопроизводство по данному вопросу. Им была оставлена чисто техническая функция проверки церковного имущества и заключения договоров с группами верующих. Помимо этого исполкомы на местах в марте 1923 г. получили секретное распоряжение, в котором говорилось: «Согласно постановления ВЦИК-а от 6/IX-22-г. все функции по дальнейшему осуществлению декрета по отделению церкви от Государства возложены на Н.К.В.Д. и его местные органы...» (89). ГПУ действительно контролировало процесс закрытия церквей в регионе, и в случаях неповиновения верующих открывало следственные дела.

Монастыри по новому законодательству оказывались вне закона, но первоначально монахам удалось приспособиться к таким условиям существования, они создавали трудовые артели, коммуны, сельскохозяйственные товарищества и т.п. В Донской области в 1921 г. сохранялись такие формы существования монастырей. Местные власти были в замешательстве, как к ним относиться и что с ними делать. Глебовский волостной исполнительный комитет информировал Донисполком, что в посёлке Поповка Глебовской волости есть женская община и просил ин-

струкций, как с нею поступить, «не обостряя населения, стоящего на страже интересов упомянутой общины». Община из 40 сестёр жила в деревянных постройках при церкви, выстроенных помещицей Пеховкиной. Монахини сами обрабатывали землю, имели для этого технику и необходимый инвентарь, содержали животных (90). Прежде, чем решить этот вопрос, отдел юстиции просил прислать представителя общины для выяснения всех обстоятельств (91).

В Кременском Вознесенском монастыре в 1919 г. также был образован подобный коллектив – в трудовую коммуну входили монахи и священнослужители (92).

Власти пошли по пути притеснения таких общин и вытеснения из их стен монашествующих, стали частично занимать принадлежащие им помещения, «подселяя» такой контингент, который был способен сильно усложнить жизнь монахинь или монахов. Например, 28 мая 1921 г. секретарь Ростовского епископа протоиерей В. Добротворский писал, что в г. Ростове-на-Дону есть один женский монастырь, преобразованный в трудовой кооператив – Товарищество «Садогпчёл» (садоводство, огородничество и пчеловодство), зарегистрированное в Донземууправлении. Часть помещений общины были заняты военными, здание приюта – трудовой коммунной для девочек. Донской отдел народного образования решил девочек переселить, а на их место привезти мальчиков-подростков, которые были названы в документе «дефективными». Канцелярия Ростовского епископа просила отдел юстиции не допустить реализации этих планов (93). «Заведующий отделением церкви от государства» стал на сторону верующих, он писал в Наробраз: «...такое внедрение в среду женского монастыря трудового кооперативного Товарищества дефективных детей мужского пола крайне неудобно, как для этих последних, так и для проживающих там сотрудниц Товарищества» (94). В ответ Донской областной отдел народного образования писал: «Мальчики в возрасте до 14 лет не грозят понизить нравственный уровень сотрудниц товарищества

«Садогпчёл», где членами и сотрудниками являются представители обоих полов». В заключение высказывалось ехидное и циничное замечание: «Для подотдела Охраны Детства является непонятным охрана «нравственных интересов» кооперативного товарищества со стороны Заведующего Подотделом отделения церкви от Государства» (95). В ответ отдел народного образования получил гневную записку, собственноручно написанную заведующим ликвидационным отделом: «...дефективные мальчики в 14летнем возрасте с извращёнными наклонностями вряд ли будут иметь хорошее педагогическое влияние со стороны бывших монахинь и послушниц, нравственность которых всегда подвергалась основательным сомнениям, всегда подтверждаемых общественной и научной статистикой» (96). Подобное издевательское отношение к общинам монашествующих, безусловно, вскрывает нацеленность власти на их

скорейшую ликвидацию в пределах Донской области.

На основании всего, изложенного выше можно сделать следующие выводы.

Отделение Церкви от государства в принципе не предполагает прямых гонений на религию и Церковь. Сущность советского декрета «Об отделении церкви от государства» определялась методами его реализации. Сторонники последовательного отделения Церкви от государства обращали внимание на недопустимость насилия, приверженцы религиозной нетерпимости могли легко найти базу для неадекватных мер и притеснений. Последующие законодательные и подзаконные акты советского руководства в области религиозной политики выявили отказ от последовательной реализации принципов отделения Церкви от государства. Церковь оказалась в бесправном положении. Власть же на свой лад конструировала структуру и управление, определяла границы существования Церкви, грубо вторгаясь в её институциональную структуру и сакральную жизнь. Уже на законодательном уровне закладывалось отношение к Церкви как к политическому конкуренту, применение репрессий к которому неизбежно. Декрет и инструкции по его реализации отводили значительную роль местным советским органам власти, которые разрабатывали к этому закону свои комментарии и определяли тактику его реализации. И во многом от их понимания декрета в первые годы советской власти зависела практика отношений государственных и религиозных структур до тех пор, пока центральные органы власти не провели унификацию этого процесса.

На Дону реализация советского законодательства по вопросам отделения Церкви от государства, в сжатые сроки, требовала огромных усилий. Для этого были созданы два аппарата – ликвидационный подотдел при отделе юстиции Доноблисполкома и межведомственная комиссия по отделению Церкви от государства, которые испытывали постоянную нехватку штатов.

В работе Донской Комиссии наблюдалось стремление к последовательной реализации соответствующего декрета. Комиссия не ощущала себя репрессивным органом, она видела свою задачу в соблюдении юридических процедур практической реализации законодательных действий государственной власти. Церковным учреждениям предоставлялась относительная свобода, насколько это было возможно в тех условиях.

Что же определило изображённую выше почти идеальную картину взаимоотношений государственной (в лице Комиссии по отделению Церкви от государства) и церковной властей в Донской области? Во-первых, понимание смысла декрета самой Донской Комиссией, которое отразилось и в её действиях, и во внутренней документации. Оно заключалась в стремлении соблюдать принятое законодательство и не обострять отношений с верующими. Во-вторых, позиция местного духовенства, прежде всего прот. Верховского, и действия представителей епархии

и церковных общин, активно отстаивающих все позиции церковного общества (этот вопрос подробнее будет рассмотрен в следующем параграфе). И, наконец, социальные связи между представителями власти и Церкви. Возможно, настроения сотрудничества с верующими, которые разделяли некоторые местные властные структуры, оказали своё влияние на переход центральной власти к серьёзному обострению отношений с верующим населением. Происходит оно в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей в 1922 году.

§ 2. Отношение донского православного духовенства и верующих к антицерковным действиям власти

Изучение стратегий противодействия верующих антицерковной и антирелигиозной политике советской власти и способов выживания церковных структур в создавшихся условиях является одним из интересных и новых направлений истории государственно-церковных отношений. Рассмотрение этой темы на региональном материале позволяет изучить проблему во всём её многообразии, выявить весь спектр форм сопротивления, которые на местах были детерминированы особенностями социально-политической ситуации, проанализировать его результаты и эволюцию.

Пожалуй, любое исследование, так или иначе затрагивающее антирелигиозную политику советской власти, неизбежно касается и ответной реакции верующих. В основном протест верующих описан как стихийное явление, как немедленный ответ на конкретные антирелигиозные провоцирующие действия. Например, столкновения при закрытии храмов и изъятии церковных ценностей, открытое возмущение антирелигиозными массовыми мероприятиями комсомольцев – пародийными процессиями и т.д. (97). В первые годы советской власти имели место и организованные формы протеста: новые союзы, братства и общества, крестные ходы, собрания и т.д. (98). Протесты верующих преимущественно представляли собой акции гражданского неповиновения, неподчинения законодательным актам советского правительства. Как сопротивление можно рассматривать и поиск способов сохранения сфер церковной жизни, оказавшихся за чертой легальности, деятельность полулегальных и подпольных структур (99).

Взгляды власти большевиков на существование Церкви в Советской стране к 1920 г. проявились вполне отчётливо: она была обречена на уничтожение. Идеологическая несовместимость образа верующего с образом советского человека, в дальнейшем конструируемого властью, не давала места религии и Церкви в советском обществе. Тем не менее, система ликвидации Церкви ещё не сложилась; ограничение свободы, вытеснение Церкви из общественной жизни, а также факты явных гонений носили бессистемный характер. Не существовало ни единого взгляда

на содержание и методы борьбы, ни единой системы органов государственной власти осуществляющих религиозную политику. Ещё большая неопределённость наблюдалась на местах, где она порождала самую разнообразную практику местных органов власти. Православные верующие искали способы сохранения церковной жизни, надёжные формы сопротивления антирелигиозному наступлению советского государства. Нельзя утверждать, что повсеместно и сразу возникла конфронтация между властью и верующими.

Как приспособлялись верующие к новым условиям? Возможен ли был диалог с властью? Что привело к решительному антагонизму? Рассмотрим эти вопросы.

Первая волна сопротивления антирелигиозной политике власти периода Гражданской войны, носила характер массовых акций гражданского неповиновения, публичного осуждения действий новой власти, стихийных народных волнений (100). Характером публичного выражения протеста обладала и оценка Поместным Собором, епархиальными и приходскими собраниями как враждебного Церкви декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В соборном постановлении декрет получил оценку как акт «открытого гонения» на Церковь, участие в его воплощении в жизнь запрещались под страхом отлучения от Церкви (101). Декрет в случае крайностей его толкования ставил под угрозу, как саму сакральную жизнь Церкви в случае изъятия у неё всего имущества, так и существование института духовенства. В ответ на этот акт верующими устраивались крестные ходы, которые приобрели в это время смысл манифестации религиозных убеждений, народной поддержки Церкви; создавались союзы и братства для активной защиты церковного имущества и учреждений. Однако, такие акции были бы действенны в правовом обществе, но политика «красного террора» быстро убедила верующих в низкой эффективности этих средств и необходимости других, а кроме того, и церковная власть не могла толкать паству на верную смерть. В 1919 г. церковная позиция в отношении нового советского религиозного законодательства получает своё развитие. Как справедливо замечает историк А.Н. Кашеваров, уже на Соборе наметилась тенденция признания некоторых положений правительственных постановлений и выработки способов сопротивления на их основе (102). Этому повороту способствовал принятый НКЮ 3 января 1919 г. циркуляр для местных советских органов, несколько смягчивший репрессивную политику. Тогда в Синоде окончательно сформировался принцип использования советского законодательства и поиска возможного компромисса, на основе которых ВЦУ рекомендовало духовенству в епархиях отстаивать интересы Церкви (103). Однако Донская и Ростовская епархии находились в тот период в изоляции, их территории были заняты белыми. В церковном отношении они вошли в юрисдикцию Временного Высшего Церковного управления на Юге России.

После прихода к власти в области большевиков перед духовенством Донской и Ростовской епархий, центрами которых были Новочеркасск и Ростов-на-Дону, возникла задача сохранить церковную жизнь, найти надёжные формы сопротивления вторжению в её сферу советского государства. На Дону тенденция использования советского законодательства в церковных интересах получила развитие. Осторожная политика донских властей по реализации религиозного законодательства позволила православному духовенству успешно действовать в интересах Церкви. Как представляется, во многом выбор форм сопротивления был обусловлен интеллектуальным уровнем и взглядами донского духовенства – дальнейшее существование Церкви на Дону и борьба за её права виделись его представителям в легальной, правовой плоскости. Публично декрет не обсуждался. Сразу же заговорили о практических проблемах, связанных с его реализацией.

Ведущая роль в этом процессе оказалась у настоятеля Ростовского Кафедрального собора Павла Верховского, который выступил посредником между светской властью и религиозными общинами. По свидетельству современников о. Павел имел огромное влияние в широких кругах жителей Ростова и области и даже у части советских работников. Председатель комиссии по отделению Церкви от государства А.В. Карагичев, вызванный в 1922 г. на допрос в московское ГПУ в качестве свидетеля защиты по делу Верховского, пояснял причины обращения к нему: это человек «весьма влиятельный в делах Донской церковной жизни, был сторонником решительного проведения декрета в жизнь» и производил «впечатление человека вполне лояльного», в работе Комиссии, а также в Донском отделе юстиции

«принимал активное и постоянное участие, был полезен, являясь посредником между Комиссией и духовенством Ростова» (104).

Личность Павла Владимировича Верховского известна историкам. Его взгляды относительно реформы государственно-церковных отношений оказали существенное влияние на участников Предсоборного совета и Поместного Собора 1917-1918 гг. (105). Он являлся автором законопроекта, принятого с небольшими изменениями 2 декабря 1917 г. на Поместном Соборе как «Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о правовом положении Православной Российской Церкви» (106). Деятельность П.В. Верховского в период его участия в Предсоборном Совете и во Всероссийском съезде духовенства и мирян характеризовала его как сторонника по сути кооперационной модели государственно-церковных отношений – сотрудничества Церкви и государства при их взаимной независимости. В Ростове, в новых условиях Верховский стремился сохранить принципы диалога и выстраивания отношений на основе точного соблюдения правовых норм. Поддерживали тактику П.В. Верховского председатель Донского Епархиального совета новочеркасский протоиерей Василий Чернявский и благочинный церковей

Ростова и Нахичевани-на-Дону протоиерей Константин Молчанов. В конфликтных ситуациях они грамотно апеллировали к власти, подчёркивая при этом заботу о сохранении принципов справедливости и законности в советском государстве.

Отношения с властью на местах, в пределах всей области, не были безоблачными. Власти в округах произвольно устанавливали самую разнообразную практику отношений с верующими, не единичны были случаи произвола. Повсеместно началась реквизиция приходских помещений. Духовенство, конечно, не могло оставаться в стороне от этих фактов и выражало свой протест против действий власти.

Так, например, протоиерей В. Чернявский по проблеме реквизиции церковного имущества писал в Донисполком: «Православное население относится к таким фактам с особенною нервностью, и даже рассматривает их как акты нарушения декрета об отделении церкви от государства. В интересах установления правильных и нормальных отношений его к Советской власти Епархиальный совет просил бы Донской областной исполнительный комитет, не найдёт ли он возможным предложить окружным и другим местным исполкомам, чтобы они в настоящий организационный период жизни, когда население ещё не привыкло к новому укладу и склонно объяснять действия власти по-своему, воздержались от выселения членов причта из занимаемых ими помещений» (107).

Донской Епархиальный совет просил также Донскую Комиссию освободить епархиальные помещения в Новочеркасске, реквизицию которых начал комиссариат Черкасского Военного округа. Совет обосновывал свою просьбу таким образом: «Исполнение этого решения (о реквизиции – Ю.Б.) угрожает расстроить церковно-религиозную жизнь области, свободное течение которой обеспечивается Советской властью, отменившей стеснения царского режима и предоставившей церковным учреждениям и верующему населению развивать свою деятельность без всякого гнёта со стороны советской власти» (108).

Верующие подкрепляли свои заявления ссылками на советское законодательство и печать. Прихожане церковью Вознесенской села Круглое и Покровской села Покровское писали: «Комиссариатом юстиции было разъяснено, что эти дома (причтовые дома – Ю.Б.) могут оставаться в пользовании храма и причтов по-прежнему (см. журнал «Церковь и революция» №2 стр. 41)» (109).

Выше была описана позиция Донской Комиссии – она выступала на стороне общин, принимая решения в их пользу. Донисполком дал указание своим отделам и окружным исполкомам строго соблюдать законность и не принимать самочинных мер (110).

Верховский обращался в Комиссию по разным поводам: то приходилось освобождать муку приходов, предназначенную для просфор, от реквизиции, то отстаивать право пользования приходскими печатями

(111). Он часто выступал также просителем о совершении крестных ходов, молебнов (112).

Верховский оказался и во главе акции сопротивления верующих начавшимся попыткам ДонЧК установить контроль над деятельностью церковных общин в мае 1921 г. В отдел юстиции и Комиссию по отделению церкви от государства поступили жалобы от приходского совета Кафедрального собора, а затем и от ряда приходов на неправомерность распоряжений ЧК, которая требовала регулярно представлять «приходно-расходные и инвентарные книги» всех церквей и сообщать о времени и повестке приходских собраний. Приходские советы обосновывали противоречие требований ЧК декрету (113). Жалобы представляли собой выписки из протоколов приходских собраний с подробным анализом правомерности данных распоряжений. Все они были составлены по одному шаблону. Во-первых, указывалось, что VIII отдел Народного комиссариата юстиции поручил исполнение декрета губернским отделам юстиции, а Донисполком подчинил все церковные и религиозные общества специальной комиссии, что не предполагало участия ЧК. Во-вторых, «Обязательное постановление Донисполкома» на основании декрета объявляло все церковные и религиозные общества организациями частного характера, поэтому они считали себя в праве самостоятельно устанавливать своё устройство и управление без вмешательства извне. Кроме того, было замечено, что участие в собраниях приходских советов лиц, не принадлежащих его составу, противоречит декрету, а циркуляр Наркомюста (3 января 1919 г.) объявил незаконной практику представителей власти на местах запрещать собрания верующих. Наконец, верующие цитировали журнал «Церковь и революция»: «...вся наша политика в церковных вопросах предполагает отсутствие в практическом проведении бесполезного и произвольного стеснения жителей в отправлении ими обычных традиционно установившихся ещё не изжитых религиозных нужд». Подводя итог, каждый приходской совет писал, что он всё же готов исполнить предложения ДонЧК, но находится в недоумении:

«...какому же, собственно, учреждению и на основании каких узаконений он является подчинённым в отношении ведения приходских дел и почему, собственно, от него требуется именно в Дончека приходно-расходные книги и инвентарная опись, уже представленная в своё время в обл(астной) отдел юстиции?» Верующие поставили перед областным отделом юстиции вопрос о том, насколько распоряжения ЧК соответствуют декрету (114).

Протест верующих против действий ВЧК попал на благоприятную почву. В это время продолжались разногласия органов НКЮ и ВЧК по выработке религиозной политики, её содержанию и методам работы, отражением которой стали местные события. Донской отдел юстиции согласился с верующими и немедленно опротестовал действия Донской ЧК. Заведующий Донским отделом юстиции Мерэн и заведующий Комис-

сией по отделению церкви от государства Карагичев (который после ликвидации Комиссии продолжал самостоятельно вести её дела (115) обратились в Коллегию ЧК:

«Отдел юстиции считает, что упомянутое отношение Дончека должно считаться действием, не согласующимся с декретом Советского Правительства и постановлениями местной власти... Контроль хозяйственной жизни религиозных общин Донобласти... может быть производим агентами Дончека лишь в порядке контрреволюционного или уголовного преследования, чего в данном случае ... нет» (116). Духовенство в данном случае использовало противоречия внутри властных структур – между органами юстиции и карательно-репрессивными органами, борющимися за свои интересы. Верховский демонстрировал позицию непротivления декрету, однако, он требовал действительного, а не мнимого отделения, свидетельством которого должны были быть невмешательство власти во внутреннее устройство и дела Церкви, точное соблюдение законодательства о религии, построение необходимых отношений в режиме диалога.

Деятельность о. Павла Верховского не раз выводила его на конфликт с ЧК, вопреки позиции которой летом 1921 г. он начал организацию духовного образования в Ростове-на-Дону, – «Обязательное постановление Донисполкома», им же составленное, предоставляло верующим такую возможность (117). В июне 1921 г. протоиерей Павел Верховский в порядке уведомления сообщил в Исполком, что на основании ст. 33 инструкции к декрету «Об отделении церкви от государства» при Ростовском Кафедральном соборе открыты курсы псаломщиков, по просьбе прихожан началась организация преподавания христианского вероучения: «Приходской Совет Кафедрального Собора, – писал Верховский, – сим доводит до Вашего сведения, что ... он приступил к организации преподавания христианского вероучения всем желающим верующим своего прихода» (118). Самостоятельную организацию духовного образования без разрешения «сверху» Верховский обосновывал существующими в стране прецедентами, в том числе в Петрограде и Москве, где, как он писал, «никаких ограничений и препятствий к преподаванию детям Закона Божия властями не делается» и не требуется особого разрешения. Нерешительность других приходов Верховский объяснял «только обострённой бдительностью, котор(ая) почему-то проявляется в последнее время к приходской жизни со стороны Д.Ч.К.» (119). Позиция Донского ЧК была проигнорирована (120).

Действия Верховского соответствовали букве закона. Декрет 24 декабря 1917 г. отдавал в ведение Наркомпроса только духовные учебные заведения, а декрет о свободе совести допускал религиозное обучение в частном порядке. Принятое 28 августа 1920 г. «Обязательное постановление Донисполкома» в ст. 13 предоставляло религиозным обществам «право организации с ведома Донского областного Отдела Народного

образования, преподавания исповедуемого ими вероучения», даже здания духовно-учебных заведений, а также церковно-приходских школ могли передаваться для специальных учебных заведений всех вероисповеданий (121).

Конфликт с ЧК не мог пройти бесследно. Донская комиссия по отделению Церкви от государства была упразднена, а протоиерей П. Верховский 12 июля 1921 г. арестован (122). Его обвинили в принадлежности к контрреволюционной организации князя Ухтомского «Армия спасения России», или так называемой «Второй повстанческой волны юга России». В настоящее время исследователями установлено, что эта организация, была создана Донской ЧК и находилась под её негласным контролем (123). Материалы следственного дела не дают повода сомневаться в том, что обвинение Верховского было сфабриковано.

Верховскому предъявили обвинение: в материальном обеспечении названной «организации», в том, что в столовой для причта при соборе кормилось тридцать белых офицеров, часть тарелочного сбора предназначалась «контрреволюционным элементам», и была отпущена парча для знамени организации. Как контрреволюционное действие квалифицировали также материальную помощь (оказанную на самом деле продуктами) епископу Филиппу и 13-ти священнослужителям, этапированным из Екатеринодара и заключённым в ростовской тюрьме (124). Верховский отрицал абсурдные обвинения.

Основы убеждений о. Павла Верховского сформировались ещё в Синодальную эпоху. Об этом, находясь в московской тюрьме, он писал следствию, стремясь доказать, что не может быть контрреволюционером, так как это не соответствует его взглядам, что он человек аполитичный, не противник отделения Церкви от государства, напоминал, как сотрудничал с властью в реализации декрета на Дону. Верховский вспоминал, что его исследовательская деятельность – изучение церковной реформы Петра Великого, – и «довольно близкие наблюдения над церковной жизнью» на службе в Канцелярии Синода внушили ему тяжелое чувство к утвердившемуся в церковном управлении «бюрократизму», «распутинщине», зависимости от правительственной политики и необходимости вмешиваться в политическую жизнь в ущерб духовной (125). По его мнению, правовое подчинение Церкви государству и приспособление её к мирским нуждам стало причиной утраты Церковью авторитета, упадка в духовной жизни, а возрождение он ставил в прямую зависимость от восстановления её юридической свободы. Верховский писал, что сам опасался в случае принятия священства обратиться «в духовного чиновника, обязанного быть проводником определённой политики» (126). Поэтому он с радостью встретил Февральскую революцию, надеясь, что «Церковь получила возможность быть сама собой», она будет свободна «от обязательства играть какую-либо политическую роль» (127). «Сбросить путы правительственной опеки», – это, как писал Верховский, есть законо-

мерный этап жизни как всего русского народа, так и церковной власти (128). Тогда же он поместил и ряд статей о «желательном новом правовом положении Церкви в государстве» (129). Впрочем, Верховский отмечал, что тогда, в 1917 г., это новое положение Церкви виделось ему «в более смягчённом виде, чем это выражено в декрете 23 янв(аря) 1918 г.». Он видел смысл декрета в том, что духовенство примет «новый курс сосредоточенной чисто религиозной жизни и деятельности» (130), будет вести к этому ту часть общества, которая разделяет веру в Бога и никаким образом не будет задействовано в политике. Поэтому он и сам принял священный сан: «я хотел показать желающим всю красоту, величие и философскую стройность христианского мировоззрения, о котором за 1000 л(ет) своей истории русские люди, в сущности, почти ничего не слышали» (131), – пояснял Верховский своё решение. Эта новая деятельность совершенно изменила жизнь Верховского, многое было для него – кабинетного человека – новым, он писал, что почувствовал себя оторванным от жизни теоретиком (132).

Конечно же, он не мог не замечать негативных сторон исторического момента, растущего давления власти, но считал, что негативные явления временны, что надо просто перетерпеть, он верил: «Всё непригодное к жизни со временем отпадёт само собою» (133), «все ошибки, неизбежные при сурово-последовательном проведении умозрительно составленных программ, постепенно будут исправлены самою жизнью, самим опытом власти, по мере их практического осуществления» и на первый план всё же выйдут благие цели этих программ (134). Со ссылкой на историю, он писал:

«...после глубокого отрицания в корне даже всей идеологии во имя совершенно новых идеалов, непременно наступит эпоха нравств(енной) реакции и очень многие вернуться к религии... Со времён Платона и Демокрита идеализм и материализм всё время сменяют друг друга в сознании человечества... по закону смены историч(еских) явлений нужно непременно ждать критического отношения масс к пережитому, целого ряда поправок к современному полит(ическому) положению и хоз(яйственному) строю, и в частности, возрождения интереса к религии и вообще идеализму» (135).

В источниках Верховский предстаёт как идеалист, почти романтик, по его выражению, «с некоторой примесью гегельянства» (136). До конца мы не можем оценить реальность этого образа, поскольку записки Верховского были написаны в условиях заключения и имели понятные цели – не только оправдаться самому перед репрессивными органами, но и показать несправедливость обвинений духовенства в контрреволюционности, его аполитичность по самому происхождению и задачам служения.

Тактики Верховского в отношениях с государственной властью придерживались и сосланные впоследствии в Соловки за сопротив-

ление обновленчеству священнослужители – ростовский священник Алексей Трефилев, протодиакон Дмитрий Новочадов и епископ Аксайский Митрофан (Гринёв). Неподчинение обновленческой иерархии и открытое

сопротивление обновленчеству они также обосновывали ссылками на советское законодательство – на декрет о свободе совести, предоставивший, по их словам, свободу религиозных убеждений (137).

Верховным Трибуналом ВЦИК Верховский был приговорён к расстрелу, заменённому десятью годами лишения свободы. По амнистии 28 февраля 1924 г. его освободили, остаток срока был заменён принудительными работами. Это освобождение произошло в Москве, где его содержали в Бутырской, а затем в Таганской тюрьме. Семья Верховского находилась на грани голодной смерти, супруга была неизлечимо больна, и Верховский поступил на службу в Центральный институт труда ВЦСПС техническим редактором изданий (138). От священного сана пришлось отказаться, что он сам расценивал как личную трагедию. Повторно его осудили в 1936 г., он скончался в ссылке в 1943 г. Так в судьбе Верховского отразились происходящие колебания курса советской власти по отношению к Церкви на протяжении довоенного периода.

Итак, ключевой фигурой в процессе установления взаимоотношений представителей Церкви с учреждениями власти на Дону стал профессор протоиерей П.В. Верховский. Сторонник кооперационной модели государственно-церковных отношений до революции, в 1920-1921 гг. Верховский стремился сохранить те же принципы, сам стиль выстраивания взаимоотношений с новой властью. Но донское духовенство, и в частности сам Верховский, не учли, что имеют дело не с демократическим и правовым государством, а с режимом, не заинтересованным в диалоге и компромиссе. Трагический финал был неизбежен.

Таким образом, в 1920-1921 гг. духовенство Ростовской и Донской епархий предприняло попытку организовать церковную жизнь и отстоять интересы Церкви, используя ресурсы советского законодательства, наладить диалог с представителями местной власти, достичь компромисса даже в болезненных вопросах отделения Церкви от государства. Для этого использовались формы, не противоречащие советскому законодательству и не выходящие за рамки легальности. Духовенство стремилось сохранить своё участие в реализации местной властью «церковной» политики, а значит сохранить и влияние на практику власти. Оно видело возможность установления нормальных отношений с государством на основании декрета о свободе совести, если со стороны государства будет последовательно проводиться принцип отделения Церкви от государства, будут действительно соблюдаться законодательно провозглашенные свободы, принципы справедливости и законности. Таким образом, православное духовенство на Дону в условиях разворачивающихся гонений воспринимало декрет скорее как залог соблюдения прав Церкви.

Вместе с тем, представители Церкви использовали противоречия внутри властных структур – между советскими и карательно-репрессивными органами, борющимися за свои интересы. Правовая форма сопротивления воспринималась духовенством и верующими Ростова-на-Дону как наиболее предпочтительная и эффективная. Подобная тактика в определённой мере позволяла бороться против неправомерных действий органов власти на местах, за сохранение приходских помещений и духовного образования в первые два года советской власти на Дону. Успех был обусловлен местными особенностями: лояльной позицией Донской комиссии по отделению Церкви от государства, взглядами духовенства, социальными связями между представителями обоих лагерей. Форма сопротивления донского духовенства, которую можно назвать правовой, могла бы иметь перспективы в правовом обществе. Но таковым не являлось Советское государство, пресекавшее всю эту деятельность «сверху» репрессивными мерами посредством органов политического управления. 1922 год осуществил окончательное разведение верующих и властных структур на местах по разные стороны баррикад.

§ 3. Кампания по изъятию церковных ценностей на Дону в 1922 г.

Постигшее Россию в начале 20-х годов новое бедствие – голод – стал результатом гражданской войны и грабительской советской политики продразвёрстки. Православная Церковь, реализуя неотъемлемую социальную функцию помощи в любом народном горе, начала организацию систематической помощи голодающим. В июле-августе 1921 г. патриарх Тихон обратился с Воззваниями «К народам мира и православному человеку», к главам отдельных христианских церквей буквально с мольбой о помощи голодающим Поволжья (139). Тогда же был организован Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим. Но Советское правительство отвергло любые общественные инициативы, в том числе всякую возможность компромисса или сотрудничества с церковными организациями. Президиум Центральной Комиссии помощи голодающим (Помгол) – государственной структуры при ВЦИК – официально признал создание церковного комитета нецелесообразным, а собранные средства потребовал сдать в Помгол (140). 19 февраля 1922 г. Воззванием к духовенству и верующим патриарх разрешил жертвовать на помощь голодающим церковные предметы, не имеющие богослужебного использования, т.е. нелитургического употребления (141). Но любые добровольные действия Церкви были отвергнуты декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 г. (опубликован 26 февраля) об изъятии церковных ценностей с инструкцией Помгола и Наркомюста о порядке изъятия от 23 февраля 1922 г. (опубликована 28 февраля), которыми вводилась насильственная конфискация всех предметов, в том числе священных сосудов.

Документация высших партийных органов (её анализ мы не ставим в круг задач данной работы, тем более, что этот вопрос в настоящее время достаточно освещён в научной литературе) не оставляет сомнения в том, что партийное руководство видело в создавшейся тяжёлом положении удобный повод решить свои политические, а вместе с тем и экономические задачи – разгромить и дискредитировать идеологического противника в лице Православной Российской Церкви, и, в первую очередь, устранить ярких представителей духовенства, пользующихся огромным авторитетом среди народа. Кампания была также направлена на укрепление финансовых позиций власти, уплату долгов царской России ради международного признания, помощь голодающим не заботила руководство страны (142). Приведу лишь показательный фрагмент письма В.И. Ленина от 19 марта 1922 г. членам Политбюро, вскрывающего истинные цели данной кампании: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно невыносимы... Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс... для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны... Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное (так в тексте – Ю.Б.) сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу разстрелять, тем лучше...» (143).

В ответ на декрет о насильственном изъятии ценностей высшая церковная иерархия, руководствуясь своей христианской совестью и каноническими принципами, вынуждена была заявить свой протест, обращая внимание власти на то, что Церковь по-прежнему готова жертвовать, однако, богослужебные предметы являются достоянием Божиим, изъятие их из церквей, даже в качестве добровольных пожертвований, запрещено канонами Вселенской Церкви и рассматривается как акт святотатства. Таков был смысл патриаршего обращения ко всей православной пастве от 28 февраля 1922 г. (144). В свою очередь, митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский) обратился 12 марта в Петроградский Губисполком с подробным разъяснением позиции Церкви. Он отметил, что передача церковного имущества в помощь голода-

ющим допустима, но Церкви должна быть предоставлена возможность действовать самостоятельно и по своим канонам. Особенно болезненным для христианского сознания был вопрос о богослужебных (литургических) сосудах, к которым согласно каноническим установлениям могут прикасаться только священнослужители. Их изъятие из алтарей выглядело не чем иным как прямым святотатственным осквернением, своего рода вызовом в адрес Церкви. Однако, как разъяснял владыка Вениамин, изъятие церковных предметов вплоть до богослужебных сосудов может быть благословлено высшей церковной властью, но только при тех условиях, что Церковь исчерпала прочие средства и способы благотворительности и ей будет предоставлена возможность самой через руки духовенства пожертвовать богослужебные предметы, «использовать которые по канонам и святоотеческим примерам, только и может сама Церковь» (145). При этом богослужебные сосуды должны быть обращены в слитки и «только в виде последних они и могут быть переданы в качестве жертвы» (146).

Донской епископат отреагировал на требование государственной власти в духе обращения митрополита Вениамина. Епископ Ростовский и Таганрогский Арсений (Смоленец) получил по 4 экземпляра патриаршего Воззвания, осуждавшего насильственное изъятие ценностей из церквей, два из Таганрога и два – из Москвы. Один экземпляр он отправил Таганрогскому благочинному, а другой – митрополиту Донскому Митрофану (Симашкевичу), чтобы узнать его мнение о документе и дальнейших действиях в связи с ним. По словам еп. Арсения, вызвало возражение не само изъятие, – то, что Церковь должна пожертвовать имеющиеся у неё ценности, он считал в тот момент необходимым и неизбежным, – а методы его проведения: церковные предметы не должны изыматься лицами, не принадлежащими к духовному званию: «С этим религиозное сознание не может мириться», – заявил епископ на судебном заседании, в котором участвовал в качестве свидетеля (147). Позже, на процессе по обвинению самого епископа Арсения в сопротивлении изъятию церковных ценностей обвинение, реализуя задачи, поставленные перед ним политическим руководством страны, стремилось чрезмерно преувеличить отрицательную настроенность епископа и придать ей несколько иной смысл, обвинив его в «жадности», «враждебности» по отношению к трудовому народу и нежелании помочь ему в ситуации голода.

Стремясь избежать столкновений на почве неисполнения декрета и уберечь паству от расправы над ней, митрополит Донской Митрофан (Симашкевич) и викарий Донской епархии Аксайский епископ Митрофан (Гринев) решили Воззвание патриарха не оглашать (148). 20 и 21 мая 1922 г. на допросах в Донском ГПУ митрополит Митрофан (Симашкевич) пояснял и оправдывал свою позицию и указал причины, не позволившие ему обнародовать патриаршее Воззвание. Он утверждал, что получил этот документ не по официальным церковным каналам, отсутствовал

Указ патриарха, что давало повод, по словам Донского митрополита, сомневаться в подлинности Воззвания. К тому же он счёл распространение этого Воззвания противозаконным и способным вызвать негативную реакцию властей (149). В ДОГПУ зафиксировали следующие показания митрополита: «Является ли изъятие церковных ценностей святотатством, ... можно сказать, что святотатством будет являться то, если священник или мирянин отдаёт собственными руками не превращённый в слиток священный предмет, если же он превратит целый священный предмет собственными руками в слиток, т.е. из священной чаши сделает лом, то это передав вам не в виде чаши, он святотатство не совершает. В канонах говорится, что золотой или серебряный сосуд не может быть присвоен на своё употребление. Вообще, таких предметов, которые нельзя пожертвовать без ущерба нет, это только необходимо считаться со всенародным мнением. По моему мнению, патриарх Тихон [в] своём послании недосказал, я уверен, что ни один священник, ни один мирянин верующий освящённый предмет, не обративши его в слиток, не отдал бы собственными руками» (150).

Митрополит Митрофан выпустил своё послание к духовенству и верующим о пожертвовании всех церковных ценностей, независимо от их назначения, но в случае освящённых предметов, необходимым условием было превращение их в слитки. О своём решении митрополит доложил патриарху, направив ему, в надежде получить одобрение, текст послания. Но ответа от патриарха не последовало (151).

Организацию помощи голодающим в Донской епархии начали ещё в августе 1921 г., когда патриарх объявил о создании церковного комитета помощи голодающим Поволжья и началась организация его структурных единиц в провинции. 3 (16 по н.ст.) августа состоялось объединённое собрание духовенства и мирян церквей г. Новочеркаска под председательством епископа Митрофана (Гринёва), представителей всех православных и единоверческих церквей города. В тот период руководство страны окончательно ещё не пришло к идее использования фактора голода для проведения масштабной антицерковной кампании, и организация помощи была одобрена Донским ЧК. Чекисты даже высказали Церкви благодарность «за начало доброго дела» (152). И всё это несмотря на то, что по декрету «Об отделении церкви от государства» всякая церковная благотворительность была вне закона. Было решено образовать Центральный комитет при Кафедральном соборе под председательством еп. Митрофана (Гринёва), в составе 2 духовных лиц и 5 мирян, и местные – при церквях города (153). В Ростове и Нахичевани-на-Дону также был организован сбор пожертвований по церквям. Первоначально «деньги потекли рекой», но вскоре в народе появились сомнения в том, что деньги доходят до голодающих Поволжья (154). Об этом и написал священник Алексей Трефилев в статье, опубликованной 26 января 1922 г. в газете

«Советский Юг». Конечно же, она была снабжена комментарием,

в котором отразилась болезненная реакция власти на подобные обвинения.

Центральная власть медлила с регистрацией Всероссийского церковного комитета помощи голодающим. Лишь 8 декабря 1921 г. после долгих колебаний ВЦИК всё же разрешит Церкви сбор средств для голодающих, начнётся разработка порядка контроля этой деятельности (155), а пока на местах возник вопрос, что делать с аккумулированными на приходах деньгами, – провинциальному комитету организовать дело самостоятельно было явно не под силу. В это время на ростовский вокзал стали прибывать дети из голодающих районов Поволжья, которых матери в отчаянии отправляли в поисках спасения. Здесь же, на вокзале, они умирали от голодной смерти. Ростовский комитет решил треть суммы фонда направить на помощь детям, голодающим на ростовском вокзале. Но оказалось, что эффективно организовать дело помощи – непростая задача, – нельзя было просто накормить голодных, испечь и раздать им хлеб, здесь приходилось иметь дело уже с медицинской проблемой. Затруднения технического характера осложнялись напряжением из-за постоянного контроля ЧК и недоверия со стороны советских органов власти – первых предвестников грядущих репрессий. Так, оглядываясь на ЧК, духовенство долго не решилось использовать часть суммы, собранной для голодающих Поволжья, на беженцев, находящихся на ростовском вокзале. О трудностях организации помощи голодающим и была статья Трефильева, который уверял, что Церковь в деле помощи голодающим вполне может действовать совместно с властью, нужно только разрушить стену недоверия со стороны советской власти (156). Но партийное руководство страны отвергло всякую возможность сотрудничества или самостоятельной деятельности Церкви. В ответ на статью священника Трефильева было опубликовано «Открытое письмо гражданину Трефильеву», автор которого без всяких обоснований агрессивно набросился на духовенство, утверждая, что оно не желает помогать голодающим и оказывать помощь советской власти в решении проблемы борьбы с голодом из-за якобы имеющейся «брезгливости духовенства к голодным и несчастным» (157). Особое возмущение вызвало указание Трефильева на замешанность ЧК в вопросе. Трефильев имел неосторожность написать в статье, что в среде духовенства возникли опасения: «А как посмотрят на наши «затеи» советские власти? Что скажет всемогущая, всезнающая и вездесущая чека?» Автор открытого письма, конечно, отрицал, что органы ВЧК имеют к этому делу какое-либо отношение, и что вообще подобный контроль входит в задачи ЧК. Он утверждал, что эти обвинения лишь нелепая мотивировка отказа в помощи голодным. Статья Трефильева была использована как удобный повод напасть на духовенство. Так в ростовской прессе ещё до массовой акции, спланированной руководством ГПУ, началась антицерковная кампания. 22 февраля, за день до подписания декрета об изъятии церковных ценностей в газете «Со-

ветский Юг» раздался призыв: «Церковные золото и серебро должно пойти на хлеб для голодающих» (158).

Иногда в советские газеты всё же просачивалась информация о фактах организации верующими помощи голодающим, противоречащая общему настрою публикаций. Заметка от 5 апреля сообщала, что в Ростове кружок студентов-христиан организовал столовую для голодающих и кормит по 30 человек в день (159).

4 марта 1922 г. Президиум Донского областного исполнительного комитета утвердил состав комиссии по изъятию церковных ценностей в Донской области из представителей Донисполкома – Попов (160), Донфинотдела – Минченко, секретаря Донкомпомгола – Ковалёва, под председательством члена ВЦИК Александра Муралова (161). 7 марта в Комиссию был введен представитель Горсовета Булахов (162). В ходе заседания того же дня, выполняя директивы ЦК, решили «из тактических соображений изъятие церковных ценностей начать с еврейских синагог, а затем перейти к христианским соборам» (163). 9 марта Комиссия созвала совещание совместно с представителями основных конфессий Ростова-на-Дону: от православного духовенства участвовал благочинный церковей Ростова и Нахичевани-на-Дону о. К. Молчанов; присутствовали представители армянского духовенства – архимандрит Муше Данагезьян, иудейской общины – раввин З.Г. Гольденберг. В протоколе совещания было зафиксировано, что все они взяли обязательство разъяснить верующим необходимость передачи церковного имущества в помощь голодающим (164). Предварительно, не для протокола, о. К. Молчанов заявил свой протест, и отметил, что декрет об изъятии затрагивает интересы верующих, духовенство по совести не может ему подчиниться, однако он должен быть исполнен. В протоколе не были также зафиксированы и слова Молчанова о том, что он не может ручаться за то, что ростовское духовенство исполнит просьбу о проповедях за изъятие (165). Позже, на суде по делу епископа Арсения (Смоленца), Молчанов был обвинён в невыполнении своего обещания организации проповедей за изъятие, но защита привела в свидетели раввина Гольденберга, который подтвердил, что ростовский благочинный не давал обещания Комиссии содействовать изъятию (166).

В тот день, после заседания Комиссии, о. К. Молчанов провёл в Никольском храме Ростова-на-Дону собрание благочиния, на котором состоялась выработка позиции ростовского духовенства в кампании по изъятию церковных ценностей. Благочинный изложил требование местной власти к духовенству: прочесть декрет и проповедью побудить верующих к полной и добровольной сдаче ценностей. Требовалось разъяснить в храмах с амвонов, что церковные ценности народное достояние и Церковь должна отдать их 13 миллионам голодающих (167), обречённым на голодную смерть, что это не противоречит ни вере, ни установлениям Церкви (168). После обсуждения духовенство поддержало предло-

жение священника Разногорского «декрет об изъятии прочесть, а слово не говорить» (169). Это означало, что было принято решение не агитировать верующих за изъятие ценностей. Епископ Арсений предложил настоятелям церквей и старшим священникам остаться для специального совещания. Выслушали доклад Молчанова о его участии в заседании комиссии по изъятию церковных ценностей, разъясняющий требования власти, предъявленные к духовенству. Ростовское духовенство оказалось в трудном и опасном положении. С одной стороны, патриарх Тихон в обращении к пастве от 28 февраля, упомянутом выше, осудил участие духовенства в изъятии, да и вряд ли кто мог сочувственно относиться к разграблению церквей. С другой стороны, декрет был государственным законом, неисполнение которого ставило духовенство в положение правонарушителей со всеми вытекающими отсюда последствиями, делало его уязвимым для обвинений в контрреволюции. Власть оказывала давление на духовенство, требуя от него воздействовать на паству и погасить сопротивление. Отказ мог быть истолкован (и в действительности так и истолковывался в ходе процессов по обвинению духовенства и мирян в сопротивлении изъятию ценностей из церквей) как противодействие распоряжениям центральной власти. Епископ Арсений предложил было духовенству полностью устраниваться от участия в изъятии, но, всё же, изменил своё решение и снова утвердил предшествующее предложение с поправкой: «Декрет прочесть без облачения и слова не говорить» (170). Декрет должен был читаться после богослужения священником, который в этот день не служил, а если в храме один священник, то диаконом, также без облачения (171). В целом на совещании ростовского духовенства была принята стратегия отстранённости от изъятия церковных ценностей, во всяком случае, решение позволяло формально исполнить требования власти, но не агитировать, ни за, ни против изъятия. Позже, на суде епископа Арсения о. К. Молчанов, отвечая на вопросы обвинения, пояснял позицию духовенства тем, что «слово могло вызвать спор между прихожанами – противниками и сочувствующими изъятию», а также невмешательством Церкви в политические дела государства вследствие отделения Церкви от государства (172). При всей кажущейся на первый взгляд искренности первой части объяснения, оно вполне объективно. В это время у Л.Д. Троцкого вызрел план организации обновленческого раскола Церкви, пусковым механизмом которого должен был послужить вопрос отношения к изъятию церковных ценностей: «Так как вопрос острый, – писал Троцкий в Политбюро 12 марта 1922 г., – то и раскол на этой почве может и должен принять очень острый характер, и той части духовенства, которая выскажется за изъятие и поможет изъятию уже возврата назад к клике патриарха Тихона не будет» (173). Обновленцы, на которых делал ставку Троцкий, должны были выступить активными сторонниками изъятия. Агитация ростовского духовенства

за изъятие церковных ценностей поставила бы его в один ряд с обновленцами, внесла бы сумятицу и не только бы породила волнения среди прихожан, но и подорвала бы их доверие к духовенству. Сам епископ Арсений так излагал свою точку зрения: «Проповеди эти могли вызвать возмущение верующих... Я был даже против чтения декрета об изъятии в церкви... ибо в церкви, отделившейся от государства, должно читаться только то, что исходит от души, а не от разума» (174). Священник Н. Феодосьев в ходе того же судебного процесса свидетельствовал о мотивах решения епископа Арсения следующим образом: «Епископ говорил, что не хотел бы, чтобы кто-либо из духовенства погиб и потому следует подготовить ценности к изъятию, а самому держаться в стороне» (175).

Кампания началась 10 марта (176). С 10 по 15 марта производилось изъятие ценностей из 4-х больших еврейских синагог, которое прошло спокойно, без эксцессов (177). Такой порядок был оправдан, поскольку в связи с названной кампанией среди населения Донской области, также как и по всей стране, усилились антисемитские настроения; на Дону ходили слухи: «Приехали жида, и забирают подряд все ценности» (178). В Ростове профсоюзы просили для агитации за изъятие «посылать докладчика только русской внешности» (179).

11 марта Комиссия по изъятию церковных ценностей прибыла в крупнейший храм г. Ростова-на-Дону – Рождества Богородицы Кафедральный собор, но встретила там серьёзное сопротивление народа. События развивались следующим образом. Время проведения изъятия было согласовано с благочинным собора, выбрали время между богослужениями. В соборе находился только причт, члены ревизионной комиссии и церковного совета и 5 человек представителей от мирян, остальные по просьбе комиссии удалились из собора. Комиссия начала зачитывать декрет ВЦИК и инструкцию к декрету. Но в это время удалённые из собора люди распространили по находящемуся у его стен Старому базару весть об изъятии. В среде народа быстро поползли слухи о том, что «грабят церковь», «евреи находятся в церкви» и т.п. Возбуждённая стихийная толпа хлынула в храм с угрозами членам комиссии. Комиссия была вынуждена остановить работу и спастись бегством, церковный староста Лосев указал дорогу. Однако, выйдя на улицу, комиссия оказалась окружена негодующей толпой. Газета «Трудовой Дон» писала: «Тяжёлые последствия были предотвращены энергичным противодействием, оказанным толпе со стороны протодиакона и настоятеля собора, которым путём увещевания толпы удалось не допустить дикой расправы с членами комиссии» (180). Роль причта собора в спасении членов комиссии подтверждается и другими источниками. Так, профессор А.Н. Бунаков в ходатайстве прокурору республики в связи с арестом группы духовенства, в том числе протодиакона собора Дмитрия Новочадова, стремясь доказать аполитичность подследственных писал: «Мало того, протоиерей Новочадов спас жизнь члену ВЦИКа тов. Муралову во время беспорядков в

старом соборе... и этот факт засвидетельствован показаниями самого Муралова (выписка из коих у меня имеется) и самоотверженный поступок Новочадова, так сказать, вошел в историю» (181). Члены комиссии, в том числе её председатель А.И. Муралов (182), подверглись избиению, однако никто из них серьёзно не пострадал, комиссия успела скрыться от народного негодования в алтаре собора. Священник Иоанн Цариненко вышел к народу с крестом в руках и стал успокаивать всё прибывающую возмущённую публику. Вызванный наряд милиции и подоспевшие красноармейцы подавили народный гнев, но испытали на себе поток камней, палок, базарных отбросов. Несколько человек были арестованы (183). Социальный состав протестующих был самым разным, от рабочих до интеллигенции. В газетах было упомянуто, что в протестах в тот день принимали участие профессор Бунаков и инженер Усов, протестные настроения зафиксированы на общем собрании рабочих фабрики Панченко (184).

Исследователь Д.А. Горбачёв в книге «Донская Голгофа» со ссылкой на воспоминания очевидцев, источник которых не назван, изображает несколько иную картину событий: «...комиссия в сопровождении красноармейцев подъехала на автомобиле к собору на старом базаре. Не снимая головных уборов, с оружием в руках, и, что самое главное, с папиросами, комиссия вошла в собор с целью изъятия церковных ценностей. Это шествие было замечено издали толпами людей, идущих на рынок и прихожанами церкви, которые немедленно окружили комиссию и красноармейцев. Общее напряжение достигло разрядки, когда женский голос пронзительно закричал: «Бей жидов – жида грабят храмы». Десятки людей кинулись избивать комиссию и красноармейцев. Первым избитым стал председатель комиссии

Муралов... Только вмешательство дополнительных частей армии и милиции позволило предотвратить расправу» (185). Однако, согласно официальным источникам комиссия не была вооружена, и это вполне логично – была достигнута договорённость с духовенством города и собора, она имела опыт спокойного изъятия в синагогах, и ничто не предвещало такого острого конфликта. Члены Комиссии явно недооценивали народное недовольство декретом об изъятии ценностей. Причт собора также не ожидал такого развития событий. Несмотря на то, что в ситуации подобных волнений в Шуе народу удалось каким-то образом разоружить часть красноармейцев (186), в ростовском соборе это вряд ли имело место: в избиении комиссии были обвинены всего лишь две женщины – Бабиева и Рудакова, а в подстрекательстве к избиению – Узаева. Причём, Бабиева обвинялась в том, что схватила Муралова за ноги, когда тот хотел уйти, а другого члена комиссии за волосы, а Рудакова кричала священнику Цариненко: «Не стоит этих чертей защищать!» (187). Кроме того, Донком РКП(б), вынося решение по данным событиям, в первую очередь отметил недостаток охраны комиссии.

Протокол №1 заседания бюро Донкома РКП(б) о мерах по изъятию церковных ценностей 11 марта 1922 г., зафиксировал следующее решение, последовавшее за докладом А.И. Муралова о неудачной попытке изъятия в соборе: «1. Считая неудовлетворительными меры, принятые ДПО (188) к охране Комиссии, поставить на виду (так в документе – Ю.Б.) т. Емельянову недостаточную распорядительность. 2. ...предложить Комиссии по изъятию организовать утром 13 марта заседание Комиссии по подробной разработке технического плана описи, проведения и изъятия церковного имущества, используя сведения Д.П.О. и сводя работу в храмах к минимуму необходимых лишь для юридического оформления и сохранения престижа власти. 3. Поставить на вид Агитпропотделу невыполнение постановления ДК от 5.III. на недостаточность учета всего значения и последствий изъятия церковного имущества вообще. Предложить развить энергичную агитацию среди войск, сельского населения, рабочих организаций и городских жителей путем выпуска листовок, организации собраний, докладов, митингов, лекций и проч.

4. Считать необходимым принятие решительных репрессивных мер против лиц, противодействующих проведению декрета и возбуждающих население как против подстрекателей к контрреволюционному бунту и вооруженному отпору Сов. власти, для чего предложить ДИК'у издать соответствующий приказ, ДПО произвести следствия по поводу событий 11-го марта и привлечь виновных к строжайшей ответственности. 5. Предложить Комиссии и Агитпроп. Отделу обратить внимание на особенно тщательную подготовку изъятия церковного имущества в округах» (189).

14 марта на первой полосе газеты «Трудовой Дон» появились описание происшедших событий и опубликованный как реакция на них приказ Донисполкома от 12 марта. Комиссии предписывалось приступить к работе, не останавливаясь перед применением вооруженной силы в случае сопротивления. Для этого комиссия снабжалась достаточным количеством вооруженных красноармейцев. Все противодействующие изъятию должны были немедленно задерживаться и отправляться в Донполитотдел для дальнейшего их предания суду Революционного трибунала, было приказано «всякие дальнейшие попытки помешать действиям комиссии Донскому Политотделу пресекать в самом зародыше, расправляясь самым решительным и беспощадным образом» (190).

При всём старании духовенства избежать кровавых столкновений, провокационный по своей сути декрет не мог не оскорблять религиозных чувств верующих, христианская совесть диктовала не допускать поругания святынь. Начались волнения по всей стране – население выступало против изъятия церковных ценностей, – доходящие до кровопролитных столкновений, подавляемых войсками, как например, в Шуге Иваново-Вознесенской области (15 марта), в Смоленске (14 и 28 марта), в Тамбовской и Калужской губерниях, в Петрограде и Москве (191).

После известий о первых волнениях идейный вдохновитель и организатор кампании по изъятию церковных ценностей Л. Д. Троцкий (192) предложил Политбюро ЦК РКП(б) приостановить работу и «в каждой Губернии провести неофициальную неделю агитации и предварительной организации по изъятию ценностей», а также «создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей по типу московской Сапронова – Уншлихта». Упомянутая комиссия была создана для руководства проведением изъятия в Москве, её состав и сам факт существования не оглашались. И если официальные комиссии по изъятию церковных ценностей в губерниях состояли из представителей советских органов власти (губернских исполкома, комиссии помощи голодающим и финотдела под председательством одного из членов ВЦИК), то комиссия Сапронова-Уншлихта из представителей партийных структур и ГПУ (193). Таким образом, партийные органы и силовые структуры на местах начинали играть ведущую роль в осуществлении кампании. Одновременно с созданием подобных комиссий Троцкий считал необходимым «внести раскол в духовенство», организовать агитацию лояльного духовенства за изъятие. На местах требовалось провести неофициальные недели агитации, которые должны были сформировать представление о том, что «значительная часть духовенства открыла борьбу против преступного скаредного отношения к ценностям со стороны бесчеловечных и жадных "князей церкви"» (194). Таким образом можно было поразить сразу две цели

– расколоть Церковь и способствовать экспроприации у неё ценностей. Предложения Л.Д. Троцкого были приняты.

ГПУ, в свою очередь, считало необходимым прежде непосредственного изъятия провести предварительную агитацию, сформировать определённое общественное мнение. Оно предложило ЦК РКП(б) мобилизовать для этой работы губернские комитеты партии, которые обязывались выделить лучших работников, еженедельно докладывать в Центральную Комиссию и организовать доклады-диспуты с широким привлечением верующих (195).

19 марта 1922 г. всем губернским и областным комитетам и бюро РКП(б) было приказано приостановить изъятие церковных ценностей (196). К моменту получения телеграммы из ВЦИК, агитация в Донской области уже шла. Первый раз вопрос о кампании по изъятию рассматривался Донским советом профсоюзов ещё в заседании 15 марта. Донком РКП(б) постановил с 21 марта 1922 г. временно прекратить действия областной комиссии по изъятию церковных ценностей и развить агитационную работу (197). Донскому совету профсоюзов были поручены техническая разработка и осуществление плана агитации на предприятиях, а на членов его правления возложена ответственность за проведение собраний рабочих. Разработан план проведения собраний с 28 марта по 5 апреля и выделены «ответственные работники» – агитаторы (198).

На 5 апреля Юго-Восточное бюро назначило начало «двухнедельника» Помгола на Юго-Востоке России, который было решено совместить с агитационной кампанией за изъятие ценностей из храмов (199). В Донской области агиткампания к этому времени уже заканчивалась. В конце марта в Донсовпрофе отмечали: «...на большом количестве предприятий работа проделана и нет никакого смысла повторять то, что уже проделано и навязывать не приходится» (200).

Компания по изъятию церковных ценностей была воспринята населением Дона по-разному: часть отнеслась резко негативно, другая часть – пассивно, третья поддержала действия власти. В народе были широко распространены слухи о том, что ценности не пойдут на пользу голодающим, на что власти реагировали весьма болезненно (201). Тем не менее, даже негативно настроенные верующие не предпринимали более попыток активного противодействия изъятию. Волнений в Ростове-на-Дону и области не наблюдалось. Митрополит Митрофан на допросе в ДОГПУ также отмечал, что в центре Донской епархии – г. Новочеркасске сопротивления изъятию церковных ценностей не было (202). Газета «Советский Юг» писала, что в центрах Юго-Востока России «идут собрания попов и прихожан, выносятся резолюции в духе непротivления злу» (203). В информационном отчёте комитета РКП(б) 1-го Донского округа сообщалось: «Кампания изъятия церковных ценностей проходит без серьёзных возражений, тем более без открытого сопротивления со стороны духовенства и населения», большинство занято хозяйством и не обращает на неё никакого внимания, «отмечается большое сочувствие по изъятию (так в тексте – Ю.Б.) со стороны молодых возрастов» (204). Пассивное или сочувственное отношение к изъятию наблюдалось в наиболее голодающих районах Донской области, к которым, как один из самых пострадавших, относился упомянутый 1-й Донской. Другой пример – в информационном отчете Донецкого комитета РКП(б) за апрельмай 1922 г. на фоне ужасающих картин голода в округе сообщалось:

«Большинство сведений с мест говорят, что население относится к изъятию церковных ценностей сочувственно. Духовенство в большинстве случаев относится пассивно, небольшая часть пытается оказать пассивное сопротивление путем споров с комиссией и на собраниях, организованных по обсуждению этого вопроса» (205). Сводки губотдела ГПУ за апрель, поступившие в Центр, сообщали о «пассивном отношении» духовенства к кампании при сохраняющемся «враждебном отношении» крестьян епархии (206).

Однако, и это враждебное отношение следует скорее понимать как «глухое» недовольство.

Тем не менее, даже среди рабочих и красноармейцев, которые должны были быть опорой власти, наблюдалось неоднозначное отношение к акции.

Одна из агитационных публикаций в прессе отразила мнение,

бытовавшее в армейских рядах: «А всё же не мы туда положили, не мы и брать будем». Конечно же, такая позиция была показана как пример вопиющей «несознательности» (207).

На собраниях рабочих различных предприятий навязывалось принятие совместных решений о необходимости изъятия, внушалось, что эта операция не противоречит канонам Церкви. Приведём типичную схему агитации.

В заседании правления союза «писчебумажников», состоявшемся 26 марта 1922 г., слушали доклад тов. Лыкова об изъятии церковных ценностей. Вначале докладчик обрисовывал ужасы голода, затем сказал о том, что ценности, если они будут храниться в церквях, не дадут «никакой помощи ближнему во имя его спасения,... что в корне противоречит правилам, и в особенности христианскому вероисповеданию» (208).

Часто агитация опиралась на дезинформацию. Докладчик тов. Бельский на общем собрании трудящихся Донской государственной бумажной фабрики 26 апреля утверждал: «На помощь голодающих (так в документе – Ю.Б.) до сего времени никто, кроме рабочих и Советского Правительства не откликнулся и не откликается... К изъятию в полном смысле этого слова ещё не приступлено (так в документе – Ю.Б.), т.к. не имеется подтверждения рабочего класса на предполагаемое изъятие» (209). Затем предлагалось подписать документ с одобрением изъятия.

Но не всегда агитационные лекции производили нужное впечатление на рабочих, и они уклонялись от голосования в пользу изъятия. Отчёт профсоюза текстильщиков описывает результаты собрания фабрик Текстильного треста с общим числом рабочих в 100 человек: присутствовало всего 40,

«...после заключительного слова заметно люди убывали, когда же была предложена резолюция, каковой основная мысль была, что действия Советской Власти правильны, к этому моменту оставалось не более как 10-15 человек, каковые ни против, ни за не голосовали, а просто постановили принять доклад к сведению, ...мол, работа уже ведётся и нас об этом не спрашивали, и пусть продолжают эту работу так, как смогут. ... Единогласно отнеслись пассивно...» (210).

Сохраняющаяся религиозность различных слоёв населения Донской области была основной причиной такого отношения к кампании. Характеризуя отрицательную настроенность рабочих к изъятию, отчёт профсоюза Донской бумажной фабрики констатировал: «... в этом случае они ещё очень настроены религиозно» (211). Из различных мест Северного Кавказа приходили сообщения о том, что происходит «небывалое усиление в массах религиозного настроения, церкви переполнены молящимися» (212). В начале 1922 г. в период, непосредственно предшествовавший кампании, Центр получал донесения с Юго-Востока России о случаях открытия новых приходов, постройке новых храмов, и даже, попытках пожертвований земельных угодий (213). Кроме того, и в последую-

щие годы Донская прокуратура отмечала рост численности верующих и материального обеспечения общин (214).

Цель борьбы за рабочего в данной кампании отразилась в стенограмме пленума Доноблисполкома IV созыва, транслирующей слова одного из организаторов кампании на Дону тов. Попова: «Эти товарищи (рабочие – Ю.Б.) имеют большое значение в том отношении, что они связаны с беспартийными массами и являются лучшими проводниками наших идей» (215). Власть не удовлетворяло отношение рабочих к кампании: «...обнаружена и слабая осведомлённость рабочих о сущности и важности вопроса изъятия церковных ценностей и некоторое недовольство отсталых слоёв рабочего класса... Было признано желательным вовлечь в непосредственную работу рабочих с фабрик и заводов» (216). Рабочие Верхне-Донского округа просили изъятие в их округе не производить из-за «бедности церквей», но власть не вняла этим просьбам, изъятие было произведено: «Мы для того, чтобы сдвинуть работу с места вчера отправили самых лучших энергичных работников...», – отметил тов. Попов по этому поводу (217).

Исследователь кампании по изъятию церковных ценностей 1922 г. Н.А. Кривова также пришла к выводу о достаточно широком представительстве рабочих в рядах противников изъятия в масштабах страны. Она пишет: «Тщательно скрывааемый властями факт участия рабочих в волнениях подтверждается как материалами следствий, так и сообщениями регулярных сводок ГПУ о ходе проведения кампании» (218).

Стремление привлечь население на свою сторону, настроить против духовенства, являлось на тот момент важной стратегической задачей политики руководства страны, решению которой должна была служить развёрнутая пропаганда. Значительное участие в выработке мер агитационной кампании сыграло ГПУ и сам Л.Д.Троцкий. ГПУ уже в заседании 8 марта показало понимание необходимости «идейно-политической» «подготовки масс» к изъятию ценностей, в осуществлении которой признавалась особая роль прессы: «Обязать редакции всех газет ежедневно помещать статьи по вопросу об изъятии ценностей». Набор приёмов, по мнению ГПУ, нужно было подготовить централизованно: «Считать необходимым, чтобы ЦК разработал в срочном порядке тезисы для агитаторов и инструкцию для организации общественного мнения (письма благодарности от голодных губерний, отчеты сопровождающих маршруты представителей верующих, постановления прихожан церквей и т. д.)». Организаторами и исполнителями должны были стать РОСТА и Высший Редакционный Совет (219). При Бюро Центральной Комиссии создавалась так называемая литературная комиссия для предоставления прессе необходимого материала, который подвергался тщательной цензуре (220). РОСТА распространяла на места подборки из наиболее удачных статей об изъятии из московской печати (221). Троцкий был неудовлетворён проведением изъятия на местах, в особенности тем, что не все партий-

ные работники понимали политическое значение акции: «Нужны чрезвычайные усилия для того, чтобы передвинуть дело на рельсы политики», – возмущался он по этому поводу. Показательно и представление Троцкого о том какова должна быть агитация для достижения требуемого результата: «Необходима самая примитивная, самая простецкая, элементарная агитация и пропаганда по самым элементарным простецким вопросам» (222). Троцкий рекомендовал также «всей партийной печати широко использовать факт сообщений в «Известиях» под заголовком: «Преподобные контрабандисты». Дать ряд статей. Повторять изо дня в день» (223). Именно так и поступила Донская пресса – агитационные материалы размещались почти в каждом номере газет «Трудовой Дон» и «Советский Юг». За период кампании «Трудовой Дон» посвятил различным материалам кампании ок. 80 номеров, а «Советский Юг» порядка 50 номеров.

Итак, агитация в прессе, прикрываемая идеей информирования населения о ходе кампании, приобрела наиболее идеологизированный и агрессивный характер. Она разрабатывалась в Центре и планомерно спускалась на места. Печати предписывалось в отношении духовенства «взять бешеный тон» (224). РОСТА (225) ежедневно давало материалы для провинциальной печати, которые предназначались как для публикации, так и в качестве руководящих указаний (226).

Ростовская пресса оказалась примерным исполнителем. Любая критика в адрес кампании объявлялась представлениями «отсталых граждан», «злостных» противников советской власти. В агитационных статьях изображался образ сытого верующего, который не чувствует народного горя. Часто агитаторы прибегали к обвинению верующих в неисполнении заповеди о любви к ближнему, и даже цитировали слова Христа, приводили в пример Святых Отцов Церкви. Регулярно публиковались постановления собраний рабочих и служащих с образцовыми решениями, одобряющими как само изъятие ценностей из церквей, так и все действия правительства в этом направлении. По тону они существенно отличаются от других протоколов предприятий, хранящихся в делах Донисполкома и Донкома РКП(б), и доступных только руководству кампанией (некоторые из них цитированы выше). Приведём как наиболее показательный пример выписку из протокола общего собрания рабочих и служащих 2-го Госмаслозавода от 16 марта, опубликованную в газете «Трудовой Дон»: «Мы, рабочие и служащие 2-го Госмаслозавода заявляем, что линия и тактика, взятая советом народных Комиссаров о помощи голодающим – правильна. То золото и бриллианты, лежащие в синагогах и церквях необходимо обменять на хлеб, который спасет от голодной смерти не один миллион голодных. Все на помощь голодающим! Да здравствует Совет Народных Комиссаров» (227). В многочисленных агитационных статьях сопротивление духовенства объявлялось расхищением народного достояния, «позорным преступлением против трудового народа», а сами представители духовенства назывались

«убийцами трудового народа». Нагнеталось представление об энергичном сопротивлении духовенства, которое расценивалось как «расхищение народного достояния», как «организованная контрреволюция», «срыв помощи голодающим трудящимся» (228). Для контраста агитки прессы акцентировали внимание на «героических усилиях» советской власти, прилагаемых для спасения людей от голодной смерти (229).

Номер газеты «Трудовой Дон» от 9 мая с информацией об аресте «на днях» епископа Арсения можно считать началом систематической публикации в донской прессе материалов о судебных процессах по обвинению духовенства и верующих в сопротивлении изъятию церковных ценностей, переходящей во второй половине мая в широкомасштабную кампанию с их подробным освещением, нередко занимающим не одну полосу.

Регулярно публиковалась в газетах информация об изъятиях по Днобласти и сводки изъятых ценностей.

27 марта бюро Донкома РКП(б) приняло решение образовать комиссию в составе секретаря Донкома партии, начальника ГПУ и представителя ПУСКВО (230). Эта комиссия, состоящая из представителей партии и силовых структур, по-видимому, должна была играть роль секретной комиссии по образцу «Сапронова–Уншлихта», предложенной Л.Д. Троцким. Создание последней ознаменовало окончательный перевод руководства кампанией в руки партийно-чекистского руководства страны, советские же органы выполняли в этой схеме роль послушного механизма и официального прикрытия, каковым и был сам Помгол. 13 апреля Донком постановил «считать руководителем политики по изъятию церковных ценностей Днобласти т. Муралова» (231).

С 20 марта по 20 апреля в Донской области была проведена агитационная и техническая подготовка, а с 25 апреля начались работы по непосредственному изъятию и вывозу ценностей с городов Новочеркасска и Ростова-на-Дону, Азова, Сальского округа (232). В работе были задействованы рабочие, сопровождаемые воинскими частями Донполитотдела. Последние, по словам организаторов, «оказали значительные услуги, принимая участие в самом изъятии». Попов докладывал: «Что касается рабочих, то они оказались вполне пригодными для этой работы, ... когда мы приступили к изъятию ценностей, то они с ужасом к этому приступали, с ужасом входили в храм. Теперь они видят, что бояться нечего...» (233).

26 апреля А. Муралов информировал комитет партии, что в течение недели изъятие будет закончено, «настроение населения значительно улучшилось в пользу изъятия... Беспартийные представители от предприятий, наглядно убеждаясь в злоупотреблении попов, втягиваются в дело изъятия церковных ценностей всё больше и больше и идут гораздо дальше самой комиссии. То же за- являет и т. Попов». Было принято

решение «Агитпропу подготовить план кампании по антирелигиозной пропаганде» (234).

По итогам кампании власти констатировали: «Умело проведенная агитация, вовлечение в практическую работу самих рабочих, разоблачение «отцов» перед пролетарским судом – всё это вместе способствовало созданию общественного мнения в сторону изъятия» (235).

В целом, работа закончилась в первых числах июня 1922 г. (236). Оставалось завершить подсчет изъятых и отправить всё в Москву. Власти были удовлетворены проведенной работой, кампания в области прошла относительно спокойно и, как отмечалось, «своевременно и удовлетворительно» (237). Крупных волнений отмечено не было.

Добыча, по мнению местных организаторов кампании, оказалась выдающейся. Наиболее полные данные, известные на сегодняшний день, об изъятых ценностях, поступивших в Донфинотдел, содержатся в телеграмме в Настасьинский Гохран, подписанной заместителем председателя Крайэкономсовета Хрониным и уполномоченным наркомата финансов Кальниным. Это сведения о тех ценностях, которые были упакованы и отправлены в Москву до 13 июня включительно: серебро – 502 пуда (по окончании подсчёта власти предполагали получить цифру в 700 пудов) (238), золото – более 13 фунтов, золотой крест, украшенный 519 бриллиантами, золото в изделиях совместно с драгоценными камнями – 15 фунтов, иконные ризы с драгоценными камнями, золотые и серебряные изделия с драгоценными камнями более 1 пуда, драгоценные камни: алмазы – 5990, бриллианты – 1957, рубины – 4338, сапфиры – 631, изумруды – 2545, прочие камни – 2867 (239). Около 120 пудов серебра было изъято только в одной станице Старочеркасской. В Войсковом Воскресенском соборе из иконной ризы был извлечён уникальный изумруд, который имел не только материальную, но и историческую ценность – он был пожертвован по окончании Отечественной войны атаманом Матвеем Платовым и по оценке ювелира его ценность на 1913 г. составляла 2 000 рублей. Для вывоза ценностей из собора и монастыря ст. Старочеркасской и церковью Новочеркаска, в распоряжение комиссии были представлены пароход и 3 вагона (240).

Всего по стране итогом кампании стала сумма в 4 650 810 золотых рублей (241).

Вопрос о том, как были потрачены средства, приобретённые в ходе кампании, в настоящее время не получил достаточного освещения по причине отсутствия источников, способных в исчерпывающей мере сделать это. Вряд ли это в принципе возможно. Тем не менее, можно заметить, что на проведение самой кампании были затрачены немалые средства. По замыслу комиссии по учёту и сосредоточению ценностей, председателем которой был Л.Д.Троцкий, расходы по «сосредоточению» церковных ценностей должны были покрываться за счёт смет ведомств, осуществляющих эту работу, «все же чрезвычайные расходы покрыва-

лись бы непосредственно самой комиссией, для чего получить по смете НКФ (Гохрана) чрезвычайные дополнительные кредиты» (242). 23 марта 1922 г. Политбюро приняло предложения Троцкого выделить «миллион рублей в счет изъятых церковных ценностей для получения хлеба для голодающих... широко оповестить об этом как о первом ассигновании» и «10 миллиардов советскими деньгами на расходы по изъятию» (243).

Смета технических расходов за апрель комиссий Москвы, Петрограда и губернских были утверждены в сумме 1 559 592 золотых рубля (244). 2 апреля Политбюро постановило «отпустить особый сверхсметный кредит в 5.000.000.000 р. (245) комиссии по изъятию ценностей». Ещё более крупные суммы были выделены тогда же на подарок 1-й Конной армии, для Объединенной Военной Школы имени ВЦИК, на выплату заработной платы рабочим и служащим ВЦИК (246).

Но по мере того, как кампания набирала обороты, требовались всё более и более крупные суммы. Губернские комиссии явно не справлялись с финансовой нагрузкой, к тому же развёрнутая пропаганда против патриарха Тихона также финансировалась за счёт средств Комиссии по изъятию церковных ценностей. 24 мая Сталину была направлена телеграмма: «ЦК Помгол производит оплату некоторых расходов по антитихоновской агитации, используя для этого кредиты, отпущенные на изъятие церковных ценностей. Так как Комиссии по изъятию приходится в данное время ликвидировать задолженность Губернских Комиссий – есть основание предполагать, что этих кредитов не хватит. В виду того, что антитихоновская агитация потребует[,] вероятно[,] дополнительных расходов, прошу постановления ЦК по вопросу об отнесении указанных расходов на какую-либо особую смету» (247). Из сметы расходов на изъятие церковных ценностей оплачивалась «работа» обновленцев, финансировалось совещание «прогрессивного духовенства» в Москве (248).

Компания затянулась на всё лето, продолжая втягивать значительные материальные средства. Историк Курляндский И.А. приводит документ, датированный 12 августа, в котором Троцкий просил Сталина ускорить выдачу 4 миллиардов «на расходы в связи с агитацией по поводу ценностей» (249). Историк в качестве примера «цинизма финансовой политики руководства страны» приводит интересные данные об утверждении бюджета Коминтерна в 1922-1923 гг.: в марте 1922 г. было распределено 5 536 400 золотых рублей, и ок. 4 400 000 золотых рублей в 1923 г. (250). То есть, колоссальные суммы поглотил призрак победы мировой революции, ради которого по точному выражению Н.Н. Покровского, большевистские лидеры готовы были идти на полное разрушение своей страны (251).

Так или иначе, расходы советского руководства на политическую деятельность в данный период времени, включающие и расходы на ведение самой кампании по изъятию церковных ценностей и разрушению Русской Православной Церкви, значительно превышали итоговые цифры

изъятия.

Донская комиссия по изъятию церковных ценностей 26 апреля получила в Донисполкоме «на текущие расходы» 500 млн. руб., 6 мая – 800 млн. руб. «для выдачи на расходы окружным комиссиям» (252). Кроме этого «из местных средств» выделялись суммы (образца 1922 г., т.е. деноминированные) (253):

- «на изготовление ящиков для упаковки церковных ценностей и прочие расходы по отправлению их в Центр» – 50 тыс. руб.,
- «на завтраки сотрудникам финотдела, занятых по упаковке церковных ценностей, подлежащих отсылке в Москву» – 50 тыс. руб.,
- на компенсации рабочим «за изорванные костюмы при работах по упаковке церковных ценностей» – 16,5 тыс. руб.,

Донская комиссия получила денежные средства «на расходы по проведению процесса по делу епископа Арсения» – 20 тыс. руб. (254). Необходимы были деньги и на «постановку» остальных процессов в области.

Для «двухнедельника помощи голодающим» в крае была объявлена на необходимой сумма в 1 150 000 000 руб. (255).

Как свидетельствуют описи изъятых, у Церкви отбирались богослужебные сосуды, используемые при совершении Литургии, в том числе чаши, диски, звезды, дарохранительницы – предметы особого сакрального значения, как непосредственно соприкасающиеся со Святыми Дарами, и другие предметы, находящиеся согласно церковным канонам на Престоле. Конечно, изъятие этих предметов с точки зрения верующих было святотатством, и они стремились любым путём сохранить их. При изъятии в слободе Ильинской председатель приходского совета «руководствуясь религиозной совестью» просил комиссию оставить Святую чашу (256). Понимая тщетность таких просьб, духовенство других церквей просто скрывало такие предметы, зачастую раздавая прихожанам или принося домой. В Покровской церкви Ростова прятали чашу и кресты, в сокрытии крестов обвинялось также духовенство города Азова. Эти действия были истолкованы как банальное воровство. Начались процессы по делам краж церковного имущества, превратившиеся в хорошо организованную и достаточно эффективную антирелигиозную пропаганду. Громкие показательные процессы прошли в следующих районах: два – в Новочеркасске, два – в Ростове-на-Дону, один – Азове, один – в Морозовском округе, «процесс над 4 попами» в 1-м Донском округе (257). Кроме того, известно о целом ряде арестов, в том числе игумены Старочеркасского монастыря, священника Яковлев и старосты Одигитриевской церкви ст. Аксай (258).

Донским ревтрибуналом были вынесены расстрельные приговоры. Один из них по делу еп. Арсения (Смоленца) в Ростове-на-Дону, но благодаря объявленной ВЦИК к годовщине Октябрьской революции амнистии, он был заменён десятилетним сроком заключения на Соловках

(259). К высшей мере наказания были приговорены священники в Новочеркасске, проходившие по делу причта церкви Александра Невского – Е.Г. Фирсов и А.С. Мануйлов, а также диакон В.В. Иванов, церковные старосты С.К. Копытин и А.И. Головков (260). Последний (из указанных) процесс проходил 13–14 мая 1922 г. Был вынесен также приговор священнику Долгополову – 3 года заключения, и псаломщику Горошенко – 5 лет принудительных работ со строгой изоляцией (261). В Царицыне 9 июня начался судебный процесс, итогом которого стал расстрельный приговор викарию Донской епархии Нижне-Чирскому епископу Николаю (Орлову) (262).

На базе процессов была организована антицерковная агитационная кампания через освещение их в прессе, главным образом в газетах «Трудовой Дон» и «Советский Юг». Суды явили собой образец беспощадной, циничной расправы над идеологическим противником в духе «заветов» Ильича из его письма в Политбюро от 19 марта 1922 г.: «Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий» (263). В том же письме Ленин дал установку: «Политбюро дает детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров» (264). Таким образом, аресты, суды и расстрельные приговоры на местах как итог кампании по изъятию церковных ценностей были предreshены.

Специальный циркуляр губернским ревтрибуналам Верховного Трибунала №66 от 25 апреля 1922 г. предписывал подвергать аресту на местах, прежде всего, высшую церковную иерархию и церковное руководство, даже если они и не были активными участниками сопротивления. Их следовало обвинять в попустительстве «антиправительственных» акций, выставляя «интеллектуальными виновниками эксцессов». Циркуляр предписывал также составить обвинительный материал с инкриминацией идейного руководства беспорядками патриарху Тихону и митрополиту Вениамину (265).

Суды в Донской области проходили публично в зданиях местных театров или клубах при огромном стечении народа. Так, 27–28 мая, к началу суда над церковным советом Покровской церкви Ростова и её настоятелем свящ. Александр Гуричем перед театром Карла Маркса собралось множество людей. Охрана получила указание не пропускать в зал никого, кроме рабочих и красноармейцев. Выполняя директивы, она усердствовала настолько, что доходило до курьёзных моментов – не мог попасть в зал суда один из обвиняемых, забывший повестку дома, не

сразу смог сделать это и начальник Донского областного отдела ГПУ А. А. Емельянов. Одним из обвинений священника Гурича на суде стало то обстоятельство, что в частной беседе на вопрос «куда пойдут ценности» он ответил: «Бог знает; во всяком случае, не на помощь голодающим» (266). Особое внимание в прессе было уделено обсуждению частной жизни священника, его нравственного облика. Священника Гурича и диакона Капустянского приговорили к 5 годам исправдома без строгой изоляции. Но в 1927 г. свящ. Гурич проходил по новому делу, из материалов которого следует, что он был в 1922 или 1923 гг. освобождён и стал секретным сотрудником ПП ОГПУ. Священники Сапега и Безклубов, выступившие на процессе против Гурича, были судом оправданы. Сапега оказался одним из активистов обновленческой группы, узурпировавшей церковную власть в Ростове.

Судебный процесс по делу епископа Арсения проходил с 22 по 30 августа. Он подробно освещался в газете «Трудовой Дон» под общим заголовком «Суд над епископом Арсением» и обильно снабжался комментариями, представляющими события в выгодном для власти ракурсе. Делу было посвящено 9 выпусков газеты с 22 августа по 1 сентября. Епископу Арсению припомнили, и участие в Юго-Восточном Поместном Соборе в Ставрополе в 1919 г., и в деятельности Временного Высшего Церковного Управления. Он был признан виновным «в сознательном участии в контрреволюционных действиях, недонесении властям о контрреволюционной организации Ухтомского и Назарова, в сопротивлении распоряжениям рабоче-крестьянской власти и распространении воззваний патриарха Тихона о сопротивлении изъятию церковных ценностей» (267). Говоря о распространении Смоленцом воззваний патриарха, обвинение заведомо лгало. Так был интерпретирован факт отправки воззвания митрополиту Митрофану и таганрогскому благочинному. Как указывалось выше, воззванию патриарха донское духовенство так и не дало хода.

Вместе с епископом Арсением по делу проходило 36 человек (268), из них по имеющимся сведениям были осуждены 7 священников и 17 мирян, участвовавших в волнениях 11 марта 1922 г. у Кафедрального собора (269). Протоиерей Константин Молчанов, священники Николай Феодосьев, Разногорский, Василий Добротворский, Иоанн Цариненко, Николай Успенский и Константин Зданевич были признаны виновными в том, что «приняли постановление благочинного собрания о неоказании содействия комиссии по изъятию церковных ценностей, в оказании сопротивления изъятию и возбуждению религиозных предрассудков масс» (270). Они были приговорены к различным срокам от 3 до 5 лет тюремного заключения со строгой изоляцией. Священнику Н. Феодосьеву срок был уменьшен до 2 лет, а в связи с преклонным возрастом Цариненко, Успенского и Зданевича трибунал заменил наказание двумя годами заключения без строгой изоляции. Учитывая участие Разногорского в последующем изъятии реальное наказание трибунал заменил условным. Рудакова

и Лузаева, по версии обвинения избившие председателя комиссии по изъятию церковных ценностей А.И. Муралова, были приговорены к 2 годам тюрьмы со строгой изоляцией, Бабиева – к 1 году, заменённому направлением в «лечебное заведение». Профессор Александр Николаевич Бунаков и инженер Усов были приговорены к 3 годам тюрьмы условно. 7 человек были оправданы (271).

Заключительная речь представителя общественного обвинения явила собой образец маскировки истинных целей власти, жестокой и лукаво спланированной партийно-чекистским руководством расправы, устроенной над идеологическим противником – Православной Церковью. Обвинение подчеркивало, что не судит за убеждения и лицемерно заявляло, что «советская власть провозгласила полную свободу... всех религиозных вероучений». «Мы судим, – вещал общественный обвинитель, – и будем обвинять за ту хитро проведённую работу, в результате которой 11 марта 1922 г. были избиты толпой в Старом соборе члены комиссии по изъятию ценностей. Мы судим за ту работу, в результате которой неистовавшая (так в тексте – Ю.Б.) толпа хулиганов, бабистеричек, торговков и лавочников и разного мелкобуржуазного сброда бросала камнями в красноармейцев. Мы судим за хитрую работу, в результате которой по всем городам стала распространяться антисемитская зараза «жиды грабят церковь». «Всё контрреволюционное группируется около рясы», – подытожил общественный обвинитель Зорин (272). В этом утверждении отражена цель заказанного партийным руководством постановочного процесса, как и всех подобных судов, прокатившихся по России – представить духовенство как активную контрреволюционную силу, противников трудового народа, используя ложное обвинение в организации сопротивления изъятию церковного имущества. Ложное, поскольку, во-первых, сопротивление было стихийным, а не организованным, во-вторых, потому что духовенство не приняло никакой активной агитации, но, понимая провокационный характер кампании, стремилось предотвратить жертвы среди духовенства и мирян. Суды были направлены на подрыв авторитета духовенства в глазах народа, и наряду с прочими обвинениями «судебное разбирательство» стремилось перейти на обсуждение нравственного облика подсудимых, обвинить их в каких-нибудь пороках.

Вполне можно согласиться с выводом Н.А. Кривовой о том, что на Юге России «верующие выступали не в столь резкой форме, хотя глухое недовольство проявлялось повсеместно» (273). Однако вызывает сомнение вывод о том, что «активную агитацию вел на Дону епископ Арсений, который предал анафеме всех посягающих на достояние церкви и обратился к православному народу с призывом воспрепятствовать изъятию» (274). Подобное утверждение есть и в «Архивах Кремля». Авторы ссылаются на телеграммы от 25 и 26 марта, попавшие в сводку Информотдела, где отмечалась «контрреволюционная агитация» еп. Арсения (Смо-

ленца), и то, что «5/III он предал анафеме всех посягающих на достоинство церкви» (275). Мне не удалось выявить никаких архивных документов, подтверждающих это положение, более того, оно противоречит имеющимся данным. В публикациях о ходе суда подобное обвинение не упоминалось, при том, что такой факт был очень выгоден для его постановщиков, им непременно бы воспользовалось обвинение и пресса, которые стремились показать епископа Арсения яростным контрреволюционером. Опровергается утверждение и самой логикой событий. Скорее всего, речь идёт о сфальсифицированном обвинении, зафиксированном в официальных документах для надёжного обоснования расстрельного приговора. Как было показано выше, духовенство во главе с епископом Арсением придерживалось политики, направленной на предотвращение кровавых столкновений, понимало возможность обвинений священнослужителей и воздерживалось от публичного высказывания мнения по поводу декрета.

Широко освещался в прессе и процесс по обвинению настоятеля и причта Покровской церкви Ростова-на-Дону. По два выпуска газет «Трудовой Дон» и «Советский Юг» от 13 и 14 июня поместили материал по суду в Азове, который прошел в 11-12 июля 1922 г., значительно меньше были освещены другие процессы. Примечательна речь защиты на процессе в Азове. Защитник просил оправдать всех подсудимых, т.к. это «предоставит им возможность работать на благо Советской власти в новых теперь для них условиях (раскол церкви)... быть может, Советская власть приобретёт в их лице агитаторов» (276). Речь шла о том, что они могут оказаться полезными в обновленческом расколе (277). Двоих обвиняемых действительно оправдали, одного осудили условно, приговор в отношении остальных трёх человек представляется смягчённым.

Как правило, по делам о сопротивлении изъятию церковных ценностей обвиняемые приговаривались к различным срокам заключения от полугода до 5 лет, иногда условно. Донской ревтрибунал помимо вынесенных приговоров по местным делам, потребовал привлечь к ответственности патриарха Тихона (278).

Кампания по изъятию церковных ценностей на Дону в целом содействовала расколу среди духовенства (279), разделению его на отдельные группы. Есть основания полагать, что дела о сопротивлении изъятию церковных ценностей использовались ОГПУ для вербовки, как участников обновленческого раскола, так и собственных агентов и осведомителей. Обновленцы, свидетельствуя свою полную лояльность советской власти, открыто поддержали изъятие как полностью законное и не противоречащее церковным канонам (280). Созданный ОГПУ обновленческий раскол донские власти оценили, как способствующий изъятию: «Это обстоятельство... отвлекло самую бешенную, фанатическую часть верующих от вопроса изъятия ценностей» (281).

После массивного натиска, в августе 1922 г. большевики

смягчили остроту пропаганды, и в Донкоме было принято решение: «Воздержаться временно от религиозных диспутов и резких выступлений в печати и на митингах в целях антирелигиозной пропаганды» (282).

Подводя итоги идеологической составляющей кампании можно констатировать, что власти лишь отчасти достигли желаемого результата, одним из компонентов которого являлось подавление религиозности населения и снижения авторитета духовенства. В целом достижения были незначительны и касались в основном лишь тех, кто и без того был не очень близок к Церкви. В 1922 г. из различных мест Северного Кавказа приходили сообщения о том, что происходит «небывалое усиление в массах религиозного настроения, церкви переполнены молящимися» (283). Гонимая Церковь вызывала глубокое сочувствие в народе.

Итак, политика советской власти в отношении религии и Православной Церкви строилась на основании декрета о свободе совести, церковных и религиозных обществах от 20 января (2 февраля) 1918 г., провозглашавшего отделение Церкви от государства. Декрет отличался нечеткостью формулировок и допускал самые разнообразные истолкования, давал властям простор для осуществления репрессивных действий в отношении Церкви и верующих. Вместе с тем в данный период значительная роль в его реализации отводилась местным советским органам власти, от понимания декрета которыми зависела практика государственно-церковных отношений. На территории Дона осуществление основ политики советской власти в отношении религии и Православной Церкви развернулось с января 1920 г., после ее установления в регионе в ходе Гражданской войны. На первых порах, с учетом сложной политической обстановки такая политика осуществлялась с достаточной осторожностью. Однако проводилась она с видимой последовательностью и настойчивостью. Власти при этом уделяли внимание разъяснению основ этой политики среди населения, в том числе верующих. Эта деятельность входила в компетенцию межведомственной комиссии, созданной по решению Коллегии отдела управления Донисполкома от 16 июля 1920 г. при отделе юстиции – Донской комиссии по отделению Церкви от государства. Кроме того, действовал и специальный подотдел при том же отделе, названный «ликвидационным». В рамках комиссии светская и церковная сторона умели находить почву для сотрудничества. Комиссия стремилась к последовательной реализации декрета, уделала значительное внимание проверке церковного имущества, антирелигиозная работа среди населения области активно не велась. К концу 1920 г. выяснилось, что деятельность комиссии не соответствует политике центральных органов советской власти, которая после завершения Гражданской войны переходила к решительному наступлению на религиозные организации и Православную Церковь. Деятельность Комиссии подверглась критике. С начала 1921 г. создавались предпосылки для более решительного наступления Советского государства на Церковь на

местах, в том числе на Дону.

Политика советской власти в отношении Церкви вызывала сопротивление со стороны духовенства и мирян. Формы этого сопротивления были разными и зависели от конкретной обстановки. Способствовало сопротивлению отсутствие у властей в начале двадцатых годов конкретных представлений о методах ликвидации Церкви, к которой, в конечном счете, стремился большевистский режим. В качестве действенного способа охранения в пределах Донской и Ростовской епархий церковной жизни использовалась опора на действующее советское законодательство, которое оставляло возможности для сохранения Церкви. Поэтому использовались легальные, правовые формы борьбы за сохранение Церкви и церковной жизни. Значительную роль в этой борьбе принадлежало настоятелю Ростовского Кафедрального собора, протоиерею, профессору П. Верховскому, умевшему находить способы взаимодействия с властями в интересах Церкви. Он был сторонником сотрудничества государства и Церкви при их взаимной независимости и поддерживал в этой связи идею отделения Церкви от государства. Вместе с духовенством ряда приходов Верховский стремился противодействовать внеправовым действиям государственных структур против Церкви и стремлению в мае 1921 г. установить контроль над деятельностью церковных общин. Им делалась попытка организовать летом 1921 г. духовное образование в Ростове. В условиях, когда между местными органами ЧК и НКЮ существовали разногласия по вопросу о характере взаимоотношений с Церковью, когда органы юстиции допускали определенную свободу для церковных организаций в рамках советского законодательства, такая линия имела смысл. Но после упразднения Донской комиссии по отделению Церкви от государства взяла верх жесткая линия ЧК на борьбу с Церковью, что выразилось, в том числе, и в аресте П. Верховского 12 июля 1921 г., и последующих репрессиях против ряда видных деятелей Церкви на Дону.

В обстановке голода 1921 г. Церковь пошла на добровольные жертвования бедствующему населению. В Донской епархии организация помощи голодающим началась еще с августа 1921 г. Советская власть, однако, не приняла добровольных пожертвований со стороны Церкви. Она отказалась от сотрудничества с ней в деле помощи голодающим и использовала сложившуюся обстановку для дальнейшего наступления на нее. Выражением этого стала конфискация на основании декрета от 23 февраля 1922 г. церковного имущества, в том числе имевшего литургическое значение. 4 марта была утверждена комиссия по изъятию церковных ценностей в Донской области. Начавшаяся 11 марта акция по изъятию церковных ценностей из православных церквей была встречена стихийным противодействием верующих, которое было решительно подавлено. Воззвание патриарха Тихона о защите церковного достояния не распространялось на территории Донской области. Позиция донского духовенства была близка позиции митрополита Вениамина Казанского, оно

стремилось предотвратить какие бы то ни было конфликты на почве изъятия. Вместе с тем власти развернули агитационную работу, обосновывая необходимость конфискации имущества Церкви, в том числе в региональной печати. В Донской области изъятие прошло при глухом недовольстве народа, хотя острые эксцессы на почве противодействия конфискациям прекратились, во многом благодаря духовенству. Но отношение населения к кампании было неоднозначным, причем в наиболее пострадавшем от голода 1-м Донском округе преобладало безразличие или даже сочувствие изъятиям. Наиболее активно кампания по изъятию проводилась в области с 26 апреля до начала июня, причем на её проведение были истрачены значительные средства. Донская комиссия по изъятию церковных ценностей показала себя хорошим исполнителем, нередко опережающим распоряжения центральной власти. Советская пропаганда формировала ложное мнение о роли духовенства в сопротивлении изъятию церковного имущества, искусственно распространяя миф о его отчаянном сопротивлении, для того, чтобы представить духовенство врагом народа, обосновать расстрельные приговоры и обеспечить обвинение патриарха Тихона. В ходе кампании на Дону, как и в других регионах страны, искусственно насаждался раскол среди духовенства.

Цели кампании по изъятию церковных ценностей лежали не только в сфере материальных, но в первую очередь политических и идеологических интересов власти. Это была спланированная антицерковная и антирелигиозная акция. Большевики, безусловно, понимали, что власть в стране нужно не только захватить, но и удержать, и после окончания Гражданской войны они приступили к «захвату власти» над умами граждан. Для этого нужно было уничтожить тех, кто пользовался народной поддержкой (шел процесс по делу эсеров, готовился процесс меньшевиков), в первую очередь, Православную Церковь – несомненно в этом смысле политического конкурента большевиков. Основной целью кампании по изъятию церковных ценностей был разгром Церкви. Она должна была окончательно лишить Церковь имущества, заставить её почувствовать полное бесправие и бессилие в советском государстве, расколоть Церковь организацией «лояльного духовенства», и, в конечном счёте, скомпрометировать духовенство в глазах общества, лишить Церковь народного авторитета. Вместе с тем, кампания была призвана предоставить материальную базу партии большевиков на строительство их «империи» и упрочнение позиций на международном уровне, привлечь на сторону большевиков крестьянство, рабочих и армию. Реальная помощь голодающим почти не заботила партию и правительство. В целом 1922 г. поставил точку в компромиссной политике региональной власти и способствовал созданию в обществе напряжённости между властью и верующими.

ГЛАВА II. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПО ИДЕОЛОГИЧЕСКОМУ И ОРГАНИЗАЦИОННОМУ РАЗЛОЖЕНИЮ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ДОНУ В 1920-1930-Х ГГ.

§ 1. Обновленческий раскол как компонент советской антицерковной политики и его осуществление на Дону в 1922-1924 гг.

Организация захвата обновленцами донской церковной власти и православное духовенство в мае-июле 1922 г.

Кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г. носила провокационный характер и была нацелена не только на конфискацию церковной собственности, но и на подрыв авторитета духовенства и Церкви в целом и показательную расправу с частью клира и мирян. Она являлась прологом к следующей большевистской кампании, содержанием которой являлось внедрение раскола в среду православного духовенства. Обе кампании имели схожие цели и были спланированы и запущены в действие почти одновременно, но последняя оказалась значительно продлённой во времени.

Общим местом в работах специалистов является оценка обновленческого раскола как результата целенаправленной деятельности советской власти по расколу Церкви. Опубликованные документы не оставляют в этом сомнений.

30 марта 1922 г. Л.Д. Троцкий направил записку в Политбюро ЦК РКП(б), в которой предложил использовать в целях борьбы с Церковью

«советское» или «сменовеховское» духовенство, способное вступить в соглашение с советской властью. В записке Троцкий представлял ситуацию в Церкви с классовых позиций. Он считал, что в России она не прошла стадию реформации. Троцкий интерпретировал движение за обновление церковной жизни, которое он назвал «сменовеховским крылом», как буржуазное, т.е. как предвестника начинающейся реформации, и искусственно противопоставил его «монархически-черносотенному крылу» во главе с патриархом. Он считал необходимым радикализировать этот конфликт. Троцкий, конечно, не видел в этой группе духовенства союзника, напротив, он писал, что «она стала бы для социалистической революции гораздо опаснее церкви в ее нынешнем виде», поскольку принимая вид союзника власти советов приобрела бы «возможность проникновения и в те передовые слои трудящихся, которые составляют или должны составить нашу опору». Тем самым она становилась бы идеологическим конкурентом советской власти. «Поэтому, – писал Троцкий, – сменовеховское духовенство надлежит рассматривать, как опас-

нейшего врага завтрашнего дня» (1). Теперь же предлагалось опереться на него в своих политических целях, для того, чтобы разделить Церковь на противоборствующие лагеря. Голод и изъятие церковных ценностей представлялись Троцкому прекрасными условиями для начала этой операции. В записке Троцкий перешел к практике и предложил некоторые конкретные действия по организации работы на местах, выполнение которых предполагалось обсудить на совещаниях секретарей парткомов и исполкомов губерний. В частности, такое: «Побудить определиться и открыто выступить сменевеховских попов. Взять их на учет. Неофициально поддерживать» (2). Идея была принята: Молотов, Зиновьев, Сталин и Каменев проголосовали «за». На места губисполкомам и губкомам РКП(б) была разослана шифротелеграмма Президиума ВЦИК и ЦК РКП(б) о поддержке «лояльного духовенства» (3).

В октябре доклад руководителя 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ и ещё одного наряду с Троцким организатора раскола Е.А. Тучкова Антирелигиозной Комиссии ЦК РКП(б) «О тихоновщине» сообщал: «Пять месяцев тому назад, в основу нашей работы по борьбе с духовенством была поставлена задача "бор(ь)ба с Тихоновским, реакционным духовенством" и конечно в первую очередь с высшими иерархами как-то: митрополитами, архиепископами, епископами и т. д. Для осуществления этой задачи была образована группа так называемая "ЖИВАЯ ЦЕРКОВЬ" (выделено в тексте

– Ю. Б.) состоящая преимущественно из белых попов, что дало нам возможным посорить попов с епископами...». Цели образования группы обновленческого духовенства были предельно ясны из того же доклада:

«окончательно разгромить тихоновский и полутихоновский епископат и лишить его управления церковью... не дурно было бы и изгнать тихоновцев из приходских советов, начав эту работу примерно также, т.е. натравляя одну часть верующих на другую» (4).

Обновленчество по замыслу Л.Д. Троцкого должно было стать этапом эволюции всей Русской Православной Церкви, реформацией в православии. Он понимал необходимость для раскола церковного сообщества обострения внутренних отношений, и если первым фактором был голод и отношение к изъятию церковных ценностей, то вторым и наиболее надежным – фактор догматических разногласий. Троцкий, как убедительно продемонстрировала И.В. Воронцова, детально изучившая историю связей идей христианского модернизма начала XX в. и обновленческих программ, был в курсе идей религиозно-философского движения «нового религиозного сознания» и реформаторских течений в православии начала века (5). Троцкий использовал их для оформления раскола. Воронцова подчёркивает, что появление и исчезновение реформаторских пунктов в обновленческих программах были связаны с коррекцией политического курса руководства страны (6).

Реформаторское движение начала века не вышло из канонических церковных рамок. Оно стремилось к восстановлению церковной жизни, ликвидации негативных последствий петровской реформы. Конец дискуссиям положил Поместный Собор 1917-1918 гг. (7). Но отдельные представители духовенства сохранили некоторые идеи «реформаторства» и позже (8). Это были люди, как отметит Поспеловский, самых разных политических взглядов, от социально-ориентированных до «черносотенных» (9). Они и стали ядром обновленческого раскола. Но только вмешательство Политбюро и ОГПУ превратило отдельные внутрицерковные настроения в раскол и в массовое движение. Реформаторские идеи были искусственно привлечены на службу обновленчеству. Впервые они появились в издаваемом на деньги большевиков журнале «Живая Церковь». И это была, конечно, не эволюция, а сознательная эксплуатация большевиками религиозных идей в своих политических целях. В их интересах было представить обновленчество как движение, имеющее исторические корни, как естественный процесс трансформации церковности. Однако сторонники «нового религиозного сознания» осудили обновленчество. Из группы «32-х» священников, выступивших за обновление Церкви до революции, установки которой были политически нейтральны, политически ангажированное советское обновленчество поддержали лишь единицы (10). Идеи, которые проводили лидеры обновленчества, были, по мнению самих основателей движения «нового религиозного сознания» их поверхностной «профанной» формой (11). Советское обновленчество, по точному выражению прот. Г. Ореханова, являлось сугубо конъюнктурным по своему происхождению и характеру деятельности движением (12).

В конце 1923 г. из обновленческих групп сформировалась «обновленческая Церковь», управлял которой созданный Синод (13). Когда же раскол состоялся, нововведения оказались не нужны, более того, они мешали вовлечению в раскол широких церковных слоёв, которые понимали их каноническую незаконность. Догматические нововведения были забыты, и акцент разногласий сместился в политическую сферу (14), подтверждая то, что цель обновленческого раскола была не в каком-либо обновлении или реформе, а в отстранении и предании показному «суду» и «церковному» осуждению патриарха Тихона, т.е. в расправе с ним большевиков, и, конечно, в ослаблении Церкви изнутри.

В отчётах Антирелигиозной Комиссии при ЦК РКП(б) перед Политбюро «О проделанной работе» в 1922 году существовал постоянный подраздел под названием «В области разложения православной церкви» (15), освещающий работу ГПУ и Антирелигиозной Комиссии с обновленцами. Совершенно чётко была обозначена цель этой деятельности: «смысл означенных мер, прежде всего, сводится к ДАЛЬНЕЙШЕМУ УГЛУБЛЕНИЮ РАСКОЛА В ЦЕРКВИ» (16). Антирелигиозная комиссия ставила себе цель, опираясь на обновленцев, в центре и на местах

очистить церковные советы от

«тихоновского» элемента и усилить борьбу с «тихоновщиной», если она будет сопротивляться обновленческому Высшему церковному управлению (далее – ВЦУ) (17). Таким образом, целью создаваемого властью обновленчества было уничтожение церковного управления в лице епископата и его сторонников на уровне приходов, разжигание искусственного конфликта и столкновение пресвитеров с архиерейской властью, разных групп духовенства и мирян между собой, что, в конечном счёте, было направлено на разложение Церкви.

В основу деятельности по расколу Церкви партийно-чекистских органов на местах легли идеи Троцкого, в том числе идея раскола духовенства на вопросе об отношении к изъятию церковных ценностей. Воспользовавшись кампанией по изъятию церковных ценностей как поводом, большевистское руководство страны совместно с органами ГПУ широко распространило идею о разделении духовенства на две группы – «прогрессивное духовенство», сторонников изъятия церковных ценностей, и «князей церкви», которые, согласно тезису пропаганды, являлись сторонниками «скарёдного отношения к церковным богатствам», были зачинщиками сопротивления изъятию ценностей и втягивали в это дело мирян. С марта 1922 г. в донской прессе начинает разворачиваться мощная агитационная кампания за изъятие церковных ценностей. Основным её рупором была газета «Трудовой Дон», но значительный объём материала публиковался и в газете «Советский Юг». В разгар кампании, 26 апреля, в «Трудовом Доне» вышла статья, озаглавленная «К расколу среди духовенства», в центре внимания которой была мысль о том, что на почве изъятия «та трещина, которая имела в рядах духовенства, стала увеличиваться и сейчас мы наблюдаем усиленный процесс раскола, расслоения духовенства» (18). Однако, никакой поддержки и сочувствия «прогрессивное духовенство» в данной заметке не нашло. Автор без всяких попыток обоснования утверждал, что существовавшее ранее искусственное единство духовенства теперь распадается, «нарождаются в их рядах новые группировки, которые изыскивают новые формы религии...» (19), а в целом это представляет собою признаки разрушения христианской Церкви, которая, видимо, скоро исчезнет с исторической сцены. Начиная с данной статьи, в донской прессе периодически публиковались материалы по обновленческому расколу. Как правило, они выходили под заголовком «Поход духовенства Донской области против «князей церкви». Помещались также статьи по общим вопросам обновленческого движения:

«Обновленческое движение и епископы», «Реформистское движение в православной церкви» и др. Одна из них объясняла, что «происшедший церковный раскол – есть, в конечном счёте, не что иное, как попытка более чуткой части духовенства спасти положение, «удержать» под влиянием церкви прозреваю-

озного дурмана «паству» (20). Рабочий класс призывался разъяснять своим отсталым товарищам смысл происходящих процессов.

Очевидно, что власть через пропаганду стремилась представить нарождающийся обновленческий раскол как спонтанный естественный процесс, скрывая свою собственную инициативу и свои интересы в этом деле.

При негласной поддержке госорганов, началась подготовка к узурпации церковной власти обновленцами на местах. Уже 24 марта местные чекисты первыми отрапортовали перед Лубянкой об успехах по столкновению между собой групп духовенства и начале организационного оформления раскола. Телеграмма из Ростова сообщала, что арестованы «сподвижники» епископа Арсения (21), а «лояльное духовенство организовало бюро для оказания противодействия епископской власти. В первую очередь Бюро намерено: 1-ое разоблачить епископа Арсения и епископскую власть вообще. 2-е в замен (так в тексте – Ю.Б.) епископства как форму правления организовать Комитет, 3-е содействовать изъятию ценностей» (22). Таким образом, ведущей идеей обновленческого раскола на Дону в период его зарождения был антииерархический пафос, децентрализация управления. Организация раскола здесь шла одновременно с оформлением московскими чекистами по решению Политбюро центральных органов обновленческого движения (23).

26 апреля 1922 г. состоялось собрание духовенства и мирян Ростова и Нахичевани-на-Дону под председательством протоиерея Михаила Попова, был составлен «акт» собрания. Однако содержание этого «акта» известно только из более поздней публикации в «Трудовом Доне» в номере от 17 мая. 12 мая 1922 г. после ареста патриарх Тихон был вынужден отказаться от руководства Церковью, передав свои полномочия митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), который, впрочем, не смог выехать из Ярославля из-за отсутствия разрешения, а вскоре был арестован. Он выпустил послание, призвавшее архиереев игнорировать директивы обновленческих

органов управления и перейти на самостоятельное управление епархиями (24). 16 мая было образовано обновленческое ВЦУ. Вслед за этим в епархиях русской Церкви начались попытки замены архиерейского управления исполнительными комитетами обновленцев. Для захвата церковной власти был введён институт уполномоченных ВЦУ при епархиальных управлениях. Уполномоченные располагали поддержкой государственной власти и наделялись широкими правами, вплоть до отмены решений епархиальных архиереев. 56 подобных уполномоченных было разослано по епархиям Русской Церкви (25).

Одним из первых обновленческих комитетов в России стал Комитет Ростовской епархии, председателем которого ВЦУ назначило ростовского священника Михаила Попова. Своей главной задачей Комитет считал полное признание в Донской области нового ВЦУ и оказание ему

всемерного содействия в проведении всех его начинаний «по обновлению и созданию "новой живой церкви"» и созыву Поместного Собора (26).

16 мая в газете «Трудовой Дон» было опубликовано «Воззвание к верующим честных священнослужителей» – распространённое 15 мая «Радио РОСТА» обращение московской «прогрессивной группы духовенства», главной ударной группы обновленцев: епископа Антонина (Грановского), московского священника Сергея Калиновского, Борисова и Быкова, петроградских – Красницкого, Введенского, Белкова и псаломщика Стадника, саратовского – Русанова. В Воззвании патриарх Тихон объявлялся «знаменем, вокруг которого сплотились контрреволюционеры», группа требовала немедленного созыва Поместного Собора «для суда над виновниками церковной разрухи» и решения вопроса «об управлении Церковью и об установлении нормальных отношений Церкви с советской властью» (27). Завершалось обращение призывом ко всем верующим поддержать инициативу данной группы.

На следующий день, 17 мая, газета предоставила трибуну для ростовского духовенства. Статья имела заголовок «Воззвание против «князей церкви» ростовского духовенства» (28). Сообщалось о состоявшемся 26 апреля 1922 г. собрании духовенства и мирян Ростова и Нахичевани-на-Дону и составлении «акта», который от лица духовенства и мирян Ростовской-на-Дону епархии был озвучен в названной публикации. Ростовская группа, ничем не отличаясь от центральной организации обновленцев, начала с обвинения Донской церковной власти в контрреволюционности, в том, что она (власть) «встала на путь... корысти и политиканства, на путь достижений личных целей», не поняв той свободы, которую её предоставило отделение церкви от государства. На основании подобных доводов высказывалось сомнение в православии данной церковной власти. Также на епархиальную власть возлагалась ответственность за аресты духовенства и мирян, причина которых истолковывалась как «подозрительность для гражданской власти». В газетной публикации, составленной в духе развёрнутой в то время пропагандистской кампании, были брошены и другие нелепые и непонятные обвинения в адрес епархиальной власти. Например, в том, что занимаясь «своими личными интересами и потребностями, часто животного свойства», она заботилась не о том, чтобы священники предстояли перед Престолом Божиим, а «читали на клиросе и среди храма кафизмы и каноны», не желает протянуть руку помощи голодным, и что церквями в такое тяжелое время брошены колоссальные суммы на нелепую роскошь, причём был указан лишь один пример такой «роскоши» – содержание церковных хоров.

Авторы «акта» требовали изменения курса донской церковной жизни, в связи с чем они постановили учредить в Ростовской епархии Исполнительный Комитет по делам православной церкви, а для его подготовки образовать Временное исполнительное бюро по делам пра-

вославной церкви, за которым впоследствии закрепилось название Временное Исполбюро по делам Ростовской Епархии. Комитету переходили все дела по управлению епархией и вся полнота власти. Организация Временного исполнительного бюро возлагалась на священника Казанской церкви о. Андрея Сокальского, который, следует отметить, в августе 1922 г. выступил на суде по делу епископа Арсения (Смоленца) свидетелем обвинения (29). Он получил звание епархиального инструктора. Ему поручалось связаться с арестованным по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей (как мы могли убедиться, ложным) епископом Ростовским Арсением (Смоленцом), получить его благословение на начало действий Исполбюро и обсудить с ним принципы совместной деятельности – тот же сценарий, который реализовали обновленцы в Москве с заключённым патриархом Тихоном. Последнее замечание «акта» утверждало, что исполнительное бюро будет учреждено даже в том случае, если епископ откажется его благословлять, но будет дана санкция гражданской власти. Исполнительное бюро на момент его образования имело следующий состав: протоиерей Казанской церкви о. Михаил Попов, священник Казанской церкви о. Андрей Сокальский (30), священник Онуфрий Сапега (31), священник Василий Копыр и диакон Федор Чижов (32). А во временный Исполнительный комитет вошли священники Михаил Попов и Андрей Сокальский, священник с юридическим образованием Василий Черняев, исполнявший функции юрисконсульта, диакон и два псаломщика (33). Созданный комитет поддерживал связь с ДОГПУ, делал заключения о политической благонадежности тех или иных священнослужителей или же нежелательность пребывания того или иного священника в епархии, если он мешал делу обновленческого реформаторства (34).

Газета «Трудовой Дон» утверждала, что на собрании присутствовали все представители Ростова, Нахичевани-на-Дону и округа, которые дали подписку о признании Исполнительного Комитета, как органа, руководящего всеми делами епархии. Не признали обновленческий исполком члены причта церкви Всех Святых и настоятель Всехскорбященской церкви (35). Забегая вперёд, отметим, что на самом деле противников этого движения было гораздо больше. Большинство священников действительно дали подписку о признании комитета, но с оговоркой, что лишь временно, до избрания епархиальным съездом нового епископа и, кроме того, потребовав, чтобы комитет руководствовался канонами Церкви (36).

Епископ Арсений отказался благословлять исполнительное бюро, и ещё за два дня до подписания «акта» он предупредил духовенство не иметь отношений с самочинным учреждением (37).

Комитет дистанцировался от епископа, принимая на себя полную свободу действий. Члены обновленческого исполкома планировали объезд всех округов и сбор подписок о признании Комитета, ими были выпущены обращения к причтам и духовенству, объявлявшие поход

против «князей церкви». Пресса же интерпретировала «Воззвания против князей церкви» ростовских обновленцев как лучший пример борьбы с противниками изъятия церковных ценностей, а образование Комитета называло «актом раскрепощения и освобождения от «папизма», существовавшего на Дону». Наконец, газеты упоминали новый Поместный Собор, который готовилось «созывать правительство» (38). Очевидно, все произошедшие события в епархиальной жизни служили подготовительным этапом к этому запланированному большевиками антиканоническому мероприятию, на котором должны были состояться осуждение патриарха Тихона, лишение его сана и вообще уничтожение института патриаршества в Русской Церкви, а также должны были узакониваться другие канонические нарушения.

Временный Исполнительный Комитет начал подготовку к созыву в Ростове-на-Дону епархиальной конференции, задачи которой были сформулированы так: «наметить пути практического осуществления задач, положенных в основу обновленческого движения» (39), избрать постоянный Комитет и установить отношения с московским Комитетом для координирования действий в преддверии Поместного Собора, избрать делегатов на Поместный Собор, составив им наказ в духе церковных реформ, которые будут намечены епархиальной конференцией. Конференция должна была также, решить вопрос о выборах нового епископа, а также о том, из какой среды должен он быть – из белого духовенства или монашества. Таким образом, дело подводилось к тому, чтобы епархиальное духовенство одобрило намечающиеся канонические нововведения в церковном устройстве.

Конференция по замыслу организаторов должна была также рассмотреть вопрос об отношении к прошедшему в Москве Поместному Собору 1917-1918 гг. Однако Временный Исполнительный Комитет, не дожидаясь конференции, дал Собору свою оценку.

Поместный Собор 1917-1918 гг. был, несомненно, явлением возрождения церковной жизни, освобождения и возвращения Церкви к её каноническому устройству, повреждённому синодальной реформой Петра Великого, этапами которого стало восстановление патриаршества, сепарация Церкви от государства и освобождение от его задач. Тем не менее, он был расценен обновленцами в совершенно противоположном смысле. Собор обвинялся Временным исполкомом и в том, что его председателем был митрополит Антоний (Храповицкий), «известный черносотенец», и в том, что «прошел под знаком засилья монашесствующего духовенства и епископата», а «главной задачей Собора было усилить права епископата в ущерб свободной жизни церкви». Таким образом, Священноначалие отделялось от Церкви и противопоставлялось ей. Приводился и неотъемлемый аргумент советской пропаганды, о том, что Церковь – опора самодержавия, а символом самодержавия, сохраняемого Церковью, был назван Тихон. Отсюда вытекало первое требование к новому «со-

бору» – «самостоятельность церкви». Так большевиками при посредстве обновленцев подводилась база под осуждение патриарха Тихона, лишение его патриаршества и упразднение патриаршества как института. Далее на Церковь переносились принципы жизни «мира сего», причём мира, построенного на идеях большевизма. Новый Собор по представлениям Временного Исполнительного Комитета должен был заняться «самым широким обновлением церковной жизни», под которым подразумевались пересмотр всех церковных канонов и отмена тех, которые будут сочтены «устаревшими». Обновленцы пошли дальше по пути децентрализации церковного управления, они провозглашали «устранение монашеского духовенства от управления церковными делами» – обновленцы считали, что «управлением церкви должно ведавать белое духовенство в союзе с мирянами». Но и белое духовенство устранялось из приходской жизни: миряне должны избирать своих пастырей, а совместно с приходским духовенством и архиереев, мирянам в лице приходских советов должна передаваться «вся материальная и хозяйственная часть храмов», духовенству же оставлялось исключительно «служение в алтаре у престола и неусыпное учительство на амвоне». Система выборов по утверждению обновленцев должна была покончить с произволом. Третье требование обновленцев – замена церковнославянского языка богослужений на современный русский, а затем «пересмотр учения о таинстве брака». Последнее требование и вовсе звучало экуменическим лозунгом – «чтобы Собор нашёл пути к единению всех церквей» (40). Не до конца ясным остаётся понятие, которое вкладывалось в слова о всех церквях. Требования ростовских обновленцев не приносили ничего принципиально нового в обновленческое движение, они повторяли идеи, распространяемые под руководством ГПУ и партийных органов из Москвы по всей стране.

Для временного управления обновленческой Ростовской епархией обновленцы пригласили викария Донской епархии епископа Аксайского

(41) Митрофана (Гринёва), но он наотрез отказался, прислав письменный отказ, и мотивируя своё решение непринятием обновленчества. Обновленческое ВЦУ уволило еп. Митрофана. Вместо Донского митрополита Митрофана (Симашкевича) и епископа Аксайского Митрофана (Гринёва) возглавлять Донскую епархию «Живая Церковь» прислала архиепископа Мелхиседека (Николаева) (42). А на место епископа Ростовского и Таганрогского Арсения был прислан временно епископ Модест (Никитин).

По свидетельству еп. Митрофана (Гринёва) на тот момент Донская епархия включала более 800 приходов и была поделена на несколько викариатств: Нижне-Чирское, возглавляемое епископом Николаем, Аксайское – возглавляемое епископом Митрофаном, и Усть-Медведицкое, правящий архиерей которого епископ Модест и был тем епископом, которого прислало ВЦУ в Ростов-на-Дону занять обновленческую ка-

федру (43).

В июне шла организация Исполкомов по делам церкви в Донской области – в Азове, Таганроге, Новочеркасске. С момента появления Временного Исполкома по делам Ростовской Епархии упразднился институт благочинных, учреждалась должность председателя Исполнительного Комитета по делам церкви. Таким образом, благочинные на местах сменялись людьми лояльными обновленцам и подчинёнными Временному Комитету, что, несомненно, способствовало облегчению внедрения обновленческих структур на местах. В состав Азовского Комитета вошли: председатель – священник Афанасий Петров, членами Комитета – священники Афанасий Воздвиженский и Григорий Шульгин, дьякон Федоровский, псаломщик Ахтаров, миряне – Загнойко, Попов и Глушко. В состав Таганрогского Комитета входили: председатель – священник Алексей Жежеленко, члены Комитета – протоиерей Александр Кириллов, псаломщик Воршоковский, мирянин Боровкин. Газета «Трудовой Дон» 14 июня сообщила, что приступил к работе и Комитет Донской епархии, организованный группой духовенства в Новочеркасске (44). Однако, редакция поспешила. Собрание духовенства Донской епархии и представителей мирян в Новочеркасске, на котором образовался Временный Комитет, состоялось немного позже, 18 июня (45). Комитет возглавил священник Дмитриев, членами комитета были протоиерей Фомин, священник Шапошников и миряне Свидерский и Фирсов.

Но следует учесть, что на начальных этапах организации раскола духовенство не вполне чётко разделялось на сторонников и противников обновленчества и однозначно отнести всех названных членов Временных комитетов в число обновленцев, не рискуя при этом ошибиться, нельзя. Несколько позже, на обновленческом съезде духовенства и мирян окажутся как сторонники обновленчества, так и его крайние противники, которые открыто заявят свой протест и попытаются воспрепятствовать распространению движения.

В конце июня была запланирована поездка Исполнительного Комитета по делам Ростовской Епархии в Москву с докладом высшему церковному управлению и для получения от него необходимых директив (46).

Советская пропаганда начала кампанию против епископата. «Трудовой Дон» в статье, озаглавленной «Обновленческое движение и епископы» писал: «Одной из задач новой церкви является ликвидация епископства как власти» (47). Высшее духовенство характеризовалось как внушающее «животный страх мелкой духовной сошке», которая узнав об обновленческом движении, не колеблясь, стало в его ряды: «Мы узнали, – говорят они, – что епископ для нас стал не страшен, что мы получили голос». Епископы, как писала газета, повели подпольную борьбу против этого течения, и в обновленческом движении появились лица, которые «заигрывают с епископами» и «тормозят обновленческое движение». Агитационный материал заканчивался весьма показательной фра-

зой: «На это обстоятельство должны обратить особенное внимание «получившие голос» мелкие духовные сошки. И строго осудить двойственную политику духовенства, тяготеющего к епископству» (48). Обновленчество оценивалось в Донской советской прессе как «коренная реформа», как реформационное движение в православной Церкви, способное полностью изменить её облик. Им руководит «прогрессивное духовенство» – выразитель религиозной мысли низов верующего народа. Это реформистское движение на смену «старой церкви» создаёт новую «живую церковь». В словах лидера движения Введенского: «Мы не новаторы, мы повторяем старое, но основательно забытое», – по мнению пропаганды, выражена очень большая робость движения, свидетельствовавшая, что обновленчество ещё не приступило к коренным преобразованиям. Но сущность и будущее обновленчества виделись в том, что им сделан «несомненный шаг вперёд по пути к окончательному освобождению от религиозных предрассудков». Автор пропагандистского материала делал вывод: «Первая церковная реформация, несомненно, в процессе дальнейшего воспитания масс, приведёт к освобождению верующих масс от влияния религиозных предрассудков, независимо от формы и содержания, в которую они вложатся», за церковным «февралём» последует «октябрь» (49). Затем автор статьи излагал выводы, противоположные первоначальным посылкам: «Идея «живой церкви» мало жизненна, ибо понятия жизни и церкви противоречивы», она обречена на неудачу, попытка обновления Церкви может дать лишь временную видимость Церкви. Это последнее утверждение является верным, оно соответствует представлению большевиков о смысле создания обновленческого раскола и его цели (50).

Одновременно с критикой в прессе центральная власть стимулировала лояльное отношение партийных и советских органов на местах к практическим нуждам обновленческих общин. Среди доступных нам документов есть датированное 15 августа 1922 г. распоряжение Президиума ВЦИК за подписью члена Президиума ВЦИК П.Г. Смидовича Донскому облисполкому, поступившее в ответ на обращение представителей обновленцев. Смидович, игравший не последнюю роль в деле выработки советской антирелигиозной политики, заострял внимание местной власти на том, что:

«"Живая Церковь", лояльная по отношению к Советской Власти должна встретить особенно внимательное и деликатное отношение к ее нуждам со стороны Советской Власти» (51).

Круг вопросов готовящейся нарождающимся обновленчеством епархиальной конференции, позже переименованной в съезд, был таков (приведём его по опубликованному в газете «Обращению Исполнительного Комитета по делам Ростовской Епархии»):

«1. Отношение к Советской власти и к той части духовенства, которая стремится использовать церковь для борьбы с Соввластью и

противодействует обновленческому движению.

2. Коллегиальность управления православной церковью на принципах соборности.

3. Выборное начало на все иерархические должности.

4. Упразднение института благочинных, как лишнего и вредного в церковном строе, насаждённое бюрократизмом «князей церкви».

5. Пересмотр всех законов и уничтожение или изменения уже отставших от условий жизни и затемняющих разум и совесть верующих.

6. Освобождение духовенства от их кастовой обособленности.

7. Равноправие и активное участие женщин в деле нового строительства церковной жизни.

8. Аннулирование всех консисторских, синодских, победоносцевских и соборных указов, циркуляров, предписаний и постановлений, как мешающих строительству новой живой церкви.

9. Реорганизация приходов и приходских советов» (52).

Тезисы демонстрируют нацеленность обновленцев на децентрализацию Церкви, а точнее, обновленческой организации, которой они стремились Церковь подменить. При этом коллегиальность приравнивалась к соборности. Как будто бы осуществляя коренную реформу строя церковной жизни, искаженного синодальной системой, обновленцы возвращались в новых исторических условиях к её ключевым установкам: вспомним, что Феофан (Прокопович) и Пётр I объясняли упразднение патриаршества и введение синодального управления как утверждение начал соборности, также путая соборность и коллегиальность. Обновленцы формировали псевдосинодальную систему, в которой на место монарха ставилась советская власть.

5 и 31 июля прошли собрания ростово-нахичеванского духовенства. Немногим более чем за месяц до съезда, 7 сентября 1922 г. состоялось собрание Ростовского-на-Дону Епархиального управления, под председательством прот. Евгения Матвеевского. Поводом послужил доклад председателя управления «об отсутствии единства в управлении Российской церковью», сведения о котором были почерпнуты из №196 «Московских известий» от 2 сентября. Собрание вынесло решение, «в виду выяснившегося отсутствия единства в управлении Российской церковью впредь до восстановления такового единства на канонических началах и... до созыва местного Епархиального Съезда», о переходе Ростовской епархии на автономное управление. Решено воздержаться от проведения в жизнь каких-либо церковных мероприятий, предписанных ВЦУ и выработанных на съезде «Живой Церкви», и считать своей главной задачей реализацию той программы обновления Церкви, которая была выработана на собраниях местного духовенства. Кроме того, прекращалось поминовение на богослужении в церквях ВЦУ и временно избранного епископа Мо-

деста.

Таким образом, наметился постепенный отход от радикализма позиции «живоцерковного» обновленчества, распространяющегося из центра при поддержке советской власти. Ростовское духовенство даже под нажимом гражданской власти и под давлением инициативной группы обновленцев, захватившей епархиальную власть, не спешило принимать сомнительных канонических нововведений. В условиях отсутствия связи с Москвой и с заключённым под домашний арест патриархом, неразберихи и неясности вопроса о церковном управлении, было решено перейти на самоуправляемое положение, а вопросы организации епархиальной жизни и церковных органов управления рассмотреть самостоятельно на предстоящем епархиальном съезде.

Епархиальный съезд духовенства и мирян 1922 г.

15 ноября 1922 г. в ростовском соборе св. Александра Невского открылся Ростовский-на-Дону епархиальный съезд духовенства и мирян (53).

Епископ Ростовский Арсений (Смоленец) был осуждён Донским трибуналом 30 августа 1922 г. После этого события и отказа епископа Модеста от управления Ростовской епархией её временно возглавил Прилуцкий епископ Феофилакт (Клементьев) (54).

Думаю, необходимо несколько слов сказать об истории появления этого архиерея в Ростове-на-Дону в 1922 г. и его отношении к происходящему. В настоящий момент, к сожалению, не выявлены документы, освещающие этот вопрос, и всё, что мы знаем, изложил в своих воспоминаниях один из борцов с обновленчеством в Ростове, священник Павел Чехранов. Епископ Феофилакт оказался в Ростове-на-Дону проездом. Он возвращался из Персии в город Прилуки Полтавской губернии. Здесь его задержали сотрудники ДОГПУ и посадили под арест в подвал. В заключении он пробыл восемьдесят дней, заболел и почти ослеп. Епископа выпустили, но выезда из города не дали. Затем Феофилакт стал кандидатом на Ростовскую кафедру (55). О епископе отец П. Чехранов писал: «Всей душой он был против этого съезда. Но сидя в Дон-Чека, он грубо обошелся с дежурным, и его определили под арест. К съезду он выпущен был еще с больными нервами и почти слепой» (56).

К открытию собралось лишь 47 депутатов из 62 ожидаемых. Выяснилось, что отсутствовали 12 депутатов из Таганрога. Председатель Ростовского епархиального управления протоиерей Евгений Матвеевский сообщил съезду, что духовенство Таганрогского округа объявило себя автономным и организует самостоятельную епархию, о чём сообщает в подробном мотивированном заявлении на имя епископа Феофилакта и Ростовского епархиального управления. Дело в том, что незадолго до ростовского съезда в Таганроге состоялся местный съезд духовенства и мирян, который избрал самостоятельный Таганрогский Комитет (57). Вероятно, это было связано с административно-территориальным деле-

нием, которому предпочитали следовать обновленцы при образовании церковных территориальных структур,

– город относился в то время к Донецкой губернии Украины. Протоиерей П. Пякхель и священник А. Трефилов заявили, что в таком случае съезд нельзя считать епархиальным, а лишь частным совещанием духовенства и мирян. Им возразили протоиереи Василий Хандалеев и Василий Чернявский, священник Василий Черняев и мирянин Ф.Ф. Загнойко. Собрание большинством голосов постановило считать съезд «общепархиальным». Епископа Феофилакта избрали почётным председателем съезда (58). Состав Президиума съезда был таков: председатель – прот. Евгений Матвеевский, товарищи председателя – священник В. Хандалеев, В.И. Копышкин, кандидат в товарищи председателя – С.Д. Дизертинский, секретари – Ф.Ф. Загнойко, диакон Д. Ювченко и диакон И. Хруцкий (59).

На съезде присутствовал и представитель советской власти – товарищ Н.Я. Манис, уполномоченный 1-го отделения ДОГПУ, которому съезд выразил благодарность «за разрешение собраться» (60). А также архиепископ «Живой Церкви» Мельхиседек, Донской и Новочеркасский (61).

Съезд начался с доклада протоиерея В. Чернявского, выразившего позицию ростовских обновленцев. Он обосновал необходимость пересмотра церковных канонов в связи с изменениями форм церковной жизни после революции. Потерявшие силу каноны, по мысли обновленцев, подлежали изменению новым Всероссийским Поместным Собором. Необходимость Собора аргументировалась как необходимостью «обновления» Церкви, так и «ввиду отсутствия единства в управлении Русской церковью» (62).

По мнению ростовских обновленцев, инициированное ими движение в Церкви должно было осуществить следующие задачи: «I. Возрождение религиозного сознания верующих через: а) принципиальное осуждение войны и национальной вражды; б) признание нравственной правоты социального идеала русской революции; в) совершенное освобождение церкви от всякой политики (государственной и контрреволюционной); г) религиозное на основании Слова Божия и при свете науки просвещение верующих низов масс; д) одухотворение культа в сознании верующих и борьба с обрядоверием; е) поднятие нравственности и насаждение деятельной христианской любви путём постоянных сборов в приходских храмах, добровольных пожертвований на «Красный Крест», голодающих, безработных и др. начинания Государственной Власти, в области социального обеспечения» (63). Т.о. обновленцы рассчитывали обрести своё место в советском государстве и обществе.

Второй пункт программы указывал на то, что возможность вписаться в советскую систему связывалась с требованием реорганизации высшего Церковного Управления и всего строя русской Церкви, по выражению обновленцев, на «соборных началах». Под этими «началами» подразумевалось

«соборное управление» на всех уровнях, в первую очередь через периодически созываемый Поместный Собор, в котором духовенство и миряне имели бы участие на равных. Патриаршество в эту схему не входило, вводилось также ограничение архиерейской власти. В соответствие с этими принципами была очерчена организация нового епархиального управления Ростовской епархии: Епархиальное Управление возглавляется епископом и состоит из 5 штатных членов и 4 сверхштатных для отделений; в числе штатных 3 члена в пресвитерском сане, остальные 2 члена могут избираться из клира и мирян; епархиальный архиерей председательствует в епархиальном управлении, пользуется «по божественному полномочию всею полнотою иерархической власти по делам веры и нравоучения, священнодействия и пастырского душепопечения» (64). За епархиальным архиереем признавалось преимущественное право руководства в отношении всех сторон церковной жизни, впрочем, не самостоятельно, но «в согласии с Епархиальным Управлением». Все члены Управления имели равные права голоса. Высшей инстанцией в управлении объявлялось Епархиальное собрание во главе с правящим архиереем. Институт благочинных упразднялся и заменялся на местах отделениями Епархиального Управления, выбираемых на местах, председателями которых могли быть только священнослужители. Председатель являлся сверхштатным членом Епархиального Управления (65).

Программа утверждала выборное начало для всех уровней церковного института, при этом выработка требований к кандидатам оставалась за Епархиальным Управлением (66).

Часть требований наиболее радикальных преобразований, выработанных центральной организацией обновленцев при участии ГПУ, были отнесены ростовскими обновленцами к компетенции Поместного Собора. Это решение вопроса о втором браке для клириков и о переходе церковного календаря на новый стиль (67). Программа ростовских обновленцев содержала также неопределённую формулировку, явно смягчающую ещё одну из радикальных реформ обновленчества – перевод богослужения на русский язык: «Упрощение языка богослужения». Что касается возможности женатого епископата, то этот пункт обновленческой программы в Ростове практически был отвергнут: «Епископат из белого неженатого духовенства и монашества» (68). Был принят ряд решений по организации церковно-приходской жизни: священникам предоставлялось право снимать церковное благословение с браков при наличии гражданского развода, но после утверждения решения епископом; было сказано о необходимости организации прихода и приходских учреждений и о проблеме увеличения активности мирян в церковных делах, о необходимости учреждения при Кафедральном соборе г. Ростова-на-Дону богословских курсов для клириков, возможность которого обосновывалась декретом правительства. Заключительное замеча-

ние программы было политическим и гласило: «В политическом отношении духовенство г[ородов] Ростова и Нахичевани[-на-Дону] стоит на платформе признания Советской Власти, защищающей права трудящегося человека» (69).

Положения программы предлагались для обсуждения и дальнейшей разработки в Комиссиях из духовенства и мирян.

В прениях по докладу о. Василия Чернявского были высказаны разные суждения. Так, священник Никольской церкви г. Ростова-на-Дону Алексей Трефилев, взявший слово от имени организованного частью духовенства и мирян союза «Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь» или сокращённо «ЕССАЦ», в крайне резких формулировках обличал всю затею обновленцев: «В старое время в Церкви наблюдался недуг, называемый карьеризмом, постепенно вырождавшийся в авантюризм. В настоящее время власть захватили люди с тёмным прошлым и перед нами тот же недуг, называемый... обновленчеством. Нам самим необходимо понять и познакомить мирян с событиями, происходящими в Москве и у нас, мы должны открыть свою болезнь. В мае месяце у нас в Ростове произошло позорное событие: два иерея, имеющие тёмное прошлое, захватили власть в Епархиальном Управлении в свои руки и заставили духовенство подчиняться им. Духовенство, придавленное и забитое, молчало. После Московского съезда, бывшего в августе, духовенство много претерпело от этих авантюристов, многие из духовенства Ростова были посажены в подвал...» (70).

Во время выступления Трефилова председатель съезда о. Евгений Матвеевский, прерывая о. Алексея, объявил съезду о категорическом протесте представителя гражданской власти. Председатель утверждал, что никто из духовенства не был арестован и не подвергался преследованию по требованию обновленческого Комитета.

Далее в своей речи Трефилев высказал несогласие с программой обновленцев по трём пунктам: о епископской власти, богослужебном языке и второбрачии духовенства. Догматы Церкви, заметил он, как её сердцевина, без которой она перестаёт быть сама собой, не подлежат изменению, всё же остальное изменяемо. Но в программе обновленчества он увидел нарушение догматического характера – «умаление епископской власти»: в решении административно-хозяйственных вопросов епископу отводился равный с членами Епархиального Управления голос. Изменение богослужебного языка также недопустимо, по мнению Трефилова, свою позицию он объяснил так: «Во всех религиях существуют сакраментальные слова, непонятные народу, если бы они произносились на разговорном языке, то потеряли бы своё мистическое значение» (71). Третий тезис Трефилова – второбрачие духовенства никогда в Церкви не существовало и оно запрещено церковными канонами (72).

Иную точку зрения высказал священник Василий Черняев. Возражая о. Алексею Трефилеву, он заметил, что в программе реформ

нет ни одного нарушения догматов, богослужения и обрядов Православной Церкви (73).

Что же касается канонов, изменяемых в зависимости от исторических условий, то, по словам Черняева, «и к этой области программа подходит очень осторожно, дабы не вызвать соблазна» (74). Он сам считает вопрос о второбрачии духовенства несвоевременным, и, кроме того, съезд все реформы относит к компетенции канонического Поместного Собора Российской Церкви (75). Далее Черняев отметил, что центральное место в программе занимает организация церковного управления, необходимость которой он объяснил её отсутствием: «Канонической церковной власти нет, нет власти и на местах... мы поставлены перед необходимостью организовать власть... и тем самым создать легальную форму для своего существования» (76). Таким образом, Черняев поднял вопрос о возможности легального существования при советской власти. Он продолжал: «Советская власть по своей природе не может быть в союзе с Церковью, не может и подчинить её своим целям, ибо религия, с которой борется власть, не может быть средством; но государственная власть никогда не откажется от надзора над Церковью, ибо в данном случае она оберегает себя... Нужно приспособиться к новым формам государственной жизни и кое-чем несущественным, не затрагивающим сущности православия, поступиться... Такая приспособляемость исторически всегда оправдывалась и Церковь никогда не решалась подвергнуть себя ненужным испытаниям и страданиям во имя того, что по своей природе изменчиво» (77). В этих словах заключён важный момент для понимания ростовского обновленчества. Как видим, определённая его часть, выразителем мнения которой был ростовский обновленец Черняев, не строила иллюзий относительно каких-либо возможностей союзнических отношений Церкви и советской власти, невозможных «по природе» обеих, и воспринимала обновленческое движение как средство приспособления к возникшим условиям советской действительности, в надежде на то, что за некоторые уступки Церковь сможет добиться легального и относительно спокойного положения в государстве.

Сомнения в допустимости и правильности части реформ завладели участниками съезда. Протоиерей Алексей Лебедев также возразил против второбрачия духовенства и упрощения церковного языка, ссылаясь на каноны. Священник Никольской церкви г. Ростова-на-Дону Павел Чехранов сказал о том, что для него в программе обновленчества нет ничего нового, что это всё уже обсуждалось на Всероссийском Поместном Соборе 1917-1918 гг. Что же касается Собора, который предполагался быть созванным в феврале 1923 г. архиепископом Антонином, то священник отметил, что его нельзя признать каноническим (78). На определённом этапе свящ. Павел Чехранов и представители Никольской церкви и миряне Ревутченко и Войтехов покинули съезд. Причина была в расхождении с обновленцами. Так описаны события в воспоминаниях о. Павла

Чехранова: «Речь говорил о. Василий Черняев. Говорил о необходимости реформы. Я возражал, я говорил о несвоевременности реформы. «Когда вся Россия охвачена пожаром, – сказал я, – надо повременить... Успокоится Россия, тогда и будет реформа. Пока с Москвой нет связи и судьба Патриарха неизвестна, не может быть и речи о реформе. Ее желают сейчас разбойники с большой дороги!..» Я предложил осудить попытку реформы, но это мое предложение, как и слова

«разбойники с большой дороги», было принято церковными революционерами за указание пальцем в их сторону. Еще я говорил об обновленцах, что они расправляются с нами, тихоновцами, хотя Советская власть предоставила нам религиозную свободу» (79).

В выступлениях «представителей от мирян» высказывалось сожаление по поводу отсутствия единства среди ростовского духовенства. Кроме того, миряне обвиняли часть духовенства в стремлении к сепаратизму «без всяких обоснований, на почве каких-то личных счётов». В итоге, съезд постановил программу в целом принять, а обсуждение её по пунктам перенести на утреннее заседание следующего дня, и утвердить протокол № 33 собрания Ростовского Епархиального Управления от 7 сентября 1922 г., объявившего Ростовскую епархию автономной, не подчиняющейся обновленческому ВЦУ и «Живой Церкви» (80).

После этого священник А. Трефилев заявил: «Так как съезд принял обновленческую программу, чем отступил от истинного православия, я как истинно-православный сын Церкви, не могу оставаться с неправославными...» (81). После этих слов он покинул заседание, вслед за ним по тем же мотивам удалился мирянин Плюшкин. Члены съезда и, как записано в протоколе, «в особенности миряне», истолковали поступок священника Трефилева как стремление к сепаратизму, «нежелание в духе христианской любви протянуть руку братского примирения», было предложено вынести отцу Трефилеву порицание (82).

На следующий день, 16 ноября, собралось 40 непосредственных участников съезда и значительное число посторонних священников и мирян – съезд, очевидно, вызывал значительный интерес церковного народа. Заседание началось с «внеочередного заявления» священника Алексея Трефилева. Он произнёс речь, выразившую позицию организованного сопротивления обновленчеству на Юге России. В свойственной ему эмоциональной манере с колоритными сравнениями он назвал предшествующий день съезда днём «печали и скорби», который «впишет новую, мрачную страницу в историю многострадального русского народа и его Святой Церкви» (83). В подобном духе он охарактеризовал происшедшее на ростовском съезде: «...иереи Черняевы, протоиереи Чернявские и прочие иереи с остывшими, почерневшими и обуглившимися дарами священства... обрабатывали мнения тёмных, «подъяремных мужичков» (как они сами себя называли), членов съезда. Тлетворный дух, исходивший от живого мертвеца – из

«Живой Церкви», заряжал атмосферу съезда и, очевидно, действовал одуряюще на сознание и тех членов съезда, которые держались раньше истинно православных взглядов» (84). Кроме того Трефильев наделил съезд и другими эпитетами, назвав его «схизматическим», «погребением русской религиозной совести», а членов съезда назвал «теми евангельскими мертвецами, которые погребают своих мертвецов». Он пояснил подобное отношение к съезду. Несмотря на то, что ростовскими обновленцами декларировалось неподчинение ВЦУ и пересмотр программы «Живой Церкви», он не находил их существенного различия с московскими обновленцами и их программой: «...программа ростовских обновленцев, – утверждал он, – есть ни что иное, как простая переделка, подкраска и подчистка (реставрация) одной из программ гнусных московских блудниц «Живой Церкви», «Возрождённой Церкви» и проч., и принял её в основу своей духовной жизни, соблазнив ею и простецов, "подъяремных мужичков"» (85). Решения съезда он назвал свидетельством очевидного отпадения от истинного Православия большинства его членов, и заявлял о принципиальной невозможности дальнейшего пребывания на съезде членов религиозного союза «ЕССАЦ».

Он заявил об отказе от подчинения новоизбранному Епархиальному Комитету от имени «блока четырёх церквей» г. Ростова-на-Дону – Александро-Невской, Николаевской, Всехсвятской и Казанской – из которых первые две были зарегистрированы Донским исполкомом как автономные приходы. Трефильев объявил о том, что блок автономных церквей с примкнувшими к ним приходами «поступает, согласно соборно-каноническим определениям, в юрисдикцию преосвященного Митрофана, епископа Аксайского (86)». Избрание правящего архиерея объяснялось нежеланием общаться с еретиками – именно так рассматривались Трефильевым и его сторонниками обновленцы. Епископ Митрофан был назван «единственным оставшимся православным епископом на Юге России, который первый разгадал еретический дух ростовских обновленцев, и ввиду ясно выраженного им нежелания быть в оболщении, с еретиками, современными распинателями Христа, сложил с себя обязанности по управлению Ростовской епархией (87) и уехал в Новочеркасск» (88).

После оглашения заявления, священник Трефильев покинул заседание съезда.

Реакция оставшихся членов собрания была такова. Протоиерей В. Чернявский высказал сожаление по поводу выступления о. Алексея, по его мнению, тот напрасно волновал верующих и вносил напрасный раскол. Он предложил широко оповестить верующий народ – разослать программу обновленческого движения по церквям епархии. Предложение было принято. Священник В. Черняев по поводу выступления Трефильева высказал такую позицию: «Священник Трефильев вносит смуту в Церковь. Все были и есть православные, а указания о. Трефильева на отпадение от православия, не имеют под собою никакой почвы» (89).

Депутаты Ф.Ф. Загнойко и священник И. Наговский предложили вынести священнику Трефилеву порицание, а протоиерей А. Лебедев предложил высказать Трефилеву сожаление, подчеркнув тем «братское миролюбие съезда». Последнее и было принято съездом (90).

Но не только в заявлении Трефилева был выражен оппозиционный настрой по отношению к ростовскому съезду и обновленчеству в целом. Протоиерей Ростовского Кафедрального собора Алексей Лебедев зачитал письмо с достаточно резкой критикой в их адрес протодиакона того же храма Дмитрия Новочадова. В письме Новочадов разъяснял приходскому совету храма причины его отказа от приглашения в клир собора. Он отметил несколько причин своего решения. Он заявил, что прежде всего, не может оставаться в каноническом единстве с настоятелем собора прот. Алексеем Лебедевым, который «сам себя изверг из сана», уклонился от православия, «и, занимая положение первого пастыря в епархии, соблазнил многих, если не всех». За это, по мнению Новочадова, он, а также все, имеющие каноническое общение с ним непременно понесут ответственность «по правилам Св[ятых] Апостолов и Св[ятых] Вселенских Соборов». Служение в соборе означало бы также признание епископа Феофилакта, управление которого Ростовской епархией Новочадов считал самочинным вследствие существования «настоящего Епископа Ростовского», отсутствия «благословения высшего Иерарха православной церкви, хотя бы Митрополита». Церковная власть епископа опирались лишь на полномочиях, сообщённых ему священниками епархии, принявшими обновленчество, для которых епископская власть, по мнению Новочадова, служит лишь временным прикрытием истинных целей. Принятие обновленчества клириками расценивалось Новочадовым как «самоизвержение» вследствие чего они перестали быть пастырями церкви и подлежали церковному суду. Излагая свои комментарии и характеристики, Новочадов ссылался на мнения неких православных епископов, имена которых не уточнял. В подтверждение своих слов он сослался также на авторитет протоиерея о. Иоанна Домовского, «всеми уважаемого пастыря», которого предлагал пригласить в качестве судьи, чтобы выяснить истину, которая из сторон права – Новочадов или же обновленцы в лице прот. Лебедева и епископа Феофилакта. В заключение, Новочадов назвал обновленцев «слепыми вождями, которые приведут себя и своих последователей в яму» (91).

Вслушав письмо, съезд единогласно высказал порицание Новочадову. Возможно, что неприятие обновленчества значительной частью церковного сообщества, в том числе его авторитетными представителями, было причиной того, что съезд пошел по пути дальнейшего смягчения своей программы: он полностью отверг вопросы о второбрачии духовенства и упрощении богослужебного языка – самые скандальные вопросы обновленческой реформы. Правка касалась и состава Ростовского Епархиального Управления и его отделений на местах. Право при-

нимать решения по разводам было предоставлено, всё же, не священнику, а Епархиальному Управлению с утверждения епископа. В такой редакции программа была принята единогласно, вступительная часть гласила: «Программа неотложных реформ в церковно-общественной жизни Единой святой Соборной Православной Русской церкви и автономной Ростовской Епархии, принятая на Епархиальном собрании духовенства и мирян Ростовской епархии 2/15 и 3/16 ноября, 1922 г.» (92).

Был оглашён акт избрания епископа Феофилакта на временное управление епархией, который сразу же подписали все депутаты съезда (93). Тем не менее, съезд счёл, что епископ Арсений, осуждённый гражданской властью, канонически не утратил права на Ростовскую кафедру, а потому решил избрать делегацию в составе протоиерея А. Юшкова и мирян В.И. Копышкина и Дерезко, которой поручалось с разрешения гражданской власти вновь посетить заключённого еп. Арсения и испросить его благословения на временное управление Ростовской епархией епископа Феофилакта (94).

Затем приступили к выборам Епархиального Управления, предвзвительно выразив члену временного Управления священнику Андрею Сокольскому благодарность за его заботы об освобождении из заключения священнослужителей и мирян (95).

Избранными в новое Епархиальное Управление оказались: товарищ председателя – протоиерей Евгений Матвеевский, член Управления – священник Василий Черняев, кандидатами к ним – протоиереи Василий Чернявский, Василий Хандалеев, протоиерей Алексей Лебедев; от клириков – диакон Дмитрий Ювченко, кандидатом – диакон Иоанн Хруцкий; от мирян

– Василий Иванович Копышкин, Симеон Дмитриевич Дизертинский, Николай Данилович Семенов и кандидатом Григорий Иванович Светашев.

Съезд попытался найти способы примирения с оппозиционно настроенной частью духовенства и мирян. Было решено пригласить представителей Никольской Церкви священника Павла Чехранова и мирян Ревутченко и Войтехова, ранее присутствовавших на съезде, но в связи с расхождением во взглядах на определённом этапе удалившихся, чтобы выслушать программу в окончательной редакции. Приглашенные явились на последнее заседание съезда 16 ноября, которое опять прошло при большом стечении интересующегося народа – духовенства и мирян (96).

Заседание открылось докладом комиссии по устройению приходской жизни, с которым выступил протоиерей Юшков. Докладчик отметил снижение активности мирян и их участия в приходской жизни: «Большинство прихожан совершенно не принимает участия в жизни своего прихода: участие их в этом отношении выражается лишь в том, что они несколько раз в году появляются в храме на Богослужении, в редких случаях приглашают к себе в дом священника для совершения той или иной тре-

бы...» (97). Комиссия считала необходимым более тесное единение прихожан именно со своим приходом. Докладчик отметил «охлаждение религиозности среди многих православных, а среди некоторых и полную утрату веры», эти факторы были названы «естественными причинами... утраты интереса к делам церковно-приходской жизни» (98). Причинами упадка приходской жизни были названы: тяжёлые экономические условия жизни, которые побуждали многих всё свое внимание обращать на добывание средств к существованию, и – важнейшая из всех – приходы не строили свою жизнь на основаниях, заложенных Поместным Собором 1917-1918 гг. Роль Поместного Собора в устройении церковно-приходской жизни тем же оратором была оценена очень высоко: «В постановлениях этих собрано все существенное из канонических правил Вселенской Церкви и применено к условиям жизни православно-русской Церкви, так что они представляют собой выражение церковного сознания православно-русского народа» (99). Однако, Деяния Поместного Собора, по мысли Юшкова, так и не были воплощены в жизнь – начавшаяся Гражданская война не дала возможности приходам на местах даже познакомиться с ними. Чтобы упорядочить приходскую жизнь в докладе признавалось необходимым приступить к исполнению постановлений Поместного Собора, но после необходимого пересмотра этих решений в связи с изменившимися условиями существования Церкви в государстве – одни из них нужно было дополнить или частично изменить, а некоторые и отменить. Было выдвинуто обоснование корректировки постановлений Собора: «Церковь оказалась отделена от государства и должна в практической своей жизни сообразоваться с новыми государственными законами и требованиями» (100). Оратор подчеркнул, что изменения должны быть проведены незамедлительно: «Нужно, не медля, делать что-нибудь, чтобы сохранить единство и нерушимость основ нашей церковной жизни, а не раздробиться на множество отдельных церковных образований, не связанных между собою, а тем ещё более враждующих друг с другом. И все мероприятия, предположенные нами должны иметь значение лишь временных, действующих лишь до Поместного Собора. Это мы должны твердо помнить и не смущаться, если кто-либо позволит указать нам, что мы берем на себя задачу большую, чем нам дано прав» (101). В основание устройства приходской жизни были положены три принципа: территориальность, обязательная регистрация прихожан и выборность. Что касается территориальности, то по утверждению комиссии «каждый прихожанин должен считать себя нравственно связанным с определённым храмом и группой верующих, территориально объединённых этим храмом» (102), не поощрялось посещение других храмов или обращение за требами к священникам из других приходов. Признавалась необходимость регистрации каждого верующего на определённом приходе. По словам представителя комиссии, это необходимо было сделать потому, что «только тогда возможно объединение прихожан и их дружное делание на общую поль-

зу», а также по причине общей ответственности всех прихожан за церковное имущество. Далее было дано другое обоснование необходимости новых правил, которое, по моему мнению, представляется более соответствующим реальности. Комиссия полагала, что только в случае их реализации будет «невозможно такое ненормальное явление в церковной жизни, как образование экстерриториальных общин, которые своим вмешательством в церковную жизнь приходов производят только смуты и разлады среди прихожан» (103). Не зарегистрированные и не внесённые в приходскую книгу прихожане не должны были пользоваться избирательными правами (104). В докладе комиссии по устройению приходской жизни также утверждалось, что объединению верующих в приходе поспособит и выборность всех должностей священноцерковнослужителей и других служенных лиц. Было замечено, что на практике проведение выборного начала «часто сопровождалось печальными и нежелательными в церковной жизни раздорами и недоразумениями», которые комиссия выражала надежду преодолеть (105).

Итак, реальностью донской церковной жизни того исторического момента являлась острая проблема разделений между приходами и даже внутри приходских общин, спровоцированных незаконным пребыванием у руля Церкви обновленцев, да и в их стане не было единодушия. Цель инициированных преобразований приходской жизни довольно прозрачна – обновленцам необходимо было подавить сопротивление, вытолкнуть всех своих противников за границы легальности, и сделать это под благовидным и вполне оправданным предлогом адаптации постановлений Поместного Собора к реалиям советской действительности. Характерной для советского обновленчества критики определений и постановлений Поместного Собора не последовало.

Комиссия предложила свои поправки к Определению о православном приходе Поместного Собора 1817-1918 гг. или иначе к Приходскому Уставу, которые стояли на пути децентрализации Церкви, ограничения архиерейской власти и усиления коллегиальности на низовых уровнях – Епархиального Управления, приходов. Приведу некоторые из них. Исключался пункт 6, по которому в случае перехода общины в другое исповедание епархиальная власть передавала храм и его имущество другой общине (это положение, очевидно, мешало при переводе общин в обновленчество). Пункт 15 об избрании и назначении епархиальным архиереем священноцерковнослужителей, был изменён в сторону ограничения архиерейской власти в решении подобных вопросов. Архиерею оставлялось право «канонического одобрения» кандидатов, право же избрания кандидатов на определенные места принадлежало приходским собраниям, а назначения – епископу совместно с Епархиальным Управлением. В исключительных случаях Епархиальное Управление могло не утвердить представленного кандидата (106). Были внесены изменения в главу V «об управлении приходскими делами» в п. 27 – Епархиальное Управление

становилось управляющим приходскими делами вместо епархиального архиерея. Особо важные решения приходских собраний по хозяйственным вопросам относились на его же утверждение (107). Архиерей не мог проводить и ревизию приходского совета, которая относится теперь к компетенции Епархиального Управления (108). Из текста изглаждались также упоминания об институте благочинного, они заменялись словами «Уполномоченный от Епархиального Управления» или «Епархиальное Управление». Исключались и пункты об организации духовного образования и просвещения на приходах, о финансовой деятельности прихода, а также главы с VIII по XIII: «О приходских учреждениях», «Просвещение населения», «О храмовом и приходском имуществе», «О соборных храмах», «О кладбищенских храмах и кладбищах», «О союзах приходов» (109).

В резолюции съезда по докладу комиссии по устройению приходской жизни вновь говорилось о «непорядках в некоторых приходах г. Ростова», выразившихся в организации самостоятельных общин при храмах города. Покончить с ними предполагалось на основе ряда принципов, главные из которых были таковы: 1) до созыва Поместного Российского Собора приходы Ростовской Епархии должны руководствоваться Приходским Уставом, измененным на съезде, как было заявлено, «в соответствии с Гражданским Советским законодательством» (110); 2) в основу приходской жизни положены принципы «территориальности прихода добровольной регистрации верующих с принятием на себя обязанностей вытекающих из договора с Советским Правительством на пользование храмовым имуществом и выборность на все приходские должности»; 3) решено, не препятствуя образованию параллельных религиозных общин на приходе, считать их действующими вне приходских организаций (111).

Затем протоиерей Василий Хандалеев сделал доклад комиссии по составлению наказа Епархиальному Управлению. Было рассмотрено определение Поместного Собора о Епархиальном Управлении и предложены поправки, как утверждалось, временного характера. Ростовская епархия обновленцев объявлялась автономной. Первый отдел о Священном Синоде и Высшем Церковном Совете был исключён полностью. Высшей инстанцией, заменяющей эти учреждения, признавалось епархиальное собрание, возглавляемое епископом (112). Определение Поместного Собора об архиерейском управлении гласило: «Епархиальный архиерей, по преемству власти от святых апостолов, есть предстоятель местной Церкви, управляющий епархией при соборном содействии клира и мирян» (113). Ещё на Соборе это положение вызвало серьёзные споры: одни участники стремились сделать акцент в сторону усиления власти архиерея, другие ратовали за расширение прав мирян в решении епархиальных дел (114). Ростовский съезд развил вторую тенденцию: слова «при соборном содействии клира и мирян» заменялись – «соборне с представителями клира и мирян» (115). Вопросы об избрании архи-

ерея, требований к кандидатам и порядке суда над архиереями относились на рассмотрение нового Всероссийского Поместного Собора. Собор же 1917-1918 гг. определял, что кандидат в архиереи может избираться в возрасте не моложе 35 лет «из монашествующих или не обязанных браком лиц белого духовенства и мирян, при чём для тех и других обязательно облечение в рясофор, если они не принимают пострига в монашество» (116).

В управлении Ростовская епархия разделялась на три округа: Ростовский, Таганрогский и Азовский. В Ростовский округ вошли все церкви г.г. Ростова и Нахичевани-на-Дону, сёл – Батайска, Койсуга, Самарского, НовоНиколаевки, Ново-Троицкого (Антоновки) и Ново-Батайска. В Таганрогский округ вошли все церкви г. Таганрога и бывшего благочиния 3-го округа Ростовского уезда. В Азовский округ вошли все церкви бывших 1-го и 2-го округов Ростовского уезда, за исключением вышеперечисленных церквей. Определялось управление каждого округа отделением Епархиального Управления (117).

Дополним картину событий съезда воспоминаниями свящ. Павла Чехранова: «По близи меня сидел Гавриленко, заведующий отделом борьбы с религией, и его помощник Н.Я. Манис, который через год застрелился, о чем пропечатано было в газете «Молот». Но об этом я прочитал, уже находясь в Соловках, из номера, что прислала мне жена, вложив в посылку.

Съезд окончился «многолетием» о. Алексею Трифильеву, мне и самому съезду. Епископ Феофилакт был избран епископом Ростовским. Стало похоже, епархия успокоилась» (118).

Итак, на ростовском епархиальном съезде духовенства и мирян так и не состоялось объявленного советской пропагандой в прессе осуждения решений Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 гг., в частности, восстановления Патриаршества. Съезд не провозгласил почти ничего принципиально нового, не указали таких вопросов церковной жизни, которых Церковь не касалась в период проведения Собора: от улучшения церковноприходской жизни, воспитания подлинной духовности в мирянах и борьбы с обрядоверием до организации церковного управления. Ещё Поместный Собор в основу внутренних отношений положил выборность священников и епископов, расширил возможности участия мирян в церковном управлении, в том числе более деятельного участия женщин в делах прихода. Новым было лишь практическое и идеологическое подчинение власти большевиков, признание её права на внедрение нововведений в церковной жизни и

«правоты социального идеала русской революции». Ростовские обновленцы сделали лишь робкий шаг в сторону децентрализации церковного управления, ограничения архиерейской власти. В окончательной программе ростовских обновленцев обойдён молчанием вопрос о патриаршестве, а фактическое признание архиерейского возглавления

епархии, хотя и значительно ограниченного епархиальным управлением, вряд ли в данный момент могло устроить организаторов раскола, рассчитывающих перестроить Церковь «в соответствии с идеалами революции», подразумевая её децентрализацию. Как мы имели возможность убедиться из пропагандистских публикаций, епископское управление виделось нарушением этих принципов. О женатом епископате и введении русского языка в богослужение в окончательной редакции документов съезда не было сказано ни слова. Наконец, самые радикальные обновленческие реформы – введение второбрачия для духовенства и переход на новый стиль были оставлены на решение Собора, ясно выраженная поддержка этим нововведениям так и не прозвучала. В дальнейшем им так и не суждено было прижиться. Вторую половину 1923 г. на приходских собраниях Ростовской епархии остро обсуждалось требование епархиального начальства повсеместно ввести новый стиль в основу богослужебного годовичного круга, имеющее постоянную тенденцию смягчаться на местах какими-либо уступками и исключениями, например, празднованием лишь части праздников по новому стилю или празднованием по двум стилям. Наконец, под давлением прихожан было решено оставить богослужение Православной Церкви по старому стилю. Более того, верующие обратились в адрес епархиального управления с просьбой ходатайствовать перед гражданской властью о переносе дней отдыха на православные праздники по старому стилю (119).

Обновленцы осторожничали, чтобы не вызвать возмущения в среде уже негативно настроенных к ним духовенства и мирян. С другой стороны они испытывали давление власти, стремящейся провести необходимые ей решения.

Таким образом, канонические нововведения на Дону, которые проводились под давлением ОГПУ, так и не были приняты. Умеренное обновленчество Дона оставалось пока в целом в рамках церковных традиций. Ростовский съезд продемонстрировал, что реформационные идеи обновленчества были навязаны извне, они не могли быть приняты как нечто естественное для церковного организма. Донское обновленчество не оправдало надежд его советских организаторов на радикализм движения. Оно скорее напоминало движение 1917 г., получившее название «церковная революция». Часть примкнувших к обновленческому движению видела в нём возможность приспособиться к новым условиям, достичь какого-то соглашения с властью путём уступок, однако, суть ростовской группы и одновременно основной её порок, заключались в одном ключевом слове – «власть». Как и центральная группа, обновленцы в Донской области устранили от управления Церковью каноническое церковное управление – сторонников патриарха Тихона, и утвердили во главе церковной организации своё руководство, полностью приспособленное под цели и задачи большевиков.

Движение сопротивления обновленчеству. Первый период.

Значительная часть рядового духовенства и ещё более значительная часть верующих прекрасно понимали кто такие обновленцы, что это «троянский конь» советской власти. Часто верующие в сложившихся условиях брали на себя функции контроля убеждений и действий своих пастырей, не допуская в храмы обновленцев. Так, арестованный впоследствии за сопротивление обновленцам священник Троицкой церкви г. Новочеркаска Иван Артемьев рассказывал на допросе в ДОГПУ, что прихожане храма потребовали от него открытого и ясного свидетельства его отношения к обновленчеству, предупредив, что сторонника обновленцев они не примут, в этом случае он не сможет быть их пастырем. На проповеди в храме о. Иоанн разъяснил прихожанам то, в чём он расходился с обновленцами. Во-первых, он указал на то, что «церковные реформы обрядового характера могут производиться только по постановлению законного Поместного Собора, а догматические вопросы – по постановлению Вселенского Собора. «Живая» же церковь сделала произвольные реформы до Собора, о чём и напечатала в своём журнале...» (120). Во-вторых, он отметил раскол в самом движении, выход из «Живой Церкви» части её членов, появление новых обновленческих групп – «Церковное обновление», «Союз Древлеапостольской церкви» (СОДАЦ), «Свободная трудовая церковь». «В виду неустойчивости всех этих групп в своём учении, – заключил он, – взаимные споры и пререкания между ними, даже во время самого богослужения, оформленное их разделение, мы не можем им следовать, а будем оставаться в том нашем православном положении и учении, в котором находились до сего времени... После этого разъяснения прихожане успокоились» (121). Под упомянутым Артемьевым журналом подразумевался журнал «Живая Церковь», который начал выходить с 12 мая 1922 г. и имел цель подготовить общественное мнение к церковному перевороту, смысл которого заключался в замене патриаршества коллегиальным органом церковного управления (122).

В основе критики Артемьева был не антисоветский мотив, не осуждение признания обновленцами советской власти, – с этим он соглашался, а осуждение их с позиций канонических и догматических. Он считал, что обновленчество «стало на незаконный путь церковных реформ без созыва Всероссийского Поместного Собора». В программе группы «Живая Церковь» он усматривал ещё большую опасность – попытку пересмотра догматических вопросов. В частности, он отмечал ряд канонических и догматических нарушений – постановлений IV Вселенского Собора о природе Господа Иисуса Христа, правил VI Вселенского Собора, исключение из лика святых лиц княжеского рода, допущение женщин к священнослужению. Всё это вызывало резкое неприятие у Артемьева, и, по его словам, он нередко говорил об этом в проповедях «ради сохранения чистоты православной веры» (123).

В среде противников обновленцев присутствовали и другие мотивы их непризнания. Священноначалие акцентировало внимание на неза-

конности захвата власти, на том, что обновленцы пришли к власти в результате церковного переворота.

20 мая 1922 г. в ДОГПУ допросили правящего архиерея Донской епархии митрополита Митрофана (Симашкевича). Он выразил своё негативное отношение к обновленцам и отметил незаконный захват ими власти:

«На существующий переворот в церкви как то организация в Ростове Исполнительного комитета по делам церкви... епископ Арсений не дал своего благословения, то я считаю комитет противоканоническим и незаконным. Епископ устанавливает порядок в епархии, и поэтому епархиальное собрание, выбравшее Исполнительный комитет... без благословения епископа, считается незаконным» (124). Видимо, на митрополита оказывалось давление Донским ГПУ с целью вынудить его дать благословение на деятельность обновленческой организации, и на следующий день 21 мая 1922 г. допрос продолжился. Но Владыка Митрофан был непреклонен, он снова сказал о незаконности новых органов епархиальной власти и заключил: «Дать благословение образовавшемуся комитету не могу, т.к. он не Донской, а Ростовский... Если говорить о реорганизации Церкви, то несомненно нашлись пункты, которые надо отменить, но собравшимся об этом толковать нет смысла... Воззвание, которое я получил, читали свящ. Чернявский Василий, Пётр Шапошников... Чернявский никакого значения не имеет, кроме как священник Михайловской Церкви» (125). Православное духовенство епархии в свою очередь стремилось это давление нейтрализовать. Один из борцов с обновленчеством священник Крестовой церкви Новочеркаска Алексей Шишкин 19 и 20 июля был у митрополита и доказывал ему, что новый порядок не должен быть принят. Он говорил, что митрополит не имеет права признавать обновленческое бюро, а если признает ВЦУ, то будет еретиком (126).

Также отказались благословлять обновленцев епископы Ростовский и Таганрогский Арсений (Смоленец), находящийся под стражей, и Аксайский Митрофан (Гринёв). Последний 7 июня 1922 г. был вызван из г. Новочеркаска на допрос в ДОГПУ, и задержан в Ростове-на-Дону под подписку о невыезде из города (127).

Вскоре в органы ДОГПУ поступила докладная сотрудников, у которых в разработке находился уважаемый старец священник Александро-Невской церкви г. Нахичевани-на-Дону о. Иоанн Домовский. Сообщалось, что в квартиру к о. Иоанну постоянно приходит появившийся в Ростове монах «тип аскета, в серой ряске, синей камилавке из шелковой материи, седоват,... опирается на простую палку, на шею носит цепь из деревянных крестиков, скреплённых проволокой... В левой руке носит чётки с чёрной кисточкой на конце... Установлено, что с 1916 г. он был архиереем в Новочеркасске, ... называется он епископ Митрофан... Наблюдение продолжается» (128). Видимо, силы основных борцов с обновленчеством консолидировались, чтобы воплотиться в организованные формы сопро-

тивления.

После появления упомянутого выше послания митрополита Агафангела (Преображенского), предлагавшего епархиям перейти на самостоятельное управление, противниками обновленцев по всей стране стали оформляться «автокефалии». Одной из самых крупных, к примеру, была возникшая в конце июля «Петроградская автокефалия», объединявшая членов причта 30 храмов города (129). Подобная форма сопротивления месяцем ранее Петроградской была реализована использовалась в Ростовской епархии. Ростовские священники Иоанн Жежеленко, Алексей Трефильев и протодиакон Димитрий Новочадов направили в ВЦУ отношение, в котором отметили свою позицию непризнания обновленческого управления как не имеющего канонической преемственности. Возмущение священников вызвал поступивший в их адрес приказ уполномоченного по Ростовской епархии отправиться в Москву в качестве подозреваемых в «церковно-государственном» (!) преступлении для объяснений с ВЦУ. В ответ они заявили, что на основании декрета «Об отделении церкви от государства» отделяются в особую свободную православную общину (130). Николаевский приход Ростова подал заявление в Донской исполнительный комитет на регистрацию общины с названием «Православная древне-отеческая Церковь», и просил легализовать её на тех же юридических основаниях, на которых зарегистрированы баптистские, старообрядческие и др. общины (131). Таким образом, стремясь сохранить свою веру неповреждённой, организаторы сопротивления нашли выход из сложившейся ситуации: пренебрегли формой ради содержания. Действительно, образ легализации Церкви, её репрезентации вовне не имеет никакого отношения к её внутренней стороне.

О непризнании распоряжений ВЦУ и ростовских обновленцев особо эмоционально высказывался священник Алексей Трефильев. В присущей ему едкой манере он писал в Исполком Ростовской обновленческой епархии:

«Будучи осведомлён... о том, что два Восточных православных Патриарха, а именно Александрийский и Антиохийский, уже признали так называемую

«Живую Церковь» движением еретическим, сим заявляю: ...все распоряжения, исходящие не только от самозванного Ростовского дух-исполкома, основанного отбросами Ростовского духовенства, не признаю для себя обязательным, но даже и того ВЦУ, которое... санкционировало то гнусное безобразие, которое именуется Ростовским дух-исполкомом. По чисто христианской совести ещё раз должен повторить, что указы и приказы ВЦУ в Москве для меня имеют такую же силу обязательности, как и приказы, и указы магометанского муфтия в Уфе» (132). Подобные мысли он изложил и в письме от 29 августа 1922 г. в Донское областное политическое управление (133), в котором писал: «Я как гражданин РСФСР, стоя на строго-юридической почве декрета об

отделении церкви от государства... не милости прошу (134) («всеу законы писаны, коли их не исполнять»), а требую, постоянно взывая к неизблемым принципам пролетарской справедливости, предоставить мне право: 1. Широко оповещать... население Юго-Востока России об имеющем состояться в г. Ростове-на-Дону съезде представителей клира и мирян, сочувствующих движению «Православная древне-отеческая церковь», долженствующем в деталях выработать программу этого движения и конструировать его органы правления. 2. Разрешить напечатать в местных газетах или на особых листовках воззвание-декларацию этого съезда... 3. Разрешить издание журнала «Религия и Культура» (орган религиозно-философской мысли)...» (135).

Лидеры сопротивления обновленцам на Дону планировали подчинить свою свободную общину Вселенскому Константинопольскому патриарху, о чём даже просили патриарха Милетия через священника греческой ростовской общины Парисиса (136). Были приняты изменения и в богослужебных текстах. На Великом входе решено поминать имя «Великого господина и отца нашего святейшего Милетия, патриарха Царяграда и всея Вселенной», а потом имя «Великого господина и отца нашего святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России», и наконец, имя «господина нашего преосвященнейшего Арсения, Епископа Ростовского и Таганрогского» (137). Но вместе с тем было решено поминать и «Боголюбивую страну Российскую и властей в ней предержавших» (138), что свидетельствует об отсутствии политических мотивов в противодействии данной группы обновленцам, оно носило чисто внутрицерковный характер.

24 июля 1922 г. миряне г. Новочеркаска подали в Исполнительное бюро по управлению Донской епархией ходатайство о возвращении епископа Митрофана из Ростова-на-Дону в Новочеркасск. Списки содержат около 800 подписей (139). Как представляется, требование верующих возымело успех, и на некоторое время (ок. полугода) епископ был возвращён в Новочеркасск.

Временно поставленный на место еп. Арсения епископ Модест, вскоре сам отказался от управления епархией по неясным причинам (140), вероятнее всего из-за широко распространившегося в церковной среде неприятия обновленцев. 7 сентября состоялось собрание Ростовского-на-Дону Епархиального Управления, которое постановило приостановить поминание еп. Модеста, а ноябрьский ростовский съезд духовенства и мирян избрал для временного управления еп. Феофилакта (Клементьева) (141). Съезд счёл, что епископ Арсений, осуждённый гражданской властью, канонически не утратил права на Ростовскую кафедру и сформировал делегацию, которой поручалось вновь посетить преосвященного Арсения и испросить его благословения на временное управление епископа Феофилакта. По всей видимости, эта встреча состоялась. В Исправдоме епископа часто навещал борец с обновленчеством про-

тодиакон Кафедрального Собора Дмитрий Новочадов. Он поинтересовался у Владыки, дано ли благословение епископу Феофилакту, и направил даже ему письменный запрос, на котором еп. Арсений оставил свою резолюцию: «Благословения не дам до получения протоколов съезда ростовской епархии» (142).

23 июня в газете «Трудовой Дон» сообщалось о якобы состоявшемся признании митрополитом Митрофаном (Симашкевичем) Временного Исполнительного Комитета по делам церкви и подписании указа о передаче ему всей церковной власти. Газета писала о благожелательном отношении митрополита к Комитету и даже о его согласии временно, до выборов нового архиерея, совершать рукоположения в священники по Ростовской епархии (143). Однако, это не соответствовало действительности. Развернувшаяся в поддержку обновленцев пропагандистская кампания в прессе неоднократно искажала события и фальсифицировала факты. Донской и Новочеркасский митрополит после значительных колебаний всё же отказался от управления епархией и передал его епископу Аксайскому Митрофану (Гринёву), а сам ушел на покой. Архиепископа Мельхиседека, присланного «Живой Церковью» на его место и место его викария епископа Аксайского Митрофана (Гринёва), он не признал (144). Об этом неоднократно свидетельствовали и арестованные за сопротивление обновленчеству священники Иван Артемьев и Владимир Волагурин (145). Так, священник В. Волагурин говорил на допросе: «Мелхиседек не может быть правящим, потому что митрополит отказался не в его пользу, а в пользу епископа Митрофана» (146). Артемьев также свидетельствовал об архиепископе как о неканоническом, «которого и Донской митрополит Митрофан таковым не признал и поручил управление Донской епархией своему викарию Аксайскому еп. Митрофану» (147).

1 сентября в Ростове-на-Дону было получено циркулярное распоряжение ВЦУ за № 821, составленное на основании решения ВЦУ от 22 августа 1922 г. о прекращении всеми епархиальными управлениями вознесения за богослужением имени патриарха Тихона. Неисполнение расценивалось как знак явной политической контрреволюционности, политической демонстрации. Священники, не подчинившиеся приказу, Донским епархиальным управлением увольнялись со своих мест (148). По епархии распространялись случаи неповиновения указам обновленцев. В ответ архиеп. Мелхиседек начал переводы священнослужителей на удалённые от центра епархии места. Протоиерея Новочеркасского Кафедрального собора Симеона Троицкого он распорядился перевести к Крестовоздвиженской церкви станицы Н.Кундрюченской за явное неподчинение «Высшей духовной власти и её распоряжениям» (149). Но угрозы не смутили лидеров сопротивления. Они, как и представители донского духовенства в 1920-21 гг., стали апеллировать к советскому законодательству, опираясь на декрет «Об отделении церкви от

государства» как на основании прав Церкви. Священник А. Трефилов написал письмо в Донской исполнительный комитет, в котором просил разъяснить причины запрета поминовения патр. Тихона и еп. Арсения на богослужении, т.к. считал это поминовение возможным и не противоречащим существующему законодательству: во-первых, на основании декрета «Об отделении церкви от государства», во-вторых, потому, что над патриархом Тихоном не было канонически правильного церковного суда, в-третьих, что касается еп. Арсения, то он был судим не церковной, а гражданской властью, и посему не лишён своих епископских полномочий (150). Подобный запрос в Донисполком послал и протоиерей Дмитрий Новочадов. Позже, на допросе в ГПУ он пояснил своё несогласие с указанным постановлением гражданской власти: «Думаю, что декрет об отделении Церкви от государства даёт полную свободу священнослужителям поминать кого угодно» (151).

В начале сентября 1922 г. в Никольской церкви г. Ростова-на-Дону состоялось собрание, на котором организационно оформилось одно из направлений движения сопротивления обновленцам. Собрание было разрешено ДОГПУ. Ожидалось, что придёт 20 человек инициативной группы. Однако, поскольку в числе инициаторов собрания был глубоко чтимый в народе старец о. Иоанн Домовский, который присутствовал в храме в конце поздней обедни, то храм стал быстро наполняться народом так, что собралось порядка 2 тыс. человек. Священнику Алексею Трефилову пришлось даже выйти на амвон и просить народ разойтись, поскольку слишком многолюдное собрание могло отрицательно сказаться на организации и, в конце концов, только помешать делу. После этого большинство присутствовавших ушло, оставшиеся категорически отказались покинуть храм, заявив, что хотят быть в числе инициаторов (152). Был принят учредительный акт об организации религиозного союза под названием «Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь» или сокращённо «ЕССАЦ» (153). Акт, по свидетельству о. А.Трефилова, подписали 700 человек инициативной группы. Союз по его словам представлял собою народное движение, целью которого провозглашалось противостояние «схизматикам, прежде всего обновленцам

«Живой Церкви» (154), организация «планомерной и беспощадной борьбы с... влиянием Москвы» (155), «дошедшей в своих религиозных блужданиях до создания таких уродливых явлений, как «Живая Церковь», «Возрождённая Церковь» и проч.» (156). В самом акте говорилось: «Причины, побудившие нас, ниже подписавшихся, объединиться в союз, заключаются в нашем стремлении сохранить чистоту нашей православной веры и Церкви, ибо в настоящее время то движение, которое именуется «Живая Церковь» и претендует на главенство в нашей религиозной жизни, в действительности является схизматическим в виду отсутствия иерархической преемственности» (157). Собрание проходило при большом религиозном подъёме (158). Было избрано правление

союза. Административный орган получил название «Главное Управление по делам Православной Церкви ЮгоВостока России» (159). Председателем союза «ЕССАЦ» был избран протоиерей Иоанн Жежеленко, секретарём – священник Алексей Трефилов. Одним из активистов был священник Григорий Ковалевский.

Союз был основан объединением четырёх приходов г. Ростова-на-Дону – Александро-Невской, Никольской, Всехсвятской и Казанской церквей (160). Первые два названные прихода немногим ранее были зарегистрированы советской властью как автономные (161). В Донесении осведомителя ГПУ сообщалось, что регистрация первой автономной общины – общины Александро-Невского собора было детищем еп. Митрофана (Гринёва), находившегося в Ростове-на-Дону под подпиской о невыезде. Организация подобной общины была задумана и в Александро-Невском соборе Нахичевани-на-Дону (162). Возможно, этим и объясняются упомянутые выше частые встречи и беседы епископа с ключарём собора – отцом Иоанном Домовским. Но союз в целом не получил юридической регистрации и не мог работать легально (163). Протоколы собрания, которые предполагалось сдать в Донисполком для регистрации союза и его управления, потребовало ДОГПУ якобы для предварительного ознакомления, откуда они уже не возвратились. Верующие тщетно просили вернуть протоколы учредительного собрания. Отец А.Трефилов имел даже по этому поводу встречу с начальником ДОГПУ А. А. Емельяновым, который, по словам о. Алексея, «с улыбкой говорил: «пусть полечат» (164).

ДОГПУ продолжало действовать в направлении раскола Церкви, и в этой связи оно стремилось использовать появившиеся автономные группы в своих целях, для дальнейшего дробления патриаршей Церкви и обострения её внутренних противоречий. Когда в Ростове распространилось известие о развале «Живой Церкви», А.А. Емельянов вызвал Трефилова и предложил поехать в Москву, чтобы установить контакт с епископом Антонином. Тот наотрез отказался, мотивируя тем, что это может «запачкать белоснежные ризы «Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви». Тогда Емельянов предложил получить легализацию союза прямо из центра. Собрание союза вновь высказалось против, пояснив свою позицию нежеланием допускать нарушение юридических норм: «принцип РСФСР – "власть на местах" не должен нарушаться». 28 октября скончался председатель союза «ЕССАЦ» прот. Иоанн Жежеленко (165). Возникла необходимость нового собрания членов союза, однако Донское ГПУ продолжало чинить препятствия деятельности группы. Емельянов потребовал от Трефилова в трёхдневный срок представить поручительство в его политической благонадёжности пяти коммунистов – ответственных работников. Трефилов писал по этому поводу: «Задача была трудная, почти неисполнимая, ибо, по очень понятным причинам, я не искал друзей в среде коммунистов. Тем не менее, Божественное провидение

помогло мне и в этом случае... Я обратился к своему приятелю, еврейскому раввину Гольденбергу, и просил его помочь моему горю. Мне казалось, что поручительство евреев-коммунистов в абсолютной политической благонадёжности православного священника будет иметь особое значение для ДОГПУ. И я не ошибся в своих расчетах. Мало того, я был очень счастлив, когда узнал от уважаемого раввина Гольденберга, что на его клич дать аттестацию в политической благонадёжности священнику Трефильеву, откликнулось не пять, как требовал т. Емельянов, а целых десять евреев-коммунистов» (166).

В сентябре Ростов проездом посетил М.М. Аржанов, член правительства республики. Трефильев, которого представили ему как главу нового религиозного движения на Юге России, изложил свои взгляды: «Я доказывал: если классовая борьба уже прекратилась за полной победой пролетариата, то первым актом мирного строительства Республики нужно считать прекращение религиозных гонений и предоставление русскому народу свободы строить свою духовную жизнь... при неременной лояльности Советской Власти» (167). В ответ Аржанов пригласил Трефильева в Москву, обещая предоставить свободу действий, подобную той, которой пользовались обновленцы. Емельянов, в свою очередь, предложил Трефильеву пропуск и разрешение на поездку в Москву. Но от такого предложения Трефильев отказался.

Обновленчество в Ростове постепенно начало трансформироваться, уходя в сторону от тех задач, которые изначально были поставлены перед ним его закулисным руководством. Собрание Ростовского-на-Дону Епархиального Управления 7 сентября, на котором было принято решение свернуть мероприятия, предписанные ВЦУ, также отменило и приказ ВЦУ (168) об увольнении протоиерея Ивана Жежеленко, священника Алексея Трефильева и протодиакона Дмитрия Новочадова и о предании их церковному суду за сопротивление обновленцам (169). Тем не менее, последний был уволен из Кафедрального собора (170), что, впрочем, имело формальное значение – Новочадов и сам отказывался служить с обновленцами. Исполняя решение общего собрания ростово-нахичеванского духовенства о включении противников обновленчества в работу готовящегося съезда, Епархиальный Исполнительный Комитет пригласил о. А. Трефильева принять участие в предсъездной комиссии, которая открывала свою работу в Покровской церкви г. Ростова-на-Дону, Комитет призвал священников к братскому единению и общей работе по обновлению Церкви (171).

Трефильев не противился такой возможности. От имени Главного Управления Юго-Востока России он потребовал от Ростовского Епархиального Исполкома по делам православной церкви разрешение выступить на предстоящем епархиальном съезде со своим «контр-докладом» к докладу прот. В. Чернявского об обновленческом движении (172). Заявление не встретило возражений с условием, что о. А. Трефильев

возьмёт письменное разрешение от ДОГПУ. В итоге доклад был прочитан. После съезда газета

«Советский Юг» в №№266-268 от 21-23 ноября, поместила ряд статей о его работе под общим заголовком «Борьба с князьями церкви». Пропаганда в очередной раз фальсифицировала факты. Лживо утверждалось, что еп. Арсений благословил еп. Феофилакта на управление епархией, что о. А.Трефильев покаялся и примирился со всеми руководителями обновленческого движения, «облобызавшись со всеми» он и его приверженцы согласились принять участие в работе по распространению среди духовенства и народа программы обновленческого движения. Статья выдавала желаемое властью за действительное: «на этом завершилось слияние двух групп, бывших прежде враждебными» (173). Возмущившись подобным освещением событий, Трефильев обратился в редакцию газеты с требованием опубликовать опровержение и его статью. Так и не опубликованная статья Трефильева под заголовком «Римский огурец» сообщала о совершенно противоположном исходе съезда: «Когда читающая публика познакомится с теми историческими документами, которые имели решающее значение на съезде, она увидит, тогда, что победа была на стороне «ЕССАЦ»... Считаю своим приятным долгом заявить, что съезд устами «лидера» обновленцев прот. Чернявского, заканчивая свои занятия, торжественно объявил: «в Ростовской епархии нет более обновленчества, отныне все мы – православные, и становимся на платформу «Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви». Так, невзирая на своё... меньшинство (8 против 38), в глубоком сознании безусловной правоты своих идеалов, одерживает блестящие победы то мощное народное движение, которое именуется «ЕССАЦ» (174). Интересно, что на брошенное Трефильевым обвинение в том, что подобные искажения в печати возможны только во внеправовом государстве, главный редактор Рютин ответил: «А кто Вам сказал, что РСФСР есть правовое государство» (175). Священник А. Трефильев подал заявление в прокуратуру с ходатайством о возбуждении уголовного дела против редактора газеты

«Советский Юг» Рютина по статье 109 У.К., он утверждал, что Рютин поручил своему сотруднику – автору статей Лугановскому – тенденциозно описать заседания съезда и представить все события в облике, противоположном действительности. Прокуратура не усмотрела в действиях редактора газеты «Советский Юг» подрыва авторитета органов государственной власти, а просьбу священника «восстановить попорченные честь и достоинство» сочла не входящей в её компетенцию (176).

В Новочеркасске духовенство и верующие Донской епархии также развернули борьбу с обновленчеством.

Священники Артемьев, Волагурин, Шишкин и Золотарёв организовали сбор подписей духовенства епархии под документом о признании епископа Митрофана. Обновленцы расценили эту акцию как направленную против архиепископа Мельхиседека. По их оценке подписа-

лись почти все представители новочеркасского духовенства (177). 14 октября было оформлено прошение духовенства Донской епархии на имя епископа Аксайского Митрофана, о признании епископа как канонического преемника митрополита Митрофана (Симашкевича). При этом в документе говорилось: «в несении гражданских обязанностей подчиняемся существующему государственному советскому строю» (178).

Епископ Митрофан (Гринёв), священники Иван Артемьев, Владимир Волагурин, Алексей Шишкин выступали в церквях города с проповедями против ВЦУ и обновленческого движения (179). Документ с красноречивым заголовком «выписка из рапорта сексота» гласит, что Волагурин сказал проповедь в Архиерейской Крестовой церкви о том, что присланный на Дон архиепископ незаконен (180).

Народ же решал проблему по-своему. По городу распространялись листовки, некоторые из них имели подпись «прихожане» (181). До нас дошло несколько оригиналов. Одна из них, сорванная сотрудниками ГПУ с забора, с остатками древесины и клея на оборотной стороне, была приобщена к материалам одного из следственных дел того времени. Она гласит:

«Православные! «Живая Церковь» прислала из Москвы лже-архиерея Мелхиседека... Будьте на стороже: вашим духовным отцам не позволяют говорить вам правду» (182). Распространялись записки с угрозами применения физической расправы в адрес уполномоченного обновленческого Исполнительного Комитета, сотрудника ДОГПУ по разработке Лукстина (183), архиеп. Мелхиседека. Во время богослужения народ кричал последнему: «Долой, еретик-живоцерковец!» (184) Обновленческий архиерей был напуган, он требовал от ДОГПУ пресечь деятельность еп. Митрофана, Артемьева, Волагурина и Шишкина: «мы не ручаемся за то, что не может возникнуть даже война на церковном фронте» (185), – писал он. В итоге, архиепископ старался нигде не показываться, служил только в Кафедральном соборе и в Крестовой церкви (186). Священник Иван Артемьев утверждал, что архиепископ в частных беседах давал даже обещание отречься от «Живой Церкви» и реформаторства, чего, впрочем, так и не сделал (187). В октябре ходили слухи, что Мелхиседек узнавал, есть ли комната для него в Кашире Тульской области, по видимому, желая туда вернуться, по другим данным его собирались перевести в Царицын (188). Агенты ГПУ также подтверждали факт невыносимого положения лже-архиепископа из-за народного возмущения, и доносили, что он хочет «удрать из Новочеркасска» (189). Кроме того, поступали сообщения, что другой обновленческий епископ – Модест болен и находится в Усть-Медведицке (190).

В бывшей столице донского казачества – Новочеркасске – выступления церковного народа против архиепископа Мелхиседека действительно носили массовый характер, чем было весьма обеспокоено ДОГПУ, возложившее всю вину на ново-

стоящее обновленчеству. Священнику Артемьеву на допросе был задан вопрос, не есть ли этот массовый протест результатом проповедей? На это священник ответил, что причина не в проповедях, а в том, что сам архиерей «угрожал народу милицией и чекой» и тем позволил думать, что «состоит агентом этих государственных учреждений» (191).

У автора работы нет в распоряжении делопроизводственной документации государственных органов, прямо свидетельствующей о распространяемой на места политике насилия и принуждения священнослужителей Дона к принятию обновленчества. Но, несомненно, есть немало косвенных сведений, указывающих на то, что имели место как давление, так и вербовка духовенства как агентов для дальнейшего распространения раскола.

Насилие сопровождало подготовку главного обновленческого мероприятия – «Поместного Собора» 1923 г., включая предварительные обновленческие съезды на местах. Не надписанное послание «Ко всем истинно православным чадам», сохранившееся в архивных материалах, осуждая обновленческий собор 1923 г., утверждает, что обновленцы предварительно удалили с кафедр до 100 архиереев и из приходов – до 600 священников, не сочувствующих обновленцам, заключив их всех в тюрьмы и отправив в ссылки (192).

Священник Алексей Трефилев на ростовском Епархиальном съезде свидетельствовал о том, что духовенство Ростова немало претерпело от обновленцев, а многие «были посажены в подвал» (193). Он же неоднократно говорил и в проповедях, обличающих обновленчество, о том, что православное духовенство из-за них «страдает в темницах и подвалах» (194). Традиционным приёмом органов власти, занимающихся внедрением раскола, было прощение прежних «грехов» перед нею и снятие обвинений в обмен на согласие участвовать в обновленческом движении. Сами лидеры обновленчества в Ростове-на-Дону священники Михаил Попов и Андрей Сокальский, по воспоминаниям священника Павла Чехранова, «имели большие долги перед властью». По его словам, Попов был монархистом и до революции служил в Охранном отделении, а Сокальский издавал антибольшевистский листок «Свет Христов». И чтобы не попасть под суд оба они «пошли на службу революции и на раскол Церкви» (195). Служителями

«царских охранок» называл Попова и Сокальского и свящ. Трефилев (196). Следует напомнить, что Сокальский выступил на суде по делу епископа Арсения (Смоленца) свидетелем обвинения. Вербовали в агенты ГПУ и тех, кто проходил по делам о сопротивлении изъятию церковных ценностей, как обвиняемых, так и осуждённых, предлагая оправдательные приговоры или амнистию соответственно. Так, священник А. Гурич, приговорённый по одним данным к 5 годам (197), по другим – к 1,5 годам (198) заключения по громкому делу Покровского причта, был амнистирован, и стал секретным со-трудником ПП ОГПУ (199). Обра-

щают на себя внимание и слишком мягкие или оправдательные приговоры будущих лидеров обновленчества. Проходивший по тому же делу и оправданный священник Сапега был в числе инициаторов обновленческого раскола в Ростове-на-Дону. Одна из листовок, распространяемых в Новочеркасске, сообщала, что Донская ЧК обещала закрыть дело на уполномоченного обновленческого Исполкома по обвинению его с сыном в краже церковных ценностей из собора, «если он согласится стать реформатором и разрушить (так в тексте – Ю.Б.) Церковь» (200). На процессе в Азове защита просила оправдать подсудимых и предоставить им возможность «работать на благо Советской власти» в обновленческом расколе.

Допросы в Донском ГПУ и колебания митрополита Митрофана (Симашкевича) также свидетельствуют о том давлении, с которым донские чекисты занимались этим вопросом.

Наконец, о прямой поддержке обновленцев государственными органами, которая осуществлялась во многом карательными методами, говорят материалы дела активных противников обновленчества в Ростове-на-Дону и Новочеркасске – епископа Митрофана (Гринёва), священника Алексея Трефильева, протодиакона Дмитрия Новочадова, священников Павла Чехранова, Ивана Артемьева, Владимира Волагурина, Алексея Шишкина. Они обвинялись в создании контрреволюционной организации и антисоветской агитации. Однако материалы допросов и дела в целом свидетельствуют, что интересы следствия вращались вокруг вопросов отношения к ВЦУ и обновленчеству. Подследственные сами воспринимали арест как прямое следствие их неподчинения обновленцам.

Следственное дело еп. Митрофана (Гринёва) и 6-ти священников было открыто 20 января 1923 г., в тот же день проведены обыски, 22 января принято постановление об избрании меры пресечения под стражей, а 23 января все задержанные, кроме тяжелобольного священника А. Шишкина, оставленного временно на свободе, были высланы в Москву. Действия Донского ГПУ руководствовались телеграммой начальника Секретного отдела ГПУ, в структуру которого входило 6-е («антицерковное») отделение, Т. П. Самсонова от 15 января 1923 г. за №50068/94/ш (201). В Москве арестованные содержались в Бутырской тюрьме.

Священник Артемьев на допросе заявил, что декрет «Об отделении церкви от государства» объявил свободу совести, запрещающую религиозное насилие и привлечение к какой бы то ни было религии, ему представлялось непонятным, почему за свои религиозные убеждения и неподчинение «неединоверному» архиепископу и ВЦУ лишают свободы и подвергают аресту. «Или декрет потерял силу, или он нарушается» (202), – заключил он. Обвинение в контрреволюционности он отверг. Артемьев заверял, что признаёт советскую власть и подчиняется ей во всём, кроме вопросов веры и совести, и только к её антирелигиозным действиям относится отрицательно. Подобным образом отвечали и другие арестованные.

ствованные священнослужители (203), в том числе священник Владимир Волагурин: «Если же в настоящее время выступаю с проповедями в церкви, – отмечал он на допросе, – то только лишь защищаю свои религиозные убеждения, не касаясь в этих проповедях политики». Последнее он считал для священника неприемлемым (204). Свящ. А. Трефильев на допросе также осудил участие духовенства в политике и выразил своё отношение к происходящему: «...всякое преследование, как против патриарха, так и остального духовенства, я считаю лучшим средством поднятия бывшего престижа нашей Церкви. Возродив первые века мученичества и исповедничества мы только и можем возратить утерянное нами в период гнусного союза Церкви с самодержавием...» (205). Интересно, что оценка Трефильевым представителей «Живой церкви» почти не отличалась от мнения закулисных организаторов раскола. Он говорил о них, как о «перекрасившихся и приспособившихся политических хамелеонах», «махровых черносотенцах» и «приспешниках царского режима» (206). Священник Иоанн Артемьев и вовсе был близок социалистическим идеям. Происходил он из бедных крестьян и говорил, что знает «всю тяжесть и горечь положения трудового крестьянина, его безвыходную нужду», поэтому приветствовал перемены, надеясь, что трудовой народ наконец-то получит свободу. 25 декабря 1919 г. в Троицкой церкви Новочеркаска он сказал проповедь о справедливости социальной революции, за что белые хотели его арестовать. Кроме того, он кормил заключённых красноармейцев, и за это совет Управления Всевеликого Войска Донского грозился выслать его из пределов области. Трефильев выражал недоумение, почему в его религиозных убеждениях, выразившихся в неподчинении обновленцам, видят контрреволюцию и выходит, что он является преступником бессознательно (207).

То, что арест священнослужителей связан с их неподчинением обновленцам было ясно, по всей видимости, многим. Профессор Александр Николаевич Бунаков в письме прокурору РСФСР писал: «...для всех жителей Ростова, Нахичевани, а также Новочеркаска совершенно ясно, что такие действия ДГПУ вызваны исключительно стремлением обеспечить легчайшее водворение в области так наз. Живой Церкви» (208). Обо всех арестованных он свидетельствовал как о «строго аполитичных» людях, никогда не находившихся в оппозиции власти, и поэтому делал справедливое заключение о незаконности ареста священнослужителей Донским ОГПУ.

Группа священнослужителей обвинялась в создании «самозванной организации» – Главного управления по делам православной Церкви ЮгоВостока России и союза ЕССАЦ. Уполномоченный 1-м отделением ДОГПУ т. Н.Я. Манис считал, что организация эта действительно массовая и имеет в своих рядах много интеллигенции, среди которой есть профессора, инженеры, техники, курсистки и т.д. (209). По версии следствия еп. Митрофан (Гринёв) был «вдохновителем зашифрованной

контрреволюционной организации ЕССАЦ» (210). Однако, подследственный священник Чехранов на допросе заявил, что в ЕССАЦ никогда не входил «как в несуществующий союз» (211). Он негативно высказывался в адрес Трефильева, обвиняя его в искусственном создании авторитета, и «ореола мученичества» вокруг себя, и отмечал, что никогда не одобрял его выступлений на съезде и против епископа Феофилакта, которых сам Чехранов признавал законными (212).

Началу следствия предшествовал ряд жалоб: еп. Феофилакта (Клементьева) – главы Ростовского-на-Дону Епархиального Управления, его заместителя протоиерея Матвеевского и протоиерея Чернявского, высказанных ими на допросе в ГПУ; заявление архиепископа Мельхиседека и его заместителя протоиерея Фомина; донесение группы ростовских граждан о существовании «зашифрованной контрреволюции на церковном фронте», подписанное псевдонимом «Способный», за которым стоял осведомитель ДОГПУ. После свидетельств епископа Феофилакта и прот. В. Чернявского против подследственных священников в ДОГПУ им был задан вопрос: «А потому не находите ли нужным выслать указанную четвёрку из пределов Донобласти, чтобы предотвратить всякие эксцессы, могущие возникнуть в результате их провокаторской работы?» На что последовал ответ, что такие меры принять необходимо (213).

Донос некоей группы граждан, озаглавленный «Зашифрованная контрреволюция на церковном фронте в г. Ростове-на-Дону», требовал пресечь деятельность и изолировать лидеров ЕССАЦ – якобы «зашифрованной» преступной монархической организации (214), центром которой была объявлена Никольская церковь, а лидерами епископ Митрофан и священники Трефильев, Чехранов, Григорий Ковальский, протод. Новочадов. Доносчики уверяли, что если «изолировать» епископа Митрофана и свящ. Трефильева, то «контрреволюция распадётся и будет ликвидирована». Подписали донос «Способный, Бутенко, Смирнов, Чеботаренко, Козырев, Прилукский (выделено мной – Ю.Б.), Гавриленко, Попов» (216).

Заключение по делу священников гласило: «Дело возникло на основании донесения сотрудника ДОГПУ о том, что свящ. Трефильев объединяет вокруг себя контрреволюционное духовенство с целью агитации против соввласти» (216). Трефильев к тому же был объявлен агентом и шпионом АРА (Администрация Американской Помощи – American Relief Administration) и обвинён в том, что он «информирует АРА обо всех действиях, расстрелах и гонениях Советской властью духовенства» (217). Для помощи ростовскому духовенству эта организация, совершенно легально действовавшая на территории России в период голода, передала свящ. А. Трефильеву 300 посылок. Эта помощь и была истолкована в ГПУ как попытка создания «путём подкупа этими посылками и другими средствами... мощного контрреволюционного ядра» (218).

Против священника А. Трефилева были приняты во внимание и агентурные сведения. 10 мая 1922 г. на проповеди в Никольской церкви о многострадальном Иове он сказал, что рано или поздно это царство, которое отрицает существование Бога, кончится, и мы заживём по-прежнему, как многострадальный Иов. 11 мая после молебна о заключённых священниках и епископе Арсении, на проповеди сказал: «Как линяет яркая материя от солнца, так слиняет и эта власть». По мнению сотрудников ДОГПУ, Трефилев вызывал ненависть к совласти (219). Обвинялся он и в том, что учил верующих женщин выступить на антирелигиозной лекции: «Смело спросите (вас женщин не тронут): "Где церковные ценности, которые должны пойти в пользу голодных. Голодные, как валялись, так и валяются по улицам, – церковные ценности деваются неизвестно куда"» (220). Несмотря на то, что весь этот агентурный материал был бездоказательным, он лёг в основу обвинения. Агентурные сведения о свящ. Чехранове сообщали, что он выступал на благочинническом и епархиальном съездах с погромными докладами против обновленцев, называя патриарха Тихона и еп. Арсения святыми мучениками (221). По заключению ДОГПУ по данному делу, вся контрреволюционная «Трефилевская шестёрка» агитировала против советской власти и действовала по директивам епископа Митрофана (Гринёва).

Никто из обвиняемых священников виновным себя не признал, отрицая организацию и вообще любого рода антисоветскую деятельность. Сотрудник Секретного отдела ГПУ предлагал всех, кроме Трефилева, подвергнуть высылке в Туркестанскую область сроком на 3 года под гласный надзор Губернского отдела ГПУ, а Трефилева заключить в концентрационный лагерь на 2 года. На документе стоят 3 резолюции: начальника 6-го отделения СО ГПУ Е.А. Тучкова: «Согласен: Тучков»; Андреевой от 10 марта 1923 г.: «Чехранова в Зырянский край, Новочадова в Нарьинский край, Шишкина в Марийскую область, Артемьева и Волагурина в Туркестан в разные места, Гринёва в Туркестанский край»; самого начальника СО ГПУ Т.П. Самсонова от 14 марта: «Трефилева в лагерь на 3 (три) года...» (222).

30 марта Комиссия НКВД по административным высылкам постановила всех священнослужителей, проходящих по делу, заключить в Архангельский концлагерь сроком на 3 года (223). В итоге, они были сосланы на Соловки, где отбывали наказание в печально известном СЛОНе (Соловецком лагере особого назначения) вместе с причётными впоследствии Русской Православной Церковью к лику святых митрополитом Евгением (Зерновым), архиепископом Иларионом (Троицким) и епископом Захарией (Лобовым).

Однако, ни во время ареста, ни в период содержания под стражей арестованным так и не предъявили обвинения, они лишь догадывались о причинах своего положения. Воспоминания священника Павла Чехранова позволяют реконструировать некоторые обстоятельства ареста. Ма-

нис, допросивший Чехранова в день ареста, объявил: «Вы арестованы как контрреволюционер!..». Затем пояснил: «Вы арестованы, чтобы не было войны на церковном фронте...». «Это разъяснение, – вспоминал о. П. Чехранов, – вело в церковный Революционный комитет, что подтвердилось в Москве» (224). Он также писал, что на Лубянке случайно встреченный районный прокурор сказал узникам: «Вас продержат до окончания обновленческого собора на предмет снятия с Патриарха сана...». В камере узники услышали от помощника Прокурора РСФСР Р.П. Катаньяна: «Вы сидите по церковному делу, и вас могут не вызывать (на допрос – Ю.Б.). Приговор недели через две получите... Вы сидите по делу обновленцев...» (225).

Около недели они пробыли во внутренней тюрьме ГПУ, потом их перевезли в Бутырскую тюрьму. Из воспоминаний П. Чехранов следует, что священники постоянно встречали верующих из самых разных слоёв населения, сильны были религиозные и антиобновленческие настроения. Так в Бутырке мелкие служащие отказались обыскивать священников: «"Товарищи, священников не обыскивать, они за церковь арестованы..." Не обыскивать! Некоторые из них говорили: "Вы за веру стоите... Не беспокойтесь, мы не пойдём за ними..."". Епископ Митрофан отвечал им: "Они могут обмануть вас, подменить нашу веру... ". "Не беспокойтесь, – отвечал один из них, – не обманут! "...» (226). На Пасху священники, получили передачи от первой жены Максима Горького Екатерины Пешковой (Волжиной), а потом принесли корзину пасхальных яиц от рабочих Москвы.

Позже пришли и зачитали приговор. Срок исчислялся без учёта предварительного заключения (227).

Священник А.П. Шишкин был тяжело болен туберкулёзом и одновременно плевритом, осложнённым крупозным воспалением лёгких. В этом состоянии его вызывали на допрос в ГПУ, где задали вопросы о «Живой Церкви», которую он признать отказался, при этом засвидетельствовал о своей несомненной лояльности к советской власти. 3 мая он был арестован и перевезён из Новочеркасска в Ростов-на-Дону, через неделю ему объявили приговор – 3 года концлагеря. В заключении его не разу не направили в больницу. Шишкин даже написал из Архангельского лагеря по этому поводу жалобу председателю ВЦИК М.И. Калинину (228).

Верующие предпринимали отчаянные попытки помочь своим священнослужителям. Прихожане Георгиевской церкви Новочеркасска ходатайствовали о прекращении дела из-за отсутствия состава преступления, но, разумеется, тщетно (229). Было отклонено и ходатайство перед помощником Прокурора РСФСР Р.П. Катаньяном, курировавшим деятельность органов госбезопасности, об облегчении условий лагерных работ или высылке на свободное поселение для епископа Митрофана. В Пертоминском лагере под Архангельском он занимался пилкой и колкой дров по 8 часов в сутки, что сильно по-дорвало здоровье немолодого пя-

тидесятилетнего человека (230).

Объединение всех представителей духовенства, проходивших по данному делу, в одну «контрреволюционную» организацию «ЕССАЦ» носило, конечно, искусственный характер – типичной чертой работы органов ОГПУ 1920-1930 гг. была фабрикация различных «заговоров» и «контрреволюционных организаций». Организация союза «ЕССАЦ» была инициирована священниками Жежеленко и Трефильевым. Союз задумывался как массовое народное движение сопротивления раскольникам на Юге России. Но не все священнослужители, проходящие по делу, имели одинаковые взгляды и представления о методах сопротивления, каждый действовал в соответствии со своими представлениями. Из протоколов допроса следует, что не все они даже были достаточно знакомы друг с другом. Истинной причиной ареста было то, что каждый из них, так или иначе, мешал распространению обновленчества на Дону.

Деятельность нелегальных «тихоновских» иерархов – епископа Захарии (Лобова) и митрополита Митрофана (Симашкевича).

Второй период сопротивления обновленцам.

Устранив своих явных противников на Дону, обновленчество получило возможность перейти к более активной деятельности с большими шансами на успех. В начале 1923 г. состоялось благочинническое собрание, на котором Ростовское епархиальное управление объявило о признании ВЦУ. Было чётко озвучено требование высшей обновленческой церковной власти прекратить существование каких-либо автономий и автокефалий, все епархии должны были войти в отношения с ВЦУ (231). На собрании был избран уполномоченный от Ростовской епархии для связи с ВЦУ. Им стал протоиерей Евгений Матвеевский, настоятель Нахичеванского-на-Дону Александро-Невского собора. Сущность мнения, сформулированного местной церковной властью о ВЦУ, заключалась в следующем: «Ростовское-на-Дону Епархиальное Управление признаёт ВЦУ посредником между государственной властью и Церковью для проведения в жизнь Церкви распоряжений правительства; что же касается специально церковных вопросов, которые будут возбуждаемы ВЦУ, Ростовское-на-Дону Управление оставляет за собой право обсуждать их, и если окажется нужным, не проводить их до канонического Поместного Собора или, по крайней мере, до Епархиального съезда» (232). Благочинническое собрание присоединилось к мнению управления о признании обновленческого возглавления. Вскоре Ростов-на-Дону стал центром Северо-Кавказской митрополии синодальных церквей.

21 апреля 1923 г. Политбюро окончательно решило отложить процесс патриарха Тихона (Беллавина), 27 июня он был освобождён из-под домашнего ареста. Комплекс причин неоднократно рассматривался в научных исследованиях и литературе (233). Историк И.А. Курляндский в качестве решающей причины указывает переход во внутренней политике к нэпу, составляющей которого был «религиозный нэп» – строго

ограниченная цензурой и репрессиями, кратковременная «либерализация» в идеологической и духовной сферах (234). Следует согласиться с этим, как и с тем, что у советского руководства возникла идея использования патриарха Тихона в своих, чисто прагматико-политических целях – для дальнейшего раскола Церкви поддержкой взаимного ослабления тихоновцев и обновленцев, и борьбы с зарубежной церковной иерархией. Такое решение соответствовало политике «религиозного нэпа». Ей также отвечал и учёт общественного мнения и нестабильного положения внутри страны. Органы ОГПУ сообщали о возможных беспорядках и погромных настроениях (235). В связи с расстрелом католика Буткевича, и делом патриарха, начались протесты международной общественности, что вредило интересам страны, как раз в тот период, когда СССР боролся за международно-правовое признание, и лишние осложнения были не нужны (236). Между тем, произошел отход от дел В.И. Ленина и разгорелась борьба за власть в руководстве страны.

Политика «религиозного нэпа», освобождение патриарха способствовали началу второго периода сопротивления обновленчеству на Дону. Она была связана с деятельностью нелегальных архиереев – епископа Захарии (Лобова) и митрополита Митрофана (Симашкевича), начавших организацию и объединение подчиняющихся патриарху Тихону православных общин.

С ходатайством о епископской хиротонии священника Захарии Лобова обратился к патриарху Тихону церковно-приходской совет Троицкой церкви Новочеркаска (237). По благословению патриарха 5 октября 1923 г. в Троицкой церкви была совершена епископская хиротония отца Захарии. Для совершения таинства накануне того дня в Новочеркасск прибыли митрополит Митрофан (Симашкевич) и московский епископ Иннокентий (238). Новый епископ торжественно осудил обновленчество и отрёкся от него (239).

Митрополит Митрофан (Симашкевич) и епископ Захария совершали хиротонии и назначали священников на приходские места (240). В этот период место церковного управления патриарха Тихона заняло ВЦУ – организация обновленцев. Именно она как зарегистрированная в законодательном порядке представляла в глазах советской власти законную Православную Церковь. До легализации православного церковного управления в 1927 г., которого добился митрополит Сергей (Страгородский), оставалось несколько лет. Поэтому деятельность митрополита Митрофана, находящегося к тому же официально на покое, и епископа Захарии была нелегальной, и, как всё нелегальное, с точки зрения партийного руководства контрреволюционной. Донское ГПУ начало поиск оснований для удаления епископа, что, однако, по «правилам игры» периода «религиозного нэпа» не должно было выглядеть как религиозное гонение.

Первое богослужение в качестве епископа Захария (Лобов) совершил 7 октября 1923 г. В проповеди он сказал, что дьявол всегда устраивал гонения на православную Церковь, и только на неё. Затем он поддержал мужество прихожан Троицкой церкви в отстаивании православия (241). Эти действия возымели свои последствия. 11 октября епископ Захария был вызван в ДОГПУ (242). На допросе его убеждали признаться, что под дьяволом он подразумевал советскую власть, которая, как следовало тогда из слов епископа, устраивает гонение на православную веру. Демагогично утверждалось: «Но Вам известно, что советская власть никаких гонений не устраивает, ни на какую религию, в том числе и на православную, так как согласно декрета (так в тексте – Ю.Б.) церковь отделена от государства и в религиозные убеждения советская власть не вмешивается». На это епископ ответил:

«Но этой проповедью я не думал возбуждать народную массу против советской власти, и в мыслях даже не имел, т.к. дьявол и советская власть... не одно и то же» (243). 10 декабря вышло постановление помощника уполномоченного 1-го отделения СО ДОГПУ по делу Лобова. Признавалось, что, несомненно, в его проповеди под дьяволом подразумевалась советская власть, именно так и понимал эти слова народ, однако доказательств этому найти не удалось. Деятельность епископа была охарактеризована как создание «центра Донской тихоновщины», однако, эта деятельность, по мнению сотрудника ДОГПУ, за церковные пределы не выходила, поэтому отсутствовал состав преступления. Следствие решило прекратить, приобщить весь собранный материал к личному делу епископа и отправить в Новочеркасский окружной отдел ОГПУ, самого Лобова взять под строгое наблюдение (244). Причиной промедления властей послужил, как представляется, целый комплекс обстоятельств. В первую очередь нужно отметить то, что власть не была заинтересована в усилении или победе обновленческой группировки, её мотив заключался в ином – в постоянном разжигании и подогревании конфликта, в разрушении Церкви изнутри (245). Вместе с тем, условия «религиозного нэпа» в целом требовали создания видимости некоторой либерализации в отношениях с Церковью.

В епархии начался процесс возвращения общин под начало патриарха Тихона. Механизм перехода был следующим. Епископ Захария устанавливал переписку с сочувствующими канонической церковной власти священниками и приходскими общинами. Переписка велась через конспиративные адреса (246). Общины использовали своё юридическое право – право религиозных обществ избирать себе священнослужителей всех уровней. В соответствии с этим правом общине собрания приходов стали принимать решения об избрании своими архипастырями митрополита Митрофана и епископа Захарии, которых в обход обновленческого епархиального управления просили принять общины под своё руководство (247). Следующим этапом на собраниях избирался священно-

служитель или же кандидат в священники для данного прихода, затем митрополиту Митрофану и епископу Захарии направлялся протокол собрания с прошением об утверждении принятых верующими решений, об одобрении избранного или рукоположении нового священника для данного прихода (248). Основное число хиротоний совершал епископ, иногда вместе с митрополитом, некоторые хиротонии совершал сам митрополит Митрофан. Собрания были довольно многочисленными. По имеющимся данным достигали 126 чел. (минимально необходимым было число в 50 прихожан) (249).

Так был переизбран приходским собранием служивший в Константино-Еленинской церкви г. Новочеркаска священник М. Тапинский – ставленник архиеп. Мелхиседека, вместо которого верующие избрали священника Митрофана Ковалёва, признававшего епископа Захарию (Лобова). Епископ посетил приход и отслужил архиерейскую службу в храме, на проповеди он сказал об особой радости того дня, когда в приходе осуществилась победа православия над обновленчеством (250). Подобным образом церковные общины одна за другой приглашали епископа Захарию. Вскоре он стал открыто и свободно служить в приходах Новочеркаска и по всей епархии. В одном из писем своему единомышленнику он писал: «Каждый день ко мне приезжает духовенство с выражением покаяния и присоединяется к православию. Слава Богу, просветил милосердный заблудших и обратил их в лоно Святой, Соборной и Апостольской Православной Церкви» (251).

Советское законодательство игнорировало традиционно существующее иерархическое устройство церковной жизни, в том числе на уровне прихода. Руководство внутренними делами общины признавалось за церковным советом, то есть принадлежало самим верующим, а не духовенству. Это усиливало роль верующих в деле борьбы с обновленчеством. Отмечались случаи, когда прихожане просто изгоняли обновленцев из храмов. Негативные настроения верующих по отношению к ним и их нововведениям отражалось и на моральном состоянии духовенства, вынужденно подчинившегося обновленцам.

Священник станицы Глазуновской протоиерей Е. Евфанов писал епископу Захарии, поздравляя его с Рождеством Христовым по новому стилю:

«Будто праздник и великий, а на душе всё нутро выкоротили (так в тексте – Ю.Б.). Сегодня были в храме прихожане, а разговляться никто не решился, ждут своего (выделено мною – Ю.Б.) Рождества, по старому стилю. Отважился было благословить с постной молитвой перед праздниками, но прихожане положительно слушать не хотят про праздники по новому стилю. Я и прихожане стали говорить и думать на разных языках. Самая ужасная трагедия. С таким настроением духа вспомнил про тебя, дорогой товарищ, и решил обменяться мнениями. Знаю тебя как крепкого убеждённого поборника веры. Скажи, пожалуйста, что делать

при таком шатании мнений. Чувствую, что наша православная русская церковь в большой опасности; страшная война бушует кругом и затопляет корабль. Невольно вырывается крик отчаяния: Господи, спаси нас, погибает!» (252).

Рядовые священники нередко оказывались в стане обновленцев по причине недостатка информации или даже дезинформации о положении в Церкви, потери ориентации в сложной меняющейся действительности:

«Мы все, находящиеся в плену так называемой «живой церкви», не знаем, как выбраться из этого плена, другой организации нет. Мы с живой церковью залезем в полный тупик! Этот новый стиль, ненавистный народу, эти налоги на священство. Епархиальное Управление и Уполномоченный так давят нас, что недалеко то время, когда прихожане просто выгонят нас от себя, как наёмников и волков хищных в священнической одежде. Ты же сам это не признаёшь «живой церкви» и стоишь не у дел, теперь сообщу, какой организации ты епископ?» (253).

Цитированные письма демонстрируют, насколько искусственными и насильственными методами насаждалось обновленчество, не способное завоевать искреннего расположения ни верующих, ни духовенства. В таких обстоятельствах верующие подчас проявляли себя как совесть своих пастырей. Положительным духовным авторитетом для тех и других продолжал обладать «тихоновский» епископат. Наглядна и та значительная роль, которую играл епископ Захария (Лобов) как духовный лидер в борьбе с обновленчеством и восстановлении мира в донской Церкви.

К концу 1923 г. митрополита Митрофана и епископа Захарию признали священники и приходские общины нескольких церквей Новочеркасска: Архиерейская Крестовая церковь (иеромонах Логвин), Троицкая (свящ. Модест Захаревич), Серафимовская (свящ. Кузьма Сердюков), Константино-Еленинская (свящ. Митрофан Ковалёв), а так же монастырское подворье (свящ. Крицкий). Донская Богородицкая церковь слободы Старочеркасской, церкви городов Миллерово (псаломщик Николаевской церкви Иван Баринов), Каменска (свящ. Константин Фомин), Морозовска (прот. Петр Ледковский), церкви станиц Кагальницкой (свящ. Константин Вейсман, Дмитриевская церковь) и Мелиховской, церкви слобод Ефремово-Степановской, Большой Орловки 1-го Донокруга, Семикаракорской, пос. Цукорова балка Алексеевского сельсовета и др. также вошли в юрисдикцию патриарха Тихона под управление епископа Захарии (254). В Мечетинской волости верующие отказались признавать присланного обновленческого епископа Филиппа (255). Морозовское благочиние также поддержало епископа Захарию против обновленцев (256). В феврале 1924 г. начался процесс перехода под управление патр. Тихона 17 церквей Богдано-Киевского благочиния. Исполняющий обязанности благочинного по назначению митрополита Митрофана священник Александр Гордеев (Вознесенская церковь пос. Каменка) разослал по всем церквям подготовленную им форму прошения для членов церковно-

приходских советов и прихожан в адрес митрополита Митрофана о принятии их в каноническое общение, под руководство его викарного епископа Захарии. Было распространено распоряжение и о молитвенном поминовении за богослужением этих архиереев.

Священник А. Гордеев в письме епископу Захарии упомянул о некоторых причинах лёгкого распространения обновленчества по епархии (257). Дело в том, что значительная часть приходского духовенства заняла, как он выразился, «нейтрально-молчаливую» позицию. Верующий же народ также нередко равнодушно относился к юрисдикционному вопросу и не стремился различать по этому признаку служивших пастырей. Приходы оказались в обновленчестве как бы по инерции, в результате признания епархиальным духовенством архиеп. Мельхиседека. Форма прошения о возвращении общин в патриаршую юрисдикцию сохраняла эту интенцию. В ней говорилось о «невольном грехе» признания архиеп. Милхиседека, который «оказался схизматиком», совершенном «в силу причин, не зависящих» от верующих (258). В связи с этими обстоятельствами борьба с обновленчеством в приходах была сопряжена с побуждением верующих к сознательной позиции, к способности понимать важность различий в каноническом положении духовенства.

Потеря Архиерейской Крестовой церкви Новочеркаска оказалась очень чувствительна для обновленцев, поскольку в данном храме обновленческая иерархия совершала таинство священства над своими ставленниками, он был символом власти обновленцев на Дону.

В отличие от «тихоновцев», которые стремились опереться на поддержку церковного народа, обновленцы использовали «силовые» способы борьбы – административные методы и компрометацию «тихоновского» духовенства за счёт обвинений в политической неблагонадёжности. Обновленческий архиепископ Мельхиседек написал обращение в Донское областное ГПУ, выразив обеспокоенность ростом, по его выражению, «лбовщины», и авторитета епископа среди верующих. Рост авторитета епископа отмечали также и информаторы органов ОГПУ (259). Обновленческий архиерей подогревал опасения власти и оценивал появление этого епископа по указу патриарха Тихона как несомненный факт контрреволюции: «Около Лобова объединились черносотенные попы и миряне... Ни для кого не секрет, что черносотенцы называют обновленческое духовенство коммунистами и достигают того, что вражда населения к нему растёт с часу на час, а симпатии к лицам, подобным Лобову нет конца» (260). Далее он писал, что для того, чтобы ликвидировать «лбовщину» необходимо «изолировать» объединившихся вокруг епископа новочеркасских священников. По округам свирепствовали Уполномоченные обновленческого исполкома: непокорным священнослужителям угрожали обращением к местной власти с требованием о выселении их из округа, переводили с места на место, запрещали в священнослужении, налагали штрафы. Священника могли перевести с места в любой момент, в

случае, например, неоплаты прихожанами ежемесячного церковного налога в 2-4 рубля золотом (261). Отмечен случай, когда священник сам хотел отойти от служения, однако, его отказались увольнять (262).

Наконец, преосвященный Захария стал служить в Кафедральном соборе Новочеркаска. В личной переписке он писал, что православие всё более укрепляется на Дону, что постоянно к нему на службы приходит множество народа, однако, отражено и его понимание временности и неустойчивости такого положения, нависшей над ним опасности в связи с его деятельностью в целом: «Большие массы народа наполняют церкви, где я служу и проповедаю. Доколе мне Господь судит Ему служить, не знаю, но я готов на всё» (263). В письме своему духовному отцу, духовный авторитет которого сделал его одной из центральных фигур в первый период сопротивления обновленцам на Дону, в 1922 г., протоиерею Иоанну Домовскому епископ Захария (Лобов) писал: «...Не знаю, долго ли Господь продлит свою милость на мне грешном» (264). Переписка епископа Захарии (265), свидетельствует, что духовный наставник и сторонники епископа, с которыми поддерживалась связь, находились не только в Донской, но и в Ростовской епархии, в городах Ростове и Нахичеванина-Дону, и даже за пределами области – в районах Украины (266). Деятельность епископа Захарии простиралась далеко за пределы его епархии.

С оттеснением на дальний план обновленческого епархиального начальства, управление Донской епархией фактически переходило в руки патриарших иерархов, имеющих канонические права, но нелегальных с точки зрения советской власти, юридически для неё несуществующих. Решающим в этой схватке должен был стать епархиальный съезд, который планировал созвать архиепископ Мельхиседек (267). Последователи еп. Захарии питали вполне реалистичные надежды на победу и признание епископа в качестве правящего архиерея Донской епархии. В случае такого итога съезда общины могли реализовать своё право и ходатайствовать перед советской властью о юридической регистрации нового архиерея. Сторонниками епископа начался сбор средств для предстоящего съезда с целью форсировать его организацию (268).

Конечно, перспектива такого исхода не устраивала светскую власть, которая не отказалась от политики разложения Церкви, и победа одной группировки над другой, безусловно, не входила в её планы. На этом этапе вновь активно проявили себя органы ОГПУ, которые использовали традиционный для них способ – устранение иерарха, успешно препятствовавшего развитию обновленчества. 28 февраля 1924 г. епископ Захария (Лобов) был арестован (269). 27 марта 1924 г. ему предъявили обвинение: 1) в хранении с целью распространения воззваний контрреволюционного характера; 2) в измышлении и распространении ложных сведений о гонении советской власти на Церковь, поддержке «Живой Церкви»; 3) возбуждении национальной вражды и розни; 4)

«в присвоении себе функций юридического лица, выразившихся в назначении на должность благочинных и вообще священников, в то время как эта власть принадлежит епархиальному управлению» (270) (по статьям 72, 73 и 83 уголовного кодекса). Постановление подписали уполномоченный СО ПП ОГПУ ЮВР Стрельченко, начальник СО ПП ОГПУ ЮВР Колобов и заместитель ПП ОГПУ ЮВР Зявкин. Карательные органы упрекали епископа в том, что он распорядился всем своим последователям тайно молитвенно поминать на богослужении «контрреволюционного» патриарха Тихона. На что епископ справедливо заметил, что в разъяснении Наркомюста сказано о запрете гласного поминовения патриарха, такого он и не благословлял, а о тайном поминовении ничего не сказано (271). Сотрудники ГПУ невольно проговаривались об истинном положении дела, утверждая, что своей деятельностью епископ доказывал верующим то, что советская власть, несмотря на все свои заверения об отделении Церкви от государства, всё же поддерживает тесное сотрудничество с обновленчеством. Вся деятельность епископа была истолкована как дискредитация и подрыв авторитета советской власти в глазах населения, возбуждение недоверия к её мероприятиям. Епископ характеризовался как «опасный для существования советской власти на Дону элемент», поэтому его необходимо было заключить в концентрационный лагерь. В связи с тем, что в основе всего материала против Лобова лежали агентурные донесения, дело не было передано в суд, а направлено в комиссию по административным высылкам при НКВД (272). Заместитель прокурора области В.Р. Пророков писал: «Вся деятельность в борьбе с «Живой Церковью» имела скрытый политический характер и была направлена против Рабоче-Крестьянского правительства» (273). Пребывание Лобова в пределах Донской области, по его мнению, было бы чрезвычайно вредно. Таким искусственным образом репрессивные органы сформулировали требуемое для них политическое обвинение.

В этом деле ОГПУ проявило свою типичную циничность и нечистоплотность: ранее почти в том же самом материале, собранном на Лобова, органы не нашли состава преступления, когда же им пребывание епископа на Дону стало неудобным, они с лёгкостью приняли обратное решение. Карательные органы видели в материалах дела только то, что хотели видеть и закрывали глаза на невыгодные для обвинения факты. Так, было проигнорировано заявление помощнику Прокурора Республики Катыняну граждан г. Новочеркаска, утверждающих, что дело сфабриковано исключительно по навету новочеркасских обновленцев, обвиняющих Лобова в контрреволюции. Заявители свидетельствовали о том, что епископ никогда не выступал против советской власти, а напротив, всегда поддерживал «власть советов, рабочих и крестьян» (274). Наконец, епископ Захария в личной переписке, отслеженной ОГПУ, предостерегал своих последователей от каких бы то ни было политических мотивов. В письме протоиерею Петру Ледковскому в г. Морозовск он писал:

«При этом усердно молю в своих беседах и проповедях держаться истинно такого православия, нисколько не примешивая политику. Покажите всем, что мы не контрреволюционеры, а только сыны своей святой православной и апостольской Церкви, в которой мы ищем одно только – спасения и славы Божией» (275).

В июне дело было в Москве, рассматривалось, «на высшем уровне». Его взял под контроль сам начальник 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ Е.А. Тучков, куратор церковных дел и секретарь антирелигиозной комиссии (АРК). 29 июля дело епископа, заключённого в Бутырской тюрьме, рассматривалось сотрудницей 6-го отделения СО ОГПУ Якимовой. Было отмечено, что епископ Донской епархии систематически произносил в храме проповеди антисоветского характера, но требовалось дальнейшее расследование дела – «допросы на местах». На документах стоит надпись:

«Утверждаю... Ягода» (276). 1 августа 1924 г. судебное заседание коллегии ОГПУ постановило «войти с ходатайством в Президиум ВЦИК о продлении срока содержания под стражей по 28 сентября 1924 г. (277). Статьи обвинения в 6-м отделе были несколько изменены: «распространение контрреволюционных воззваний и антисоветская агитация путём проповедей» (ст.ст. 69 и 72 УК). Ту же самую квалификацию поддержал и Е.А.Тучков (278).

Особое Совещание при Коллегии ОГПУ 26 сентября 1924 г. постановило заключить епископа Захарию (Лобова) в концлагерь сроком на 2 года (279). Его отправили в Соловецкий лагерь особого назначения (280).

Таким образом, второй этап сопротивления обновленцам на Дону также был подавлен репрессивными мерами советских спецслужб. 1924 г. стал, по утверждению местных органов власти, высшей точкой напряжения юрисдикционного конфликта патриаршей и обновленческой сторон, центрами которого были Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Азов, Ейск (281). Летом 1925 года Ростов-на-Дону посетил с лекциями видный идеолог обновленчества профессор Б.В. Титлинов. Но, несмотря на это, в октябре 1925 г. Ростовский епархиальный съезд духовенства почти единогласно постановил отойти от обновленческого Синода и принять каноническое управление (282). Это не ликвидировало обновленчества, в его юрисдикции оставались многие общины благодаря продолжавшейся на протяжении второй половины 1920-х – 1930 гг. поддержке обновленцев государственной властью.

§ 2. Политика власти и положение обновленческих, григорианских и канонических общин в 1925-1930-х гг.

С началом «религиозного нэпа» и приходом к власти в руководстве страны Сталина, тактика Троцкого по борьбе с Церковью, направленная на поддержку захвата власти обновленцами, подмену Церкви обновленческой организацией, а затем их ¹³¹разложение и ликвидацию, смени-

лась тактикой затяжной борьбы по разложению Церкви на целый ряд конфликтующих группировок, ослабляющих церковный организм.

На протяжении 1923–1924 гг. политическое руководство страны продолжало политику поддержки обновленческого раскола, как репрессивными мерами, о которых подробно было сказано выше, так и законодательными. В октябре-ноябре 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) признало необходимым разработать новую инструкцию о регистрации религиозных обществ. Проект постановления предложила Антирелигиозная комиссия ЦК РКП (б). Недвусмысленно отмечалось, что цель нового порядка – усиление власти обновленческих органов управления над приходами. Обновленчеству, сдающему свои позиции с каждым днём, такая поддержка оказывалась кстати. Политбюро в своем Постановлении по данному вопросу констатировало, что инструкцию необходимо составить «в духе, дающем “святейшему синоду” и губернским епархиальным управлениям власть над церковноприходскими советами» (283). Утверждение инструкции затянулось до 26 февраля 1924 г.

Другой законодательный акт – постановление ВЦИК от 21 августа 1924 г. о равномерном распределении зданий культов среди верующих канонического и обновленческого направлений – спровоцировал борьбу за приходы между ориентациями и как следствие череду острых конфликтов. Группы верующих «староцерковников» и обновленцев обращались на все уровни власти с просьбами передать им тот или иной приход на основании данного постановления. С 1926 г. к этому конфликту добавилась и третья группа – так называемый григорианский раскол.

Название раскол получил по имени архиеп. Григория (Яцковского), возглавившего образованный на собрании в Донском монастыре 22 декабря 1925 года Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС) в составе 7 архиереев, который очень скоро был официально зарегистрирован госорганами. Раскол появился по сценарию обновленческого, с участием и поддержкой ГПУ и попыткой устранения от власти заместителя патриаршего местоблюстителя митр. Сергия (Страгородского) (284). Григориане отказывались признавать канонические права митрополита на управление Церковью, и вообще, были противниками практики назначения преемников (285). Подобно обновленцам, григориане считали необходимым восстановление соборности в Церкви, которую они также путали с коллегиальностью и считали восстановление патриаршества ошибкой. Отличием было то, что григориане не предлагали никаких нововведений в каноническом строе Церкви, считали себя продолжателями дела патриарха Тихона и часто называли себя «староцерковниками», что усложняет идентификацию юрисдикции общин по их самоназванию. Если обновленческий раскол формально строился на противопоставлении священников архиерейской власти, то григорианский раскол был «епископским» (286). Признавая святителя Тихона и митрополита Петра (Полянского) как избранных соборно, тем не менее, в своём общецерковном послании

ВВЦС критиковал патриарха и митрополита Петра, упрекая их в ошибках. Позиция григориан по отношению к государственной власти была близка обновленческой. Представляется обоснованной позиция митрополита Иоанна (Снычева) и исследователя П.В. Каплина, интерпретирующих ВВЦС как попытку восстановления синодального правления (287).

На собрании в Донском монастыре присутствовал Каменский епископ Иннокентий (Бусыгин), вскоре в Москву прибыл и митрополит Донской Митрофан (Симашкевич), он подписал общецерковное послание ВВЦС. Оба иерарха ранее проявили себя бескомпромиссными противниками обновленческого раскола, рискуя свободой и жизнью (в наибольшей степени, конечно, митрополит), но теперь подчинились ВВЦС, а епископ Иннокентий и вовсе стал его членом. В чём причина таких изменений? Митрополит Иоанн (Снычев) в своей работе «Стояние в вере. Очерки церковной смуты» задаёт справедливый вопрос: что заставило этого незаурядного человека, высокообразованного и справедливого, – митр. Митрофана – стать участником григорианского раскола, но митрополит Иоанн оставляет его без обоснованного ответа. Вероятнее всего, дело было не в том, что Донской митрополит уступил нажиму со стороны ОГПУ. Ранее местным органам политуправления этого сделать не удалось. Представляется, что обоснованный ответ на этот вопрос можно дать, изучив региональный материал. Причины того, что митрополит Митрофан примкнул к григорианам нужно искать в области идей.

Точкой отсчёта истории григорианского раскола на Дону можно считать событие григорианского Донского епархиального собрания, прошедшего с 5 по 7 августа 1926 г. в Новочеркасском Кафедральном соборе под председательством митрополита Донского Митрофана (Симашкевича) и Каменского епископа Иннокентия (Бусыгина) (288). Из материалов собрания становится очевидным, что для митр. Митрофана и еп. Иннокентия регистрация ВВЦС связывалась с избавлением органов церковного управления от нелегального положения, с возможностями легального существования патриаршей Церкви и более эффективной борьбы с обновленцами. Что же касается позиции митр. Митрофана, то он, вероятнее всего, искренне заблуждался относительно ВВЦС, что в тех непростых условиях не было уникальным. Захваченный идеей легального противостояния обновленцам и вообще легального управления епархией, он, скорее всего, не хотел замечать каноническую ущербность ВВЦС. Стоит также напомнить и то, что митрополит не всегда был согласен с мнением патриарха, что показал 1922 г., ему также была близка позиция григориан по отношению к советской власти. Возможно, условия, на которых был создан ВВЦС, были для данных иерархов допустимой мерой в достижении компромисса с нею.

Епископ Иннокентий на донском съезде объяснил причины возникновения ВВЦС отсутствием «вождя Церкви» после ареста митрополита Петра (Полянского), и «молчали-ем» митр. Сергия (Страгородского)

о своих полномочиях в течение полутора месяцев (289). Кроме того, в качестве обоснования создания Совета григориане выдвигали постановление Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 20 ноября 1920 г. № 362 о самоуправлении епархий, потерявших связь с церковным центром в период Гражданской войны (290). Неподчинение ВВЦС и новые внутрицерковные конфликты на этой почве епископ объяснил как «нежелание некоторых епископов воспользоваться полученными для Церкви правами, чем они добровольно обрекают себя на нелегальное существование... подрывая авторитет признанного патриаршим Местоблюстителем Митрополитом Петром и легализованного органа Церковного Управления В.В.Ц.С.» (291). Тезис о признании митрополитом Петром ВВЦС не соответствовал действительности. Представители ВВЦС (в их числе был Каменский еп. Иннокентий) действительно встретились с арестованным митр. Петром, но он не признал «совета», лишь оставил на докладе делегации резолюцию о передаче своих полномочий, и только временно, по необходимости, до выяснения всех обстоятельств, коллегии трёх архиепископов, одним из которых стал представлявший ВВЦС архиеп. Гигорий (Яцковский). Впрочем, это решение уже в апреле митрополит аннулировал, но резолюция была ложно истолкована как благословение митр. Петра и каноническое обоснование существования ВВЦС (292).

От участников собрания остался скрытым и тот факт, что члены ВВЦС были запрещены в служении и лишены своих кафедр митрополитом Сергием (Страгородским), что подтвердил 9 июня 1926 г. и митр. Пётр отстранением «архиереев-самочинников» (293).

Постановление донского епархиального собрания зафиксировало то, что ВВЦС воспринимался принявшим его донским духовенством как легализация «Православной Тихоновской Церкви, возглавляемой Местоблюстителем Патриаршего Престола Митрополитом Петром Крутицким вкупе с Высшим Церковным Советом», которая теперь приобретала возможность «свободного» развития в советском государстве (294). Собрание утверждало идею, что ВВЦС и его структуры на местах остаются верны заветам патриарха Тихона, а сопротивление им создаёт новый раскол на радость обновленцам, самосвятам и прочим раскольникам и сектантам.

На съезде присутствовали представители Ростовского епархиального совета протоиерей А. Гурич и Валентин Иванович Чунихин, которые просили митрополита взять Ростовскую епархию под своё управление, что и было исполнено, и таким образом, обе григорианские епархии – Донская и Ростовская объединились под управлением митрополита Митрофана. В этот лагерь вошла часть необновленческих благочиний, и таким образом ущерб, нанесённый политике по расколу Церкви деятельностью епископа Захарии (Лобова), был частично устранён. Товарищами председателя на съезде избрали прот. И. Золотарёва и прот. И. Ар-

темьева, секретарями – прот. В. Мартинова и мирянин Павла Михайловича Коробейникова (295). Таким образом, в лагере григориан мы видим как некоторых противников обновленцев (Золотарёв, Артемьев), так и вынужденных агентов ОГПУ (А. Гурич). Всего съезд объединил 55 представителей духовенства и мирян.

Были и сомневающиеся в рядах собравшихся. Мирянин Быкадоров выразил недоумение по поводу причин расхождения ВВЦС с митрополитом Сергием. Ему были даны какие-то разъяснения, после чего прения решили по этому вопросу прекратить (296).

Особое внимание съезда привлёк вопрос о Каменском викариате, которым управлял епископ Иннокентий. В предшествующие годы оно заняло важное место в Донской церковной жизни и не выходило из подчинения митрополита Митрофана, сохраняя, таким образом, свою независимость от обновленцев. Было решено временно оставить викарную кафедру в Каменске, не переводить её в Новочеркасск. Такому решению послужила необходимость более эффективного противостояния усиливающимся в Каменске обновленцам, которые учредили обновленческую епископскую кафедру в этом городе. При этом Каменский викарный обязывался один раз в две недели приезжать в Новочеркасск на три дня. На съезде было принято решение о ходатайстве через ВВЦС перед ВЦИКом Украины о праве посещения Донским викарным приходов на территории Украины, ранее входивших в состав Донской епархии и непосредственно прилегавших к Каменскому благочинию. На этих территориях были особенно сильны обновленцы, а также распространились самосвяты и иоанникиевцы (297). Можно убедиться, что планы государственной власти по дроблению Церкви на мелкие враждующие группировки в значительной мере воплощались в жизнь. Следует несколько слов сказать и о священнике Александре Гуриче.

В 1927 г. на него было заведено дело, которое рассматривалось во внесудебном порядке тройкой при Секретном отделе ОГПУ (298). Гурич обвинялся в том, что, будучи секретным сотрудником ОГПУ, «расконспирировал» свою работу, разглашал сведения «о полученных в ПП заданиях в области церковной политики и о предстоящих ему репрессиях в случае невыполнения этих заданий». Сотрудничество с ОГПУ он начал в 1922 г., был завербован Секретным отделом ПП ОГПУ как спецосведомитель, а подписку дал в 1924 г. (299). Гурич казался органам ценным «сотрудником», поскольку обладал большим авторитетом среди прихожан и духовенства. Отец Александр был практикующим врачом, и как «исцеляющий немощи» стал известен далеко за пределами епархии (300). Покровский приход г. Ростова-на-Дону должен был стать по задумке ОГПУ центральным приходом ВВЦС на Северном Кавказе (301). Однако, не всё было так просто. Гурич действительно получил задание ввести в богослужение церковное поминовение митрополита Митрофана, то есть признать его как главу церковного управления, и удержать Покров-

скую церковь в юрисдикции ВВЦС. Но это задание он не выполнил. На допросе священник по этому поводу сказал: «Объясняю я это тем, что мне как члену Ростовского епархиального совета было совершенно очевидно, что ВВЦСовское течение не сможет охватить всей епархии и поэтому я не хотел очутиться в нелепом положении, поддерживая ту ориентацию, которую остальные церкви не будут поддерживать» (302). По его показаниям, шесть церквей епархии поддерживали митр. Митрофана, но не поминали его и не имели отношений с митрополитом. Очевидно, что церковный народ сомневался в правильности признания церковного руководства за ВВЦС. 22 мая 1927 г. состоялось собрание общины Покровской церкви, посвящённое вопросу о юрисдикции, от участия в котором Гурич уклонился, но высказал мнение, что «нужно помянуть Митрофана» (303). Затем Гурич побывал в Москве у митр. Сергия (Страгородского) и узнал, что тот легализован. По возвращении он сообщил об этом причту и распорядился не помянуть митр. Митрофана. При этом поминовение епископа Арсения (Смолеца) в церквях сторонников григориан не прекращалось, его считали правящим епископом епархии. После этого Гурич был вызван уполномоченным СО ДОГПУ, где ему снова настойчиво предложили помянуть Митрофана: «Или Вы завтра будете помянуть Митрофана или приходите в ГПУ с вещами» (304). На следующий день Гурич отслужил службу, так и не помянув митрополита, и прощаясь с причтом, сказал: «... уйду садиться в ГПУ, так как отказался помянуть Митрофана».

По мнению следствия Гурич открыто говорил также, что не хочет быть больше «чекистом», «надоело ломать комедию, обманывая народ и разыгрывая из себя шута», говорил, что идёт в ГПУ «садиться», потому что «сорвал митрофановщину». Но сам он эти обвинения отверг (305). В итоге Гурич получил 3 года концлагеря, а в 1931 г. Особым совещанием Коллегии ОГПУ был сослан в г. Архангельск (306).

Очевидно, что григорианский раскол казался слишком сомнительным для церковного народа, к 1927 году он уже буквально разваливался. Удерживала его только поддержка госвласти при непосредственном участии ОГПУ. В борьбе за приходы местные власти, как правило, принимали сторону обновленцев или григориан, но нередко выносили решения и в пользу канонических групп верующих. Документы свидетельствуют, что таким способом власти продолжили свой политический курс на разложение Церкви. В 1928 г. Секретариат ВЦИК рассмотрел ходатайство «староцерковной» общины станицы Пашковской Северо-Кавказского Края о предоставлении ей одной из двух имеющихся в станице церквей. Крайисполком отклонил требование общины на основании того, что обновленцев в станице несколько тысяч, а староцерковников только 400 человек. Секретариат ВЦИК отменил это решение и удовлетворил ходатайство общины. Представитель СКК во ВЦИКе Ф.М. Зявкин объяснил в Северо-Кавказском крайисполкоме мотивы постановления: решение принято

«не по формальным только основаниям, а по соображениям принципиального характера, которые Крайисполкому придётся учитывать в будущем при разрешении аналогичных споров». Эти «соображения» заключались в том, что в Крае обновленцы всегда получали поддержку власти в борьбе со «староцерковниками», но не всегда такая поддержка признавалась целесообразной. В записке Зявкина выражена цель постановления «о равномерном распределении приходов»: «Товарищи Смидович и Полуян (307) высказывались определённо – если религиозные течения имеются, то чем больше вер, чем больше между ними трений и споров, тем лучше... нет надобности ослаблять старотолковцев путём изъятия от них церкви в пользу обновленцев, тем более, что изъятие церкви неизбежно вызывает организацию новых молитвенных домов в частных домах, куда пускать их совсем не следует» (308). Очевидна фальшь первых лозунгов, брошенных советской печатью в знак одобрения и поддержки обновленческого движения, о том, что это

«борьба передового духовенства с монархизмом в церкви». Не обновленческая церковь была нужна власти большевиков, а только тот раскол, который она вызовет своим появлением. Но время усиленной помощи обновленцам прошло. Теперь необходимо было поддерживать тот результат, которого с их помощью удалось достичь. Власти не желали усиления обновленцев, нежелателен был и переход на подпольное положение патриарших общин, поскольку, таким образом они уходили из-под контроля.

Полученный донскими исполнительными органами власти циркуляр Президиума ВЦИК «по вопросам религиозного культа» от 25 мая 1925 г. поддерживал ту же линию и обращал особое внимание на то, что «при распределении церковных помещений какого-либо культа между религиозными течениями этого культа (например, православные обновленцы и староцерковники) следует по возможности распределять помещения соразмерно количеству верующих каждого течения в данной местности... Не следует допускать, чтобы верующие того или другого течения были лишены возможности исполнять свои обряды, как это имело место в последнее время особенно на окраинах (отдельные места Сибири, на Дальнем Востоке, в Туркестане и Кавказе)» (309).

Несмотря на стремление политической власти страны к разделению, дискредитации и лишению Церкви материальной базы, в расчёте таким образом свернуть её деятельность, приходилось констатировать высокую религиозность населения. В 1924 г. Дзержинский писал тревожную записку в политбюро ЦК РКП(б), ссылаясь на данные ОГПУ о состоянии и политических настроениях крестьянства в связи с перспективой голода в ряде районов, в том числе и в Донской области и на Кубани (310). В записке он отметил, что крестьянское движение в деревне, рост его политической активности, сопровождался «широкой волной религиозных настроений». Оказавшись перед угрозой неурожая, крестья-

яне в массовом порядке прибегли к помощи Церкви, они приглашали духовенство для молебнов с освящением полей. В Донской области отмечалось озлобление народа из-за действий ячеек РКП и волисполкомов, запрещавших крестные ходы. Дзержинский отметил и усиление авторитета, по его выражению, «реакционного духовенства», очевидно, имея в виду необновленческое православное духовенство (311).

По данным отчёта Донской прокуратуры за 1925 г. росли численность верующих и благосостояние общин как канонического, так и обновленческого толка. Причём, по данным того же отчёта заметно усиливалось влияние канонического духовенства в глазах населения (312).

В сводках 1928 г. Лубянка докладывала Сталину о политическом положении на местах, в частности, по Северокавказскому краю: «За отчетное время необходимо отметить значительный рост религиозных настроений и религиозно-антисоветской активности». В подтверждение приводился показатель благосостояния – «во время одного из церковных праздников в церкви было собрано 1200 руб.» (313). Открыто и выражено проявляло религиозное настроение казачество. По станице Дурновской Хоперского округа, которая находилась в пределах прежней области Войска Донского, сообщалось:

«Приехавшего в станицу митрополита Константина Сталинградского крестьяне встречали с хлебом и солью, причем два казака вышли в полной казачьей форме с орденами, погонами и саблями. У церкви была прибита доска с надписью: "За веру, царя и отечество жизнь свою положивших офицеров и казаков" (далее идут фамилии). В связи с усилением религиозности зарегистрированы факты массовых выступлений верующих» (314).

По данным ОГПУ особенно высоким был авторитет канонического духовенства и монашества в середине 1920-х годов у казаков-крестьян (315). Это можно объяснить рядом обстоятельств.

Во-первых, представители РКП(б) ещё с начала 1920-х годов не пользовались особым авторитетом у основной массы местного казачьего населения. К середине 1920-х повстанческое движение ушло, несмотря на все старания советской власти по «перетаскиванию» казаков на свою сторону, они сохраняли «угрюмое», выжидательное и скрыто враждебное отношение: казаки чувствовали себя побеждёнными «иногородней» коммунистической советской властью – властью иногородних (316). Сотрудничающие с этой властью обновленцы и григориане, соответственно, не могли пользоваться признанием и уважением казаков.

Несмотря на продекларированную высшей государственной властью политику «лицом к казачеству», на местах положение казаков почти не изменялось, местные власти продолжали относиться к ним как к контрреволюционерам и бандитам. Показательно в этом отношении письмо, посланное в 1925 г. казаком кубанской станицы Кабардинской В. Бороденко председателю Северо-кавказского краевого комитета

партии А.И. Микояну, в котором тот жаловался, что власти «красиво говорят и пишут, а на деле ничего нет». Одобряя речь Микояна «Партия и казачество», в которой Анастас Иванович заявил, что казакам, поддерживавшим белых, теперь нужно дать равные с другими гражданами права, казак писал, что «на местах и до сего времени практикуются чуть ли не 1920-21 гг. по отношению к казачеству», казаки по-прежнему рассматриваются как «контрики-бандиты» (317).

Анализ статистических документов крайисполкома показывает, что на начало 1920-х гг. только 32,4% членов волостных исполкомов были партийными (318). По результатам перевыборов в советы в феврале 1921 г. членов партии было избрано только 17 %; из 1702 членов советов 1240 чел. были беспартийными и даже не сочувствующими партии (319). В марте 1921 г. в советы было выбрано партийных всего 8,7%; 4263 чел. были беспартийными и даже, как отмечалось, не сочувствующими партии (320). Донком РКП(б) предпринял подготовительную кампанию к перевыборам в советы, стремясь переломить эту тенденцию. Были составлены списки партийных товарищей, которые «обязательно должны быть проведены в горсовет от РКП», причём, их необходимо «проводить по избирательным единицам, не допуская списков общерайонных». Ставилась вполне определённая задача: «Ввести в горсовет 70% коммунистов и 30% беспартийных, включая комсомольцев» (321). В 1925 г. политика «лицом к деревне» и «лицом к казачеству» дала резко возросшую активность казаков по отношению к формированию органов местного самоуправления, казаки стали принимать активное участие в перевыборах в советы (322). Но это принесло результаты, на которые власть не рассчитывала. В возросшей активности казачества проявились протестный и религиозный компоненты. Планам Донкома не суждено было сбыться, перевыборы в советы 1925-1926 гг. дали неприятный для него результат. Секретный отдел ОГПУ докладывал, что членам ВКП(б) помешали представители церковных советов и верующие, главным образом из казаков, «исключительно тихоновской» или «сергиевской ориентации» (323). Они единодушно заблокировали все списки кандидатур от фракций ВКП(б). В результате в ряде мест в советы были избраны члены православных приходских советов, на которых казаки возлагали надежды, что они «смогут по-настоящему защищать интересы Церкви». Докладная записка начальника Секретного отдела ПП ОГПУ на Северном Кавказе сообщала о ряде характерных случаев (324). Во время выборов раздавался возглас: «Голосуй, ребята, это наш!» И данный человек избирался в совет. Участниками выборов выдвигались также лозунги: «Советы без коммунистов», «Объединение для защиты прав Церкви и казачества». Активность проявляли в основном зажиточные казаки и крестьяне, бедняки же – безразличие и разобщённость. Отмечалось значительное влияние новоизбранных членов советов на работу советского аппарата на местах. Данная ситуация была охарактеризована как типичная для ряда округов

Северного Кавказа (325). События показали, что для верующих казаков представители коммунистической партии и советской власти воспринимались как враги Церкви и казачества, попирающие гражданские права казачьего населения. Они применяли в данном случае своеобразную, «демократическую», форму сопротивления – проводя в советы «своих» людей, казаки использовали ресурс современной им советской государственной системы для своих целей и, по сути, против неё самой. Ситуация с выборами в советы привела к ослаблению позиций большевиков в деревне и в значительной мере стала причиной свёртывания политики «лицом к казачеству» (326).

Во-вторых, следует отметить, что регистрация «тихоновских» общин почти не допускалась, они существовали полулегально. Явные гонения, притеснения от власти и противостояние обновленчеству укрепляли авторитет «тихоновцев» как страдающих за веру и ещё более усиливали недовольство советской властью (327).

В-третьих, на рост авторитета «тихоновского» духовенства среди казачества и крестьянства Дона (что также справедливо и для других районов Северного Кавказа) повлияло и то, что в 1927-1928 гг. в период «чрезвычайных хлебозаготовок», в начале 1930-х гг. во времена «сплошной коллективизации» и позже духовенство участвовало в сопротивлении бесчеловечной политике советской власти на селе, с риском для свободы и жизни становясь на сторону казачье-крестьянского населения, открыто протестуя против тех или иных мероприятий власти. В протестах участвовало каноническое «тихоновское» духовенство, что неоднократно отмечалось в сводках ГПУ. О протестах обновленцев ничего не говорилось, их отсутствие вполне логично и объясняется полной лояльностью этой группы советам, одобрением всех действий власти.

Недовольство хлебозаготовительной политикой негативно сказалось на отношении местного казачье-крестьянского населения к советской власти в целом. Населённые пункты Дона и Кубани фигурировали в сводках о политической ситуации на местах как зачинщики столкновений с властью, протестов, акций неповиновения. В сводке ОГПУ 1927 г. о ходе хлебозаготовительной кампании на Северном Кавказе отмечалось, что именно «тихоновские попы» в различных округах вели агитацию против кампании советской власти (328). Показательны примеры: «Шахтинско-Донецкий округ. В хут. Кубковом Морозовского района церковный совет во главе с попом, узнав, что сельсовет собирает собрание по хлебозаготовкам, срочно созвал заседание совета и постановил устроить крестный ход на поля, этим самым отвлечь всех граждан от участия в собрании. В результате собрание было сорвано, так как население всё ушло с крестным ходом. Выйдя в поле, один из членов церковного совета, обращаясь к собравшимся, заявил: "Советская власть хочет нас задушить голодом, вот почему она так усиленно забирает хлеб, но мы хлеба не должны им дать".

Таганрогский округ. В Ряженском сельсовете местный священник систематически ведёт агитацию против хлебозаготовок, собирая возле себя бедноту и уговаривая их не слушаться антихристов-коммунистов» (329).

Сводки 1929 г. продолжали сообщать о повсеместно наблюдавшейся активности духовенства, «ведущего агитацию против хлебозаготовок» (330). Кроме того, протесты были вызваны и собственно религиозными причинами, чаще всего закрытием церквей (331). Сообщалось о массовых выступлениях крестьянства против антирелигиозной кампании, снятия колоколов, в защиту духовенства, подвергаемого различным притеснениям. В Кубанском округе была обнаружена листовка, в числе прочего призывавшая потребовать от правительства отчёта: «Куда дели все ценности из церквей» (332).

1929 г. был отмечен значительным ростом массовых волнений. Если по данным ОГПУ в 1926-1927 гг. в СССР было зарегистрировано 63 таких факта, в 1928 г. – 709, то в 1929 г. – 1190 (333). Причём, массовые протесты «на религиозной почве» занимали одно из ведущих мест в протестном движении на протяжении всего 1929 г. В сводках ОГПУ отмечалось: «Такие выступления, как правило, вдохновляют служители религиозного культа, члены религиозных советов. Провоцируя во многих случаях на участие в этих выступлениях основные слои деревни, используя при этом моменты головоуятия местных работников, перегибы в антирелигиозной работе...» (334). Наибольшую группу участников массовых протестов представляли женщины, нередко они проходили под руководством женщин. Основными причинами «женских» выступлений были хлебозаготовки и религиозные мотивы. В частности, женщины выступали в защиту духовенства, ущемляемого хлебозаготовками. По данным ОГПУ с января по июнь 1929 г. в стране из зарегистрированных 520 случаев массовых волнений 241 был вызван хлебозаготовительной политикой, 115 – религиозными мотивами, 71 – продовольственными затруднениями, 38 – политикой землеустройства (335). Таким образом, религиозный мотив был одним из основных компонентов протестного движения в деревне.

К концу года в связи с тем, что хлебозаготовки были прекращены, выступления, связанные с ними стали резко уменьшаться, но протесты по другим причинам, в первую очередь в связи с коллективизацией и на религиозной почве, продолжали находиться на прежнем уровне, а в некоторых районах их число стало расти (336). В целом, в 1929 г. выступления на почве коллективизации заняли третье место после протестов против хлебозаготовительной политики и по религиозным мотивам.

С началом насильственной коллективизации сводки стали сообщать о совместном противодействии «кулаков» и духовенства политике власти. Агитация против колхозов основывалась на тезисах, что «колхозы – новый вид коммунистического рабства», «новое ярмо для хлеборобов, там будет советская барщина» (337). С особой силой протестные

и даже повстанческие настроения распространились в казачьих районах Северного Кавказа. Здесь в противоколхозной агитации религиозный мотив был наиболее выраженным. Противники колхозов были уверены в неизбежной «гибели религии и веры при коллективизации», считали, что коллективизация неизбежно повлечёт «сплошное закрытие церквей», «бытовое разложение, разврат, господствующий в колхозах» (338). В результате даже беднота в ряде мест отказывалась от вступления в колхозы. Своеобразной формой протеста стало вступление в колхозы в надежде повлиять в дальнейшем на движение коллективизации. Так, в Донецком округе противники коллективизации организовали колхоз под красноречивым названием «Безвыходное положение» (339). Сводки ОГПУ сообщали: «По Вешенскому району Донецкого округа попы принимают активное участие в кулацких группировках, ставящих себе целью срыв коллективизации». Отмечалось, что священники во время богослужений выступали с проповедью против колхозов, утверждая, что «колхозы – крепостное право и гонение на веру» (340).

Таким образом, сельское духовенство поддержало народное протестное движение против политики власти на селе, что было интерпретировано властью как «резкое обактивление церковников и сектантов», «выступление служителей религиозного культа в качестве руководителей контрреволюционных образований», «превращение церковных советов в центры контрреволюционных образований», «срастание церковников и сектантов... с контрреволюционными и бандитскими элементами» (341).

Потребовались репрессии. По данным ОГПУ, итогом его борьбы с «контрреволюцией в деревне» в 1929 г. стал арест 95 208 человек (342), на местах в следственном производстве находились дела на 56 426 чел. (343). Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса от 2 февраля 1930 г. провозглашал «историческую задачу» пресечения какихлибо попыток «кулака» сопротивляться советской политике на селе, в особенности в районах сплошной коллективизации (344). Предусматривалась «ликвидация кулака» и массовое выселение вместе с семьями с конфискацией имущества. К разряду «активно действующих кулацких элементов» подлежащих «ликвидации», которая подразумевала заключение в концлагеря и высшую меру наказания, были отнесены в числе прочих «кулаки – активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя». Был разработан план на «изъятие при операции» кулацкого «контрреволюционного элемента». Из районов Северного Кавказа и Дагестана планировалось ликвидировать 6-8 тыс. человек. Арестованные препровождались в окружные и областные отделы ОГПУ, следствие по их делам заканчивалось в кратчайшие сроки, а решения принимались во внесудебном порядке специально созданными тройками при региональных полномочных представительствах ОГПУ, в которые входили представители крайкомов ВКП(б) и прокуратуры. Семьи арестованных выселя-

лись в северные районы. В другую категорию – подлежащих выселению – также были отнесены «церковники». Одним из первых районов, запланированных ОГПУ для проведения кампании по выселению «кулаков» и их семейств, был Северный Кавказ. Из выселяемых всех категорий по «разнарядке», составленной чекистами, 23 тыс. должны были отправиться на Урал, 5 тыс. – в Казахстан. Операция планировалась как срочная, с мерами предосторожности, поскольку власти опасались массовых протестов и даже возможных восстаний – в принципе, вполне логичного ответа на подобную антинародную политику руководства страны.

Статистика по религиозности населения данного периода крайне ненадёжна, что признавали сами власти. Подсчёт велся приблизительно. Так, к числу безрелигиозных относили всех членов и кандидатов в члены партии и комсомола, учащихся и преподавателей высших учебных заведений, врачей, учителей, агрономов и т.п. (345). По данным такого подсчёта выходило, что в 1926 г. на 7 405 317 чел. населения Северного Кавказа приходилось 765 982 чел. неверующих, то есть 10 % населения. Остальные считались верующими. Таковы официальные данные Северокавказского крайкома партии. К численности «антирелигиозного актива» были отнесены 210 125 чел., в том числе 782 представителя профессуры, с оговоркой, что всё же 25 % из них верующие (346). «Религиозный актив» по данным крайкома насчитывал 186 820 чел., в том числе 4 305 представителей духовенства всех исповеданий, 1889 монахов.

Численность религиозных учреждений представляется более надёжной, т.к. все они проходили регистрацию. По данным крайкома религиозных учреждений всех типов на Северном Кавказе насчитывалось 7 703, из них 1817 (347) церквей всех исповеданий, в том числе 1661 православная, 50 лютеранских, 47 армяно-григорианских, 43 старообрядческих, 16 католических, а также 25 монастырей, в том числе 23 православных, 1644 мечети, 40 синагог, 909 сектантских учреждения и пр. (348). Сводка представленных данных сопровождалась сведениями о количестве антисоветских выступлений. По всей видимости, приводились данные о выступлениях на религиозной почве, по округам Северного Кавказа. Всего на 1 января 1926 г., однако, не ясно, в течение какого периода, было зарегистрировано 303 подобных выступления.

Результатом политики власти по разложению Церкви стало следующее соотношение канонических, григорианских и синодальных общин в пределах Северокавказского края:

Соотношение канонических (тихоновских) и синодальных (обновленческих) общин на Северном Кавказе по данным Северокавказского краевого комитета ВКП(б) на 1 января 1926 года (349)

Тихоновцы	Синодалы
-----------	----------

«Новая и новейшая история», «Новейшая история Русской Православной Церкви»

Епархий	3	9
Церквей	727	934
Церковных советов	728	933
Духовенства	1916	2165
Монастырей	22	1
Монахов в монастырях	727	30
Монахов «бродячих»	972	38

Соотношение канонических, синодальных и григорианских общин на Северном Кавказе по данным сводки Полномочного Представительства ОГПУ СКК на 15 октября 1926 года (350)

	Тихоновц	Синодал	ВВЦ
	ы	ы	с
Митрополий	–	1	–
Епархий	3	8	2
Церквей	545	960	219
Церковных советов	545	951	219
Духовенства	1633 (351)	2159	330
Монастырей	23	1	1
Монахов в монастырях	750	30	80
Монахов «бродячих»	972	146	–

Исходя из этих данных, численность храмов канонических общин за первое полугодие 1926 г. значительно снизилась до почти двукратного превосходства обновленческих церквей. При том, что численность духовенства на начало 1926 года была сопоставимой, в середине года она уже заметно отличалась в сторону преобладания обновленцев, численность которых почти не изменилась. Но в это же время явно проявил себя григорианский раскол, который поддержала часть необновленческого духовенства. Этим и следует объяснять снижение численности «тихоновского» духовенства.

Практически всё монашество Северного Кавказа поддерживало каноническое священноначалие, что вполне логично – одной из характерных идей обновленчества был антагонизм по отношению к монашеству. Странствующие и проповедующие в сельской местности монахи, которые лишились своих монастырей, стали активными борцами с обновленцами-раскольниками. Данные свидетельствуют в пользу того вывода, что несмотря на всю поддержку власти, преимущественную передачу храмов, обновленцы в пределах всего Северного Кавказа были в качественном отношении слабее, опирались в основном на административный ресурс власти, а не на искреннее сочувствие основного числа духовенства и мирян (352). Представляется, что их главным преимуществом, позволяющим привлекать массы верующих, было легальное существование. Григорианский раскол (ВВЦС) имел наименьшую численность и популярность, тем не менее, в период своего появления, который приходился на первое полугодие 1926 г., он занял ¹⁴⁴довольно значительное место в

церковной жизни Северокавказского края.

Центральные и епархиальные органы управления Российской Православной Церкви находились вне закона. Зарегистрированный в 1922 г. обновленческий раскол и представлял для власти законно существующую православную иерархию. Создавалась опасность подмены Церкви искусственно созданным двойником. Поворотным пунктом в отношениях Церкви и советской власти стал 1927 г., когда заместителю патриаршего местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) (353) ценой уступок, наконец, удалось получить долгожданную регистрацию центрально-го и епархиального церковных управлений.

Если весь предыдущий период оставшаяся верной патриарху Тихону Церковь с точки зрения государственного законодательства являлась полулегальной организацией со всеми вытекающими отсюда последствиями, то теперь ситуация изменилась. Ростовские обновленцы почувствовали угрозу. В начале заседаний ростовского обновленческого епархиального съезда духовенства и мирян 1927 г. было отмечено: поскольку Ростов-на-Дону – центр северокавказских обновленцев, то нужно ожидать вскоре, что сюда

«тихоновцы в связи с получением ими легализации, направят все свои усилия для разрушения синодальной ориентации» (354).

Борьба между Церковью и обновленцами вылилась в борьбу за приходы. Документы советских органов власти 1927–1928 г. отражают процесс перераспределения приходов между общинами разных толков в Донском, Кубанском, Армавирском, Сальском, Терском и др. округах Северокавказского края. Как канонические, так и обновленческие общины обращались с ходатайствами в местные исполкомы о передаче им того или иного храма. Окончательное решение принимал крайисполком. По каждому случаю власти рассматривали комплекс документов: 1) докладная записка административного управления Северокавказского крайисполкома в Президиум КИКа с ходатайством об утверждении им того или иного решения по передаче храма, в котором указывались основания такого решения; 2) заключение юрисконсульта крайисполкома; 3) проект постановления Президиума КИКа на основании заключения юрисконсульта; 4) материалы, предоставленные окружными исполкомами. Последние содержали информацию, необходимую для обоснования решения: о количестве храмов в населенном пункте, их величине, принадлежности тому или иному течению, количестве верующих обновленческого и канонического толка. Таким образом, дело распределения приходов между различными группами ставилось под жесткий систематический контроль краевой власти. Юрисконсульт крайисполкома тщательно следил за соблюдением данного постановления и корректировал действия власти на местах.

По представленным местными исполкомами краевому сведе-

ниям о ситуации в городах Ростове и Нахичевани-на-Дону, Азове, Краснодаре, Грозном и ряде населенных пунктов СКК следует, что обновленцы значительно превосходили канонические общины по численности верующих. Например, в селе Воронцово-Николаевском Сальского района обновленцев было более 3 тыс. чел., численность верующих канонической общины характеризовалось как столь незначительное, что она фактически распалась (355). В ст. Архангельской Кубанского округа соответственно 4,5 тыс. и 300 чел., в ст. Тихорецкой того же округа – 6 тыс. и 651 чел. (356). Однако, по замечанию юрисконсульта крайисполкома, некоторые из предоставленных окружными исполкомами данных сомнительны, не обоснованы и неточны (357). В отдельных случаях, окружные исполкомы ссылались на списки общин, и тогда подсчёты представляли совсем иной результат. Так, в хуторе Сухой Армавирского округа обновленческая община, которая располагалась храмом, насчитывала 65 чел., община «староцерковная» – 87 чел. (при этом власти не находят оснований передать храм канонической общине) (358).

Большинство церквей в 1927-1928 гг. в районах Северного Кавказа (в основном на Дону и Кубани) принадлежало обновленцам, канонические общины имели главным образом только молитвенные дома. Из 52 храмов, находящихся в 23 населенных пунктах, о которых в архивных делах сохранились точные сведения, общины «староцерковной» ориентации обладали 7-ю. В основном только в крупных городах выявляются храмы, принадлежащие «тихоновцам». Согласно имеющимся данным, например, в г. Краснодаре в 1928 г. у обновленцев было 12 храмов, у канонических общин 2 храма и 2 молитвенных дома. Президиум ВЦИК по просьбе верующих предложил крайисполкому предоставить Крестовоздвиженскую церковь «тихоновской» ориентации, но юрисконсульт дал заключение, в котором выразил опасение, что если этот храм, насчитывающий 4,5 тыс. прихожан и являющийся «оплотом обновленческого течения на Кубани» будет изъят, то это решение может вызвать церковную смуту (359). Интересно, что в другом случае был передан храм г. Нахичевани-на-Дону (Алекса́ндро-Невский собор, 1927 г.) общине обновленцев численностью 71 чел., поскольку данная община была оценена властями как многочисленная (360).

В большинстве случаев Крайисполком находился на стороне обновленцев, вынося решения в их пользу, отказывая каноническим общинам в предоставлении храма по разным причинам: малочисленности общины, отсутствия причин для расторжения договоров с обновленцами и т.д., при этом находились множество формальных поводов для расторжения договора с каноническими общинами по требованию обновленческих групп. Юрисконсульт крайисполкома сдерживал передачу всех храмов обновленцам, постоянно напоминая, что это противоречит постановлению ВЦИК «о равномерном распределении приходов» (361).

Задачи антирелигиозной политики власти были неизменны –

разрушение Церкви изнутри, которое осуществлялось созданием компрометирующих конфликтных ситуаций, подрывающих её авторитет среди населения. Не только храмы распределялись между группами верующих различных юрисдикций, в 1930-е гг. заметно выросла тенденция деления между ними частей одного и того же храма. Так, в 30-е годы одна треть Ростовского кафедрального собора принадлежала канонической общине, другая – обновленцам, и третья – григорианам (362).

Рассмотрим примеры того как административное вмешательством в жизнь приходских общин создавались условия для смут и конфликтов.

Обновленческая община в Александро-Невском храме г. Шахты была зарегистрирована в 1924 г., но в последствии приход вернулся в лоно патриаршей Церкви, что, возможно, было связано с кризисом в тот момент обновленческого движения на Дону. Поскольку было усмотрено нарушение устава и договора, последний в соответствии с постановлением Северокавказского краевого исполнительного комитета в 1928 г. был расторгнут, храм изъят у прежней общины для того, чтобы перейти «в пользование надлежаще организованной и оформленной религиозной общины староцерковников (тихоновской ориентации)» (363). 15 октября 1928 г. был зарегистрирован устав общины Александро-Невской церкви «Греко-Восточного исповедания староцерковной патриаршей ориентации...». Но 5 ноября на основании заявления общины об уточнении ориентации в этот документ была внесена поправка: «...имеющей своим высшим церковно-административным органом временный высший церковный совет» (364). Таким образом, община, владеющая храмом, подчинялась григорианскому ВВЦС, а не Московскому Патриархату под управлением митр. Сергия (Страгородского) как могло показаться на первый взгляд. Приход вошел в состав григорианской

«Новочеркасской Донской епархии» (365). Но уже 5 сентября 1929 г. группа прихожан в количестве 76 чел. направила новое прошение, теперь уже обновленческому архиепископу Николаю о переводе их общины в обновленчество (366). Очевидно, что на приходе постоянно велась борьба.

Введенский храм станицы Усть-Белая Калитва Шахтинского округа был разделён между общинами канонической и григорианской ориентаций, зарегистрированными на данном приходе. События протекали следующим образом. Верующие, назвавшие себя «верными Донскому Митрополиту Митрофану» (367), то есть григориане, в 1932 г. просили Шахтинский РИК предоставить им один из 3-х престолов храма (368). Представители ВВЦС в данном случае, как и обновленцы, пытались настроить власти против канонической общины, обвиняя её в нелояльности советской власти: «В 1928 г. небольшая кучка зажиточных граждан во главе бывших купцов и спекулянтов захватили в свои руки управление Белокалитвинским храмом. Склонили на свою сторону большинство прихожан, откололись от Донского митропо-

Митрополита Сергия. Мы, оставшиеся верными Донскому Митрополиту и не пошедшие в Сергиевщину, так как Митрополит Сергей целый год уклонялся от легализации гражданской властью, на основании существующего законоположения просим выделить нам один придел-престол из трех» (369). Ответственный секретарь райисполкома Левицкий 23 февраля сообщил белокалитвинскому сельсовету, что при передаче престола должен быть заключен договор, форма которого будет выслана РИКом (370). По договору между представителями течения ВВЦС и общиной юрисдикции митрополита Сергия первые получили главный Введенский придел храма, а вторая – Ильинский и Никольский. Была установлена очередность богослужения: представители ВВЦС служили 1 неделю, а представители патриаршей Церкви – 2 недели. Соответственно было разделено имущество прихода (371).

Как и следовало ожидать, договор, навязанный общине местным исполкомом, вызвал сопротивление со стороны последней. Вскоре, ответственному секретарю Шахтинского райисполкома поступила жалоба протоиерея Николая Касьянова, который по распоряжению григорианского архиепископа Каменского Иннокентия прибыл в приход вновь зарегистрированной общины, но к службе в церкви его не допустили, дверь оказалась заперта. Затем последовал скандал между представителями общин. Касьянов требовал от местного РИКа передачи всего храма ВВЦС по причине неоднократных нарушений «сергиевцами» договора – очередности служб (из-за чего с разрешения белокалитвенского стансовета «стали служить по понедельно с сергиевцами»), а затем и отказа впускать представителей ВВЦС в храм. Представителей патриаршей Церкви обвинили к тому же и во враждебности по отношению к советской власти (372).

Особым рубежом в жизни общин стал 1929 год. Известное постановление ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», поставившее общины перед необходимостью вновь пройти процедуру перерегистрации, облегчило регистрацию в 1930 г. ряда новых обновленческих приходов, активисты которых сразу же воспользовались ситуацией. Документы Шахтинского округа 1930-х годов дают представление о процессах создания раскольнических общин и перераспределения приходов между различными церковными юрисдикциями. На территории Шахтинского округа обновленцы вели активную деятельность по обращению общин в обновленчество. При церквях, входящих в юрисдикцию митрополита Сергия, они создавали «параллельные» общины. Происходило это так. В действующий приход представителями церковного управления направлялся проповедник, создающий новую группу верующих, которую немедленно регистрировали местные власти. Так на одном приходе вели законную деятельность общины различных течений, между ними по договору, составленному местным советом, распределялось имущество храма. Если какой-либо местный сельсовет препятствовал

такой деятельности обновленцев, Шахтинский РИК тут же разъяснял ему, что препятствовать обновленцам не следует, что это не верно, не соответствует советской политике.

В данный период наблюдается перемещение епархиального центра обновленцев на периферию, что можно объяснить слабостью обновленчества, которой способствовали и репрессии 1930-х гг. без различия церковной юрисдикции. В 1930 г. Покровский приход г. Шахты был зарегистрирован как обновленческий, он и стал кафедрой обновленческих архиереев Донской и Шахтинской епархии.

Итак, в период 1925-1930-х гг. продолжается деятельность власти по углублению разделений между верующими, разжиганию и поддержке юрисдикционных конфликтов. Обновленческий и григорианский расколы можно интерпретировать как попытку «фальсификации» Церкви созданием «параллельных» организаций. Всё это, конечно же, служило средством снижения авторитета Церкви и её ослабления дроблением на постоянно конфликтующие группировки, вынужденные существовать даже в условиях одного прихода. Однако население региона, особенно казаки, не расположенные к власти большевиков, не могли поддержать и ассоциированных с нею расколов. Несмотря на всё содействие местной власти обновленцам и григорианам, численное преобладание принадлежащих им приходов, реальным авторитетом и влиянием среди населения обладало каноническое духовенство, значительная часть которого не последовала за раскольниками.

Появление обновленческого раскола нельзя рассматривать как закономерный этап развития дореволюционного либерально-обновительского движения. Его появлением, развитием и распространением дирижировали Троцкий и Политбюро. На местах распространение раскола могло не иметь никакой связи с реформаторскими идеями.

Иногда одной из главных идей «советского» обновленчества, используя которую власть смогла расколоть Церковь, называют неудовлетворённость решениями Поместного Собора. Нельзя считать этот тезис справедливым в масштабах страны. В провинции, как показали ростовские события, этот механизм не работал: несмотря на то, что региональная советская пресса поспешила сообщить о готовящемся в Ростовской и Донской епархиях осуждении Поместного Собора ничего подобного так и не произошло. Обновленчество в пределах Донской области распространялось не как идейное движение, а как чисто конъюнктурное, искусственное. Духовенство, призванное играть ведущую партию, загонялось в раскол в основном методами ОГПУ, часть его представляла собой несостоявшихся обиженных прежней духовной властью карьеристов, но часть его представителей мечтала таким образом приспособиться к условиям советской действительности, добиться права на жизнь и определённого места в советском обществе. На местах же в расколе часто оказывались просто по инерции, из-за недостатка информации и дезориента-

ции в сложных изменчивых обстоятельствах. Вопреки распространённому организаторами раскола представлению о том, что обновленчество – это переход на позиции лояльности к советской власти, и противопоставлению его «контрреволюционерам» «тихоновцам», действительность была сложнее подобных схем. Как участие в расколе, так и сопротивление, не зависели от личных взглядов участников этих двух встречных движений, от их близости социалистическим идеям, от степени лояльности советской власти. Как в лагере донских обновленцев встречались бывшие монархисты, так и среди противников и критиков обновленцев были люди, близкие социалистическим идеям и идеям церковного реформирования начала XX в. При этом обвинения обновленцев в адрес своих оппонентов были политическими – в политической неблагонадёжности, – но обвинения в адрес самих обновленцев – главным образом каноническими.

Подводя итог, следует отметить, что прямым продолжением кампании по изъятию церковных ценностей и крупным мероприятием политики большевистской партии и советского государства в отношении православной Церкви явилась кампания по внесению раскола в среду православного духовенства. Проводилась она в форме организации движения за обновление Церкви, что способствовало внесению в эту среду принципиальных разногласий на догматической почве и оформлению обновленческого раскола. В донской печати с марта 1922 г. всячески противопоставлялось «прогрессивное духовенство», поддерживавшее изъятие церковных ценностей, «князьям церкви» с их «скардным отношением к церковной собственности». Проводилась идея политического расслоения православного духовенства. При поддержке властей уже с этого времени начался переход церковного руководства в руки обновленческого духовенства, которое ускорило после ареста патриарха Тихона. Обновленческое духовенство на Дону с мая 1922 г. получило трибуну в местной советской печати. В Ростовской епархии с целью отстранения прежних структур церковного управления был создан Исполнительный комитет по делам православной церкви. Временный комитет дал свою оценку Поместному Собору 1917-1918 гг., обвинив в стремлении усилить права епископата в ущерб свободной Церкви. Ставилась задача «обновления» всей внутренней жизни Церкви и реформирования богослужебной практики. Радикализм обновленцев на Дону не был поддержан основной частью духовенства, даже теми, кто перешел в его лагерь. При неясности вопроса о церковном управлении было решено усилить церковное самоуправление на местах. На ростовском епархиальном съезде духовенства и мирян в ноябре 1922 г., проводившимся при покровительстве властей, программа обновленцев встретила самое серьезное сопротивление представителей духовенства и мирян. На Дону обновленцы не оправдали ожидания властей, поскольку не удалось ни добиться осуждения Поместного Собора 1917-1918 гг., ни принятия канонических нововведений.

Сопротивление обновленчеству на Дону прошло два этапа.

Первый начался с весны 1922 г. и продолжался до конца этого года. Оно приняло самые разнообразные формы и вызывало репрессии против участвовавших в них священников и мирян со стороны государства. Второй продолжался до осени 1924 г., заключался в активной нелегальной деятельности «тихоновских» архиереев и завершился репрессиями против них.

С середины двадцатых годов в жизни православной Церкви действовали общины нескольких толков – традиционного, обновленческого и нового, григорианского, возникшего в конце 1925 г. и распространившегося на Дону с 1926 г. Этот раскол не пользовался поддержкой верующих и существовал при опоре на властные структуры, а также, можно допустить, за счёт авторитета митрополита Митрофана (Симашкевича), как борца с обновленчеством. К григорианам перешла небольшая часть канонического духовенства, оппозиционно настроенного к митрополиту Сергию (Страгородскому), но не признававшего и обновленцев. На первом этапе его численность составляла 8 % от общего числа представителей духовенства Северного Кавказа. В борьбе за приходы власть поддерживала обновленцев и григориан, но иногда выносила решения в пользу канонических групп верующих, усиливая тем самым в церковной жизни края путаницу и произвол и способствуя тем самым дальнейшему разложению Церкви. Борьбе государства с Церковью препятствовала высокая религиозность населения и высокий авторитет канонического духовенства, с чем властям приходилось считаться. К 1929 г. на Северном Кавказе, как и в других районах страны, усилилось протестное движение казацкого и крестьянского населения против хлебозаготовок и коллективизации, которое поддержало и духовенство края. Народ и духовенство поддерживали друг друга в протестных акциях и даже действовали совместно. Такое положение объяснялось органами власти в духе сталинской теории об обострении классовой борьбы по мере продвижения социализма и стало поводом для широкого развёртывания в стране репрессий. Наряду с «кулаком» как основным классовым недругом партии и правительства данного периода, репрессиям подверглись и «попы». С 1930-го г. целью репрессий стала «историческая» задача полной ликвидации враждебных сил в районах сплошной коллективизации, к которым относился и Северокавказский край.

ГЛАВА III. ПОЛИТИКА ДОНСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ЛИКВИДАЦИИ ПРИХОДОВ И ПОДАВЛЕНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РОЛИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СЕР. 1920 – 1930-Х ГГ.

§ 1. Массовое закрытие церквей и сопротивление верую-

щих на местах.

На протяжении 1920-1930-х гг. в политике советской власти по ликвидации основных структурных единиц Православной Церкви – приходских общин – можно выделить две ключевых вехи, повлиявшие на положение общин и процесс массового закрытия церквей в Советском государстве. Произошли они в 1923 и 1929 гг.

Цели создаваемой большевиками новой нормативно-правовой базы, призванной регулировать церковную жизнь на уровне прихода, недвусмысленно были высказаны в отчётном докладе Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) в Политбюро ЦК от 18 ноября 1922 г. Под заголовком «В области правовых мероприятий, облегчающих партии борьбу с религией и мистикой всех видов» сообщалось, что «Комиссия... рассмотрела проект положения о порядке регистрации религиозных обществ, ставящий целый ряд препон организации таких обществ во всероссийском масштабе» (1). Ликвидация Церкви через постепенное снижение числа приходов была основной целью власти, которой она оставалась верна на протяжении всего указанного периода. Однако тактика решения текущих вопросов антицерковной работы менялась.

Ряд особенностей политического момента побудил центральную власть перейти к так называемому «религиозному нэпу», признаком которого было смягчение тактики работы в области религиозной политики (2). Наконец, было признано, что верующие составляют «громоздкое большинство» населения страны, и практикующиеся методы борьбы с общинами на местах восстанавливают против неё значительную часть общества.

АРК в 1923 г. изменяет методы антирелигиозной работы, она считает, что «головотяпские методы агитации, поскольку они доходят до провинции, толкают местных партийных товарищей к эксцессам»: массовому закрытию церквей, незаконному расторжению договоров и др. (3). Наметился уход от административных методов борьбы с приходами, от нарушения правил при закрытии церквей. 15 апреля 1923 г. было принято Постановление Наркомюста с Инструкцией НКВД РСФСР «О порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых» (4), которое позволяло иметь свой устав и требовало для регистрации 50 человек в составе общества.

Но местные власти продолжали своеобразно реагировать на все распоряжения центральной власти, используя их для усиления давления на общины. После ликвидации Донской областной комиссии по отделению Церкви от государства, работой в области церковной политики продолжала заниматься ликвидационная комиссия. Ликвидкомы были созданы при гу-

рению, вызывая всплески недовольства населения продолжающимся террором церковных организаций. Росло недовольство рабочих и крестьян закрытием церквей, как по всей стране, так и в Донском регионе. До высшей государственной власти доходили сведения о волнениях на этой почве в Донецкой губернии, в которую входила тогда часть территорий Дона (города Таганрог и Шахты) (5).

Донецкий губернский ликвидком направил всем окружным ликвидкомам циркуляр № 191 от 23 июля 1923 г. следующего содержания: «Губликвидком предлагает в 2-х недельный срок проверить все религиозные общества вашего округа, имеют ли они зарегистрированные уставы в Губ[ернском] от[деле] Управления. С обществами, не имеющими зарегистрированных в Губернском отделе Управления... уставов, прекратить заключение договоров на пользование богослужебным имуществом и зданиями, все договоры, заключённые обществами, не имеющими уставов, расторгнуть. Все религиозные общества, не имеющие уставов, зарегистрированных указанным порядком, распустить, а имущество передать в Совнархоз» (6). Предписывалось во всех религиозных общинах, которые существовали без зарегистрированных уставов, выявить виновных и за нарушение закона об отделении церкви от государства привлечь их к уголовной ответственности (7). Шахтинский окружной ликвидком, получив циркуляр, внёс в его реализацию свои поправки. Имущество церквей в совнархоз не сдавалось, а печатывалось в здании церкви. Все 71 церковное общество были объявлены распущенными (8). Однако окрликвидком считал, что после предоставления общинами зарегистрированных уставов можно вновь заключать с ними договоры. Он пояснил такую свою позицию тем, что «если провести вышеуказанную Губликвидкомом работу в жизнь, и не делать ни малейшего отступления», это вызовет массовые волнения и недовольство населения, поскольку, «ни одна религиозная община не имеет зарегистрированного устава и все без исключения общины... по округу в настоящее время распущены» (9). Шахтинский ликвидком в связи с изложенными обстоятельствами запросил разъяснение у губернского по данному циркуляру (10). Вместе с тем, начался поиск виновных в отсутствии уставов для привлечения их к уголовной ответственности. В сентябре окрликвидком докладывал, что «отданы под суд...

33 религиозных общины» (11). По требованию верующих были даны 4 условных разрешения на открытие церквей. Общины подали уставы для регистрации, однако органы власти затягивали решение вопроса, что привело к нарастанию напряжения в настроениях населения и недовольство советской властью (12). Наконец, всё вылилось в массовый протест. 24 сентября 1923 г. возле одной из церквей г. Шахты собралась толпа верующих, большинство из них – женщины, которые требовали открыть церковь. Представители окружных ликвидкома и исполкома предложили решить вопрос с представителями общины, а всем остальным разо-

тись. Верующие не согласились, отняли у сторожа ключи, открыли церковь, и стали звонить в колокол. На звон стеклось порядка 500-600 человек. Посыпались угрозы в адрес представителей исполкома и милиции, предпринимающих усилия успокоить народ. Верующие собирались провести, по словам представителей власти, «религиозное шествие». Тогда милиция произвела несколько выстрелов в воздух, и это позволило освободить церковную площадь и церковь (13). На следующий день заседание ликвидкома с участием приглашенных представителей общин г. Шахты постановило открыть все три городские церкви, с условием, что в течение двух недель общины оформят это в законодательном порядке. Шахтинский окрликвидком докладывал, что после этого заседания «повалились со всех концов округа ходоки от религиозных общин с ходатайством об открытии их церквей», однако ликвидком не спешил с положительными решениями, допустив лишь небольшие уступки общинам, разрешив исполнять мелкие требы (14).

Поняв свою ошибку, губернский ликвидком продлил срок регистрации уставов и исполнения циркуляра №191 на один месяц. Разрешалось продлить старые договоры с общинами на тот же срок, а «верующим разъяснить, что храмы и молитвенные дома принадлежат не прихожанам, а государству, и что вместо угроз и демонстрации, которые всегда будут подавлены силой, им, если они считают себя честными гражданами, надлежит, ... своевременно позаботиться о регистрации уставов...» (15). Вскоре от губернского ликвидкома были получены две шифротелеграммы, где указывалось, что уставы общин условно зарегистрированы и церкви можно открывать. Тем же общинам, которые не подали уставы на утверждение, также можно разрешить служить мелкие требы, «одновременно предлагая общине ускорить дело с регистрацией устава» (16).

Данный инцидент дошел до ВЦИКа. В сводке «эксцессов на почве закрытия церквей и действий комсомольцев» начальника VI отделения Секретного отдела ОГПУ Е.А. Тучкова от 4 июля 1924 г. сообщалось: «При закрытии рудничной церкви в г. Шахты, собралась громадная толпа, которая выделила делегацию в окрисполком с требованием открыть церковь. Требованию разойтись толпа не подчинилась, проникла на колокольню, подняла звон, ворвалась в церковь, и здесь поп сказал весьма провокационную проповедь, с призывом защищать и впредь церкви. Толпа до 1.500 человек на улице говорила, что надо идти освобождать и другие церкви. Конный резерв милиции при пулемете был встречен камнями» (17). В той же сводке был отмечен подобный трагический случай, произошедший в Таганрогском округе, в с. Дмитровка. Во время волнений по поводу закрытия церкви, в результате стрельбы милиции по толпе были ранены 3 женщины, 1 грудной ребёнок и один мальчик, из них 1 человек (не уточняется кто) скончался, трое находились в тяжелом состоянии (18). Подобные массовые закрытия церквей и народные волнения по их поводу в 1923 г. отмечались и в других регионах страны.

Вскоре, 16 августа 1923 г. вышло циркулярное письмо ЦК РКП(б) №30

«Об отношении к религиозным организациям», адресованное региональным комитетам партии и призванное бороться с перегибами на местах. В циркуляре говорилось: «Партийная программа говорит: "необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма". Резолюция XII-го Партсъезда по вопросам антирелигиозной агитации и пропаганды подтверждает, что "нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательство над предметами веры и культа, взамен серьезного анализа и объяснения — не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков» (19). Документ вскрывал ряд нарушений и злоупотреблений местной власти при исполнении законодательства и воспрещал закрытие церквей и молитвенных помещений в административном порядке, по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации. Прежние подобные решения местных властей отменялись. Членам партии разъяснялась политика партии: «... наш успех в деле разложения церкви и искоренения религиозных предрассудков зависит не от гонений на верующих — гонения только укрепляют религиозные предрассудки, — а от тактичного отношения к верующим при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков, при серьезном историческом освещении идеи бога, культа и религии и пр.» (20). Заканчивался циркуляр предупреждением, дающим повод властным структурам на местах сохранять практику притеснения религиозных обществ: ни в коем случае нельзя «ослабить бдительность... наших организаций в смысле тщательного наблюдения за тем, чтобы церковь и религиозные общества не обратили религию в орудие контрреволюции» (21).

То есть, от идеи разложения Церкви большевики нисколько не отказывались, но в тот исторический момент необходимо было сделать акцент на идеологических методах борьбы. Последующие годы продолжалась подобная политика центральной власти. Неисполнение на местах её распоряжений вызывало необходимость повторять их вновь и вновь, с указанием примеров неправильных действий местных властей.

Согласно инструкции, утверждённой Политбюро 26 февраля 1924 г. число «группы или общества православного культа» для регистрации составляло 20 человек, а обязательную регистрацию устава отменили (22). Новым было требование утверждать кандидатуры «служителей культа» в епархиальном управлении, а затем уже отправлять на рассмотрение губернских или областных исполкомов. Эта незначительная поправка ставила под контроль власти юрисдикционные церковные вопросы: выбрать канонического священника, и таким образом перевести общину в подчинение канонической церковной власти — что практиковалось на протяжении 1923 — нач. 1924 гг. и привело к кризису обновленчества

– было теперь делом не простым. Возможно, поэтому заместитель председателя Антирелигиозной комиссии Н.Н. Попов торопил Сталина запиской с просьбой о незамедлительном утверждении инструкции, поясняя: «Дальнейшая проволочка связана с катастрофическими последствиями для т.н. церковно-обновленческого движения и сведёт на нет всю работу антирелигиозной комиссии и ГПУ с осени прошлого года» (23).

В 1925 г. на Северном Кавказе получили инструкцию Президиума ВЦИК «по вопросам религиозного культа» от 25 мая 1925 г., адресованную областным и губернским исполнительным комитетам советской власти (24). Инструкция обращала особое внимание на то, что утверждать решения о закрытии храмов должен только Президиум областного или губернского исполкома. «В случае обжалования таких постановлений в Президиум ВЦИК и до разрешения им таких жалоб фактическое изъятие молитвенного помещения, ... а также закрытия или ликвидации храмов не должно иметь место (Цирк. № 62 от 23/24 года НКЮ). В развитие указанного циркуляра Президиум ВЦИК устанавливает двухнедельный срок для обжалования протокольного постановления...» (25). Инструкция ВЦИК сообщала о целом ряде нарушений на местах: «грубые приемы при ликвидации молитвенных зданий»; установление особых правил, создание волокиты при принятии решений; местные власти могли требовать разрешение на каждое молитвенное помещение, собрание или исполнение обряда, заявления о желании совершения того или иного обряда с оплатой налогового сбора от каждого гражданина, нотариальные свидетельства договоров пользования храмом, подписи каждого члена группы с предоставлением оплаченной справки о несудимости, и т.п. Иконы, облачения, хоругви и другие освященные предметы, при закрытии храма могли изыматься для клуба, театра и т.д., что также было признано неправильным. Циркуляр Наркомздрава от 24 октября 1923 года № 349 устанавливал «санитарные правила для служителей культа при отправлении религиозных обрядов». Но из поступающих с мест жалоб во ВЦИК стало известно, что местными здравоохранителями, губернскими и уездными исполкомами в дополнение и развитие к вышеупомянутому циркуляру издавались собственные распоряжения, «вторгающиеся во внутреннюю церковную жизнь» (26). В сводку нарушений попали также следующие основания закрытия храмов: «контрреволюционные действия верующих, принадлежащих к религиозному объединению», неисполнение административных распоряжений или неуплата налогов. В таких случаях указывалось на необходимость заключения договора с другой группой верующих. Нельзя было закрывать храм и по результатам голосования граждан на собраниях с участием неверующих или посторонних.

О целях такого «неуклонного» соблюдения законодательства говорилось следующее: «Необходимо заботиться избегать всякого оскорбления чувств верующих, избегать всяких поводов к столкновению того или другого мероприятия органов Сов. Власти как намерение стеснить

или ограничить свободу совести верующих. ... Исполнение всего указанного выше приведет к тому, что будут избегнуты случаи и возбуждение трудящихся масс о религиозных предрассудках (так в документе – Ю.Б.). Изложенное выше не должно ослабить бдительность органов Советской Власти в смысле тщательного наблюдения за тем, чтобы церковь и религиозные объединения не обратили религию в орудие контрреволюции» (27). Последнее предложение повторяет заключительную фразу циркуля ЦК РКП(б) 1923 г. «Об отношении к религиозным организациям». В общем, документ повторял и уточнял принятые ранее решения центральной власти.

Полулегальное положение Церкви после получения долгожданной регистрации центрального и епархиального управления в 1927 г. сменилось новым витком законодательного давления. К 1929 г. произошло свёртывание нэпа, наступил новый этап государственно-церковных отношений, ознаменованный началом насильственной коллективизации, сопровождающейся наступлением на всякий «антисоветский» элемент, и в первую очередь, на кулака и попа. По справедливой оценке историка Курляндского И.А., основательно изучившего характер антицерковной политики власти в период сталинского «великого перелома» и сплошной коллективизации, «грубый насильственный слом вековых традиций крестьянского хозяйствования и массовый загон крестьян в сталинские колхозы были невозможны без подрыва духовной основы самого бытия крестьянина на селе – без массированного удара по религии и Церкви» (28). Поэтому насилие в период коллективизации было нераздельно связано с обострением гонений на Церковь. В этот период власть решала двудельную задачу. Антицерковные действия способствовали подавлению сопротивления российского крестьянства и, в то же время, нанося своей бесчеловечной внутренней политикой удар по крестьянству, власть одновременно наносила удар и по Церкви.

Особым рубежом в жизни общин стал 1929 год, отмеченный целым рядом решений в области религиозной политики. 14 февраля 1929 г. вышел циркуляр ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (29). 8 апреля 1929 г. было принято постановление президиума ВЦИК «О религиозных объединениях», регулирующие практические вопросы в отношении общин. Решено было также создать при Президиуме ВЦИК специальную комиссию по вопросам культов, структурам которой в 1931 г. передана вся информация по религиозной проблематике, накопленная в предыдущий период. Она осуществляла руководство и наблюдение за правильным проведением в жизнь закона «О религиозных объединениях» (30). 18 мая 1929 г. принята новая редакция ст. 13 Конституции РСФСР 1918 года, в которой

«свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды», заменялась свободой «религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды» (ст.4), причём, в стране разворачивалась широкомасштаб-

ная массированная антирелигиозная пропаганда (31). («Сталинская Конституция» 1936 года в ст. 124 допускала лишь «свободу отправления религиозных культов и антирелигиозной пропаганды» (32). 5 июля вышел циркуляр ЦК ВКП(б) «О закрытии церквей» (33). Обвальное закрытие церквей административными методами вызвало массовое сопротивление населения, социальное напряжение. Поэтому в постановлении ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» от 14 марта 1930 г. нашла место и религиозная тематика

– ЦК вновь запретил практику закрытия церквей в административном порядке, «фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения», и «издевательские выходки в отношении религиозных чувств крестьян» (34).

Следует подробнее рассмотреть постановление президиума ВЦИК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» (с соответствующими инструкциями и разъяснениями ВЦИК и НКВД №329 от 1 октября 1929 г., 20 июня 1930 г., 16 января 1931 г.), на основании которого религиозным общинам дозволялось лишь «отправление культов» в стенах «молитвенных домов», любая – просветительская, общественная, производственная, благотворительная – деятельность категорически воспрещалась (35). Частное обучение религии, дозволенное декретом 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», теперь могло существовать лишь как право родителей обучать религии своих детей. «Религиозные объединения», которые должны были регистрироваться по новому закону, по-прежнему не имели прав юридического лица. Постановление давало государственным органам возможность вмешиваться в состав исполнительных органов общин. Любые общие приходские собрания могли собираться только с письменного разрешения местных исполкомов. Ещё более сужалась область возможной деятельности общины религиозного, экономического, культурного и пр. характера, и сводилась до узких границ «отправления культа» в стенах помещения. Запрещались любые собрания, каковы бы ни были их цели.

Текст договора об использовании храмового имущества, который заключался с окружным исполкомом в момент регистрации в соответствии с новым законодательством, изображал общины не иначе как враждебные советской власти организации. Они брали на себя следующие обязательства: «не допускать в помещениях: политических собраний, враждебного Советской Власти направления; раздачи, продажи и хранения книг, брошюр, листовок и всякой литературы, направленной против Сов. Власти...; произнесение проповедей и речей, враждебных Сов. Власти и её отдельных представителей; ... относительно пользования колокольнями мы обязуемся подчиняться всем распоряжениям местного Исполнительного Комитета...» (36). В случае нарушения договора община несла ответственность по закону. Договор подлежал пересмотру в случае перехода общины в любую «из существующих или воз-

можных в будущем церковных группировок», т.е. из раскола в каноническую юрисдикцию или наоборот. Об этом она обязана была сделать «своевременное извещение». Любые несоответствия в описях храмового имущества, приобретение нового, утрата или порча самой ничтожной вещи, могли стать поводом к расторжению договора, а значит привести к потере храма и к ответственности по суду.

Постановление «О религиозных объединениях» не вносило ничего принципиально нового в сложившуюся систему взаимоотношений власти с верующими, но оно доводило до логического конца все прежние законодательные действия власти, ещё более жёстко очерчивало и сужало пределы существования церковных общин. Постановление стало законодательной опорой для сворачивания любой жизнедеятельности и ликвидации приходов в законодательном порядке, оно способствовало дальнейшему разложению Церкви, облегчая регистрацию новых раскольнических обществ, и служило для органов власти на местах удобным инструментом давления на церковные советы с целью скорейшего сворачивания их деятельности. Общины оказались в условиях выживания. Двойственность требований центральной власти – с одной стороны запрещалось закрывать церкви без законных оснований, с другой – прежний курс на ликвидацию приходов – порождал на самых нижних уровнях власти чисто формальное отношение к соблюдению законности в деле закрытия церквей, давление на общины, различные фальсификации и манипуляции. Очевидно, что на местах преследовалась цель любым путём найти обоснования для ликвидации максимального числа церквей.

Круг источников, раскрывающих эту тему в 1930-х годах на Дону чрезвычайно узок. Но документы Шахтинского округа представляют источниковую базу, позволяющую более полно и конкретно рассмотреть этот вопрос (37). Переписка местных органов государственной власти говорит о множестве случаев нарушения законодательства в отношении церковных общин Шахтинского округа на протяжении 1930-х годов. Приведём несколько примеров.

Община церкви хутора Табунщикова в 1930 г. пыталась обжаловать в Шахтинском районном исполнительном комитете незаконное закрытие церкви и препятствия в совершении богослужений со стороны местного хуторского совета, поступающего вопреки санкциям райисполкома (38).

В заседании Президиума крайисполкома 28 мая 1930 г. рассматривался вопрос о том, что храмы хуторов Голубинский и Чернышевский Шахтинского округа «были закрыты с явным нарушением действующего законодательства», то есть были изъяты у верующих, несмотря на их протесты и жалобы, поданные в соответствующие инстанции (39). Без всяких законных оснований местный сельсовет разрешил местной комсомольской ячейке использовать их под клубы. Причем, имущество храмов, которое государство считало своим, было без всякого учета свалено в амбаре (40). Президиум краевого исполкома принял решение «пред-

ложить Шахтинскому РИКу по их усмотрению возратить одно из ... зданий» (41). Однако данное постановление так и не было исполнено, храмы числились закрытыми.

В апреле 1933 г. краевой исполком просил Шахтинский районный исполком выслать в дополнение к постановлению о закрытии Покровской церкви г. Шахты заявление верующих, на которое тот ссылался при закрытии церкви (церковь использовалась под трамвайное депо) (42), что являлось бы подтверждением законности его действий. В ответ Шахтинский РИК направил копию протокольного заявления о закрытии Покровской церкви, подлинник которого якобы хранился в Шахтинском горсовете. Но подлинника заявления верующих в архивах не найдено.

В 1938 г. Ростовский областной исполнительный комитет писал Шахтинскому горсовету: «По вашим данным у вас в районе имеется 4 бездействующих церкви, но их закрытие юридически не оформлено. Срочно оформите материал и вышлите в Облсполком» (43).

Местные исполкомы неоднократно нарушали юридическую процедуру закрытия приходов. Тем не менее, видимость законности необходимо было соблюдать, эту проблему решали, подводя под закрытие приходов фиктивные причины – желание самих верующих закрыть храм или непригодность помещения для использования. Краевой исполнительный комитет в переписке с Шахтинским осуждал незаконное закрытие церквей, инструктируя его, как это нужно делать на законных основаниях. Шахтинский исполком распространял эту методику дальше. Служебная записка 1931 г. в Керченский сельсовет предостерегает: «службу в церкви прекращать нельзя, но необходимо составить комиссию по определению ветхости здания (здесь и деле выделено мною – Ю.Б.), и обсудить на церковном совете с тем, чтобы церковный совет сам вынес заключение о необходимости прекращения службы» (44).

В массовом порядке в Шахтинском округе были созданы комиссии по проверке церковного имущества, которые, конечно же, нашли многочисленные нарушения, требуя в кратчайшие сроки ликвидировать их. Наиболее распространённое требование – произвести ремонт, и, как правило, капитальный. Все предписания данных комиссий в условиях сложного материального положения общин и запрета на сбор пожертвований зачастую было выполнить невозможно. Если же ремонт общины каким-то образом удавалось произвести, его предписывали вновь. Такая ситуация поставила практически все храмы в тяжёлые условия. Верующим приходилось отчаянно бороться за храм, но рано или поздно они были вынуждены его покинуть.

Проиллюстрируем положение сельской православной общины в 1930 годы историей Троицкой церкви хутора Ягодино-Кадамовского, которая была закрыта на ремонт в 1938 г. Местный сельсовет на протяжении 1930-х гг. не раз пытался закрыть церковь. С 14 по 18 ноября 1934 г. были проведены общие собрания хуторов, относящихся к её прихо-

ду, повестку дня которых составлял вопрос о закрытии церкви (45). Постановления были одинаковы. Чтобы продемонстрировать всю циничность и абсурдность этих документов, процитируем их, сохранив орфографию оригинала: «Постановили, учитывая огромный рост культурности села, но ни имеется помещения для культурной работы просить городской совет закрыть данную церковь, использовать под культурную работу, которая была выстроена на наши общественные средства, которая не используется и не производится ремонт, происходит веткось» (46). А вот выдержки из других постановлений: «Постановили...просить горсовет закрыть церковь, как отошедшие прошлое, которая выстроена на наши-же средства, а используется не чтожная кучка верующих» (47). «Таковая отошедшая в предки старого дурмана и не используется народами нашего сельсовета» (48). В тот год закрыть приход не удалось. В 1935 г. Ягодинский сельсовет снова направил в Шахтинский горисполком документы по закрытию церкви, на основании того, что в указанные общине сроки в храме не был произведен ремонт, и потому, что церковь «отошла в предки и не используется обществом, приходит в негодность, а также по требованию верующих», вынесено постановление церковь закрыть (49). К решению президиума сельсовета прилагались документы: решения общих собраний со списками участников общим числом 917 человек, и списками «верующих с росписями по закрытию церкви» в количестве 670 человек – они «единогласно потребовали» церковь закрыть (50). Всего в хуторе Ягодинском было 1165 человек, наделённых избирательными правами (51). Поэтому 670 человек, включивших себя в списки прихожан Троицкого храма, вопреки утверждению местной власти, никак нельзя было назвать «ничтожной кучкой». На расширенном пленуме Ягодинского сельсовета было решено «ввиду настойчивого требования избирателей», а также по причине «невыполнения обществом верующих договора ... просить гор(одской) совет расторгнуть договор с обществом верующих... и утвердить решение пленума» (52).

Но действительно ли хотели верующие закрытия церкви?

В деле ягодинского прихода Троицкой церкви действительно имеются списки верующих (53), в заголовок которых была внесена небольшая поправка. Между словами «список» и «верующих православного вероисповедания» другим почерком и чернилами вписаны слова «по закрытию церкви». То есть, списки прихожан Троицкой церкви были выданы за списки верующих, якобы выступивших в поддержку закрытия церкви – власти использовали довольно грубую фальсификацию.

В том же году состоялось заседание церковного совета (54). Причина собрания – состояние церковного здания и его ремонт. В документе указывается, что подписаны технический акт осмотра здания и смета на его ремонт на сумму 11 326 рублей. Срок выполнения ремонтных работ – два месяца – был на исходе. В протоколе говорилось, что никаких работ по ремонту храма не велось, что расценивалось как

«срыв работ» и показатель «малочисленности верующих общества,

не способных содержать и производить ремонт здания церкви». Собрание решило просить городской совет продлить срок ремонта здания, а в случае несоблюдения новых сроков, совет обязался от здания церкви отказаться. Достоверность этого документа также вызывает большие сомнения. Вряд ли он действительно выражал волю церковного совета, и вероятнее всего, был навязан общине. Текст написан той же рукой, что и записка председателя сельсовета, сопровождающая документы по закрытию церкви. Этому документу противоречит заявление той же общины в Шахтинский исполком, направленное буквально через десять дней 22 июля 1935 г., ничего общего с указанным протоколом не имеющее: «Согласно 4 пункта нашего договора, заключенного с Шахтинским РИКом 7 июля 1926 г., наша религиозная община обязана из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храма, находящихся в нем предметов, а так же ремонт храма, оплату долгов, налогов, местных обложений и т.д. Так до сего времени и было: путем добровольных пожертвований мы изыскивали нужные средства на содержание храма. Но в этом году местная власть предложила сделать капитальный ремонт храма: окрасить крышу, оштукатурить внутри и снаружи храм, но сбор добровольных пожертвований по домам верующих не разрешает, а посему мы просим Шахтинский районный исполнительный комитет разрешить нам произвести сбор пожертвований по домам верующих и этим разрешением дать нам возможность выполнить требование местной власти отремонтировать храм» (55). Как видим, община не собиралась сдаваться и отказываться от храма. Напротив, заявление полно уверенности в успешном окончании дела, если только власть даст возможность собрать средства.

Церковь верующим и в этот раз удалось отстоять. Здание отремонтировали, но литургическая жизнь была невозможна – власти последовательно отказывали в регистрации всех предложенных общиной кандидатур священнослужителей без объяснения причины отказа. В 1937 г. общиной было подано шесть заявлений о регистрации на приходе священника, но не одно из них Шахтинский горсовет не утвердил. Верующие писали: здание церкви отремонтировано, долгов по налогам и сборам нет, заявлений со стороны верующих или властей о расторжении договора не поступало, община находится в рамках законности. Поэтому верующие выражали недоумение, почему же им отказано в регистрации священника, и просили указать, наконец, причину (56). Отказ они расценили как препятствие совершению богослужений в церкви. Верующие жаловались в краевой исполком, замечая, что община идет на все уступки государству, позволяя даже хранить государственный хлеб в здании церкви, но, «незирая на это и на основ-ной государственный закон – кон-

ституцию, Шахтинский Горсовет лишает стариков возможности помолиться в храме». Весь Великий Пост служб не было, и верующие надеялись, что хотя бы на Страстной неделе возможно будет богослужение (57). Краевой исполком отправил жалобу общины в тот же горсовет, на который она была подана (58). В том же году община подверглась очередному натиску. В 1937 г. комиссия Ягодинского сельсовета составила акт технико-санитарного осмотра храма, в котором снова предписывалось срочно произвести ремонт (59). Приход просуществовал еще год. Маловероятно, что был положительно разрешен вопрос о регистрации священника.

Ликвидацию многих приходов в Шахтинском округе власти обосновывали отсутствием у общины возможности содержать храм, и его «бесхозяйственным состоянием».

Александро-Невский храм г. Шахты был закрыт в 1938 г. «в связи с отсутствием религиозного общества, церковного совета и священника, в силу чего церковь долгое время находилась в безнадзорном состоянии, доведена до ветхости», вынесено постановление передать её под зернохранилище (60).

В 1937 г. общее собрание верующих Казанской церкви хутора Ольховского «единогласно постановило отказаться от здания храма и ремонта его за неимением средств в общине» (61). Всё началось с того, что Шахтинский горисполком навязал общине вопрос о ремонте здания (62), он также дал указание председателю поселкового совета проконтролировать ситуацию, чтобы на собрании общины обязательно обсуждался этот пункт (63). Как и следовало ожидать, техническая комиссия нашла здание храма «совершенно непригодным к эксплуатации», и указала на существующую угрозу обвала (64). Вскоре сельсовет попросил Шахтинский исполком дать указание, как поступить с пустующим помещением храма. Предлагалось разместить в этом здании «культурный очаг» или начальную школу (65). Таким образом, храм был закрыт под предлогом его аварийного состояния, при этом начальную школу в том же здании власти разместить не опасались.

Несмотря на то, что ликвидация прихода по причине «контрреволюционной деятельности» священника официально признавалась властью незаконной, тем не менее, на практике она была возможной. Если священника арестовывали по данному обвинению, договор с общиной мог быть расторгнут на основании того, что помещение использовалось для антисоветских собраний. При этом вместе со священником часто арестовывали практически весь актив церковного совета. Местной власти не трудно было предотвратить заключение договора с какой-либо другой общиной. Так, например, в 1933 г. Никольская церковь хутора Табунщикова после ареста священника была закрыта и передана сельсовету под клуб «на основании того, что церковь используется верующими для нелегальных собраний, а так же по требованию колхозников». Заседа-

ние бюро ячейки ВКП(б) колхоза «Красный Октябрь» в составе 6 человек постановило: «В связи с раскрытой органами ОГПУ контрреволюционной работой религиозного культа под руководством священника Голик Евфимия ходатайствовать перед органами гос(ударственной) власти о немедленном закрытии органа контрреволюции Табунщиковской церкви» (66). Стоит отметить, что этот приход никогда не был в расколе (67).

Как видим, верующие и на протяжении 1930-х гг. сохраняли правовую форму сопротивления, требуя от власти соблюдения законодательства и принципов справедливости. Перед лицом государственной власти верующие стремились заявить о себе как о законопослушных гражданах государства, стремящихся выполнять все её предписания. По сравнению с подобными рода протестами в нач. 1920-х гг. они инициировались теперь исключительно верующим общины. Священник не имел в глазах власти никакого значения, с которым можно было бы считаться, он исполнял подчинённую общине роль – верующие приглашали священника для выполнения богослужебных функций и только на этом основании он мог быть зарегистрирован. Произошло и ещё одно показательное изменение состава протестующих. Теперь это подавленные, обессиленные постоянными натисками власти старики, униженно ждущие милости от своего государства.

Грубое нарушение местными советами и партийными органами Донского региона условий законодательства, оскорбление религиозные чувства верующих при закрытии приходов были нередки до конца 1930-х годов. Правда, за свои действия подобного рода руководство могли легко лишиться занимаемых мест. Показательный случай произошёл, например, в 1939 г. в станице Хомутовской Кагальницкого района, где ликвидация прихода происходила следующим образом: «...Закрытие церкви производили при богослужении в церкви и в момент хода служения попа с верующими, которых было около 30 человек, в церковь вошли предстансовета, парторг, председатель колхоза, инспектор милиции и комсомольцы с гармонией, и, прервав служение, начали читать решение Облисполкома о закрытии церкви» (68). Районный комитет ВКП(б) подверг участников событий различным взысканиям, парторг был освобождён от занимаемой должности.

В результате проводимой властью политики произошла полная ликвидация церковей на территории современной Ростовской области к началу Великой Отечественной войны. Согласно справке «О церковной религиозной обстановке в Ростовской области» фонда Ростовского областного исполнительного комитета из 402 православных церковей и трёх монастырей, существовавших до революции на территории Ростовской области, к концу 1940 г. действовала только одна церковь в селе Обуховка Азовского района (69). Только в одном городе Ростове-на-Дону было закрыто 22 православных церковей и 1 монастырь. Также были закрыты 16 армянских, 16 старообрядческих, 12 еврейских, 2 баптистских мо-

литвенных дома и 1 мечеть. В период Великой Отечественной войны и послевоенный период открылись вновь 243 православных церкви (115 церквей и 128 молитвенных домов), а неправославных молитвенных зданий – 30. В процессе открытия приходов происходил обратный процесс тому, который наблюдался на протяжении 1930-х гг., – под церкви занимались помещения культурно-просветительских и общественных организаций (70).

Итак, на протяжении 1930-х происходила массовая ликвидация общин. Работа велась с каждой из них в отдельности. Принадлежащее местным властям право на регистрацию стало инструментом давления на приходские совет с целью скорейшего сворачивания деятельности прихода и закрытия храма. Храмы нередко закрывали в административном порядке, вопреки официальной политике партии и распоряжениям центральной власти, а после свершившегося факта старались обосновать это решение в соответствии с требованиями законодательства. Исполнение закона было на деле формальной процедурой, за которой часто стояли различные нарушения, подмены и фальсификации. Основанием закрытия храма, как правило, служили отсутствие ремонта, ветхость помещения, отсутствие прихожан и даже желание верующих закрыть храм, но всё это, нередко, не соответствовало действительности. Власти умело манипулировали зависимым и ограниченным положением общин, искусственно создавали безвыходные ситуации, вынуждающие верующих покидать храмы, после чего власти спешили отрапортовать, что церкви брошены, верующими не посещаются, следовательно, и верующих нет.

§ 2. Методы подавления социокультурной роли Православной Церкви в контексте антирелигиозных мероприятий на Дону

Массовые мероприятия советской власти и трансформация религиозности населения

На протяжении 1920-1930-х гг., преследуя свои прагматические интересы, власть стремилась унифицировать социокультурный тип советского человека, провести преобразование общественного и индивидуального сознания. И в первую очередь необходимо было устранить влияние такого идеологического противника как православная Церковь, сломать традиционное, глубоко укоренившееся в народном сознании восприятие религии.

Можно выделить средства, с помощью которых власть осуществляла своеобразную инженерию духовности. В первую очередь следует отметить различные массовые мероприятия. Большевицкое руководство страны стремилось втянуть широкие слои населения в антицерковную и антирелигиозную работу, в различные, связанные с нею кампании. Можно отметить деятельностный подход и характерные нарративные стратегии антицерковной пропаганды,¹⁶⁵ которые на практике были тесно

связаны между собой и дополняли друг друга.

В первую очередь власть ориентировалась на «классово» близкие, сочувствующие слою населения, на которые она стремилась опереться при проведении своей политике. Они проще поддавались влиянию, но сохраняли ещё неоднозначное отношение к антирелигиозным акциям. Эти группы должны были в дальнейшем активно участвовать во внедрении советской политики «в массы». Так, в ходе кампании по изъятию церковных ценностей была сделана ставка на красноармейцев и партийных рабочих, которые затем должны были воздействовать на беспартийных представителей трудящихся. Кампания по изъятию церковных ценностей имела смысл широкомасштабной антирелигиозной и антицерковной акции, которая подрывала не только материальную базу Церкви, но стала средством идеологического воздействия на умы. Одна из газет писала: «Но важны и ценны не только эти материальные результаты. ... Кампания по изъятию ценностей

... имела, и будет иметь большое воспитательное значение для рабочих и красноармейских масс» (71). Как же реализовывалась на практике «воспитательная функция» этой акции?

Организаторы изъятий на местах свидетельствовали, что привлечённые к изъятию рабочие первоначально «с ужасом входили в храм и приступали к работе» (72). Так проявлялась сакральная значимость для них религиозных предметов. Глубина и характер религиозности населения мог варьироваться, но такие понятия как «святость», «святость» продолжали обладать для его представителей существенным значением, заключать в себе сакральные смыслы. Необходимо было трансформировать стандарты народного восприятия религии, что и осуществлялось через десакрализацию и профанацию её ценностей – духовенства, храмов, святых и т.д.

Внушая, что нет ничего ненормального и оскорбительного для религиозных чувств в использовании храмов и церковной утвари для различных профанных целей – гражданских, «культурных», политических и пр. собраний, власть не только вмешивалась во внутреннюю сакральную жизнь Церкви, но и воздействовала на народное восприятие храма. Храм лишался сакрального измерения, вносилось редуцированное отношение к нему, как к месту встречи единомышленников. Советский человек не должен был ощущать здесь пространственно-смыслового разрыва. Советский дискурс и практика трансформировали символику храма – его традиционное для верующего восприятие как пространства, где профанное уступает место сакральному, где верующий выходит из повседневного и вступает в область иного мира, – превращая храм в пространство чисто поустороннее, на которое распространяются самые профанные практики.

Власти внушали рабочим, задействованным в изъятии, что «бояться нечего», и вскоре констатировали, что рабочие «оказались вполне пригодными для этой работы», а красноармейцы даже «ведут агитацию против попов» (73). Так притуплялся голос совести, и в деятельности закреплялись новые стратегии поведения. Кампания стала перерастать в настоящее ограбление храмов, когда рабочие буквально «выкорчёвывали» драгоценные камни из иконных риз (работа шла без специалиста ювелира). Последние вместе с другой церковной утварью утрамбовывали в мешки пудовыми гирями с энтузиазмом, растущим по мере увеличения ценностей, как по количеству, так и по качеству (74). Такая картина изъятия вполне вероятна, и, пожалуй, её нельзя списать лишь на воображение власти, стремящейся представить желаемый результат как достигнутый. Действительно, очевидцы событий свидетельствовали о бесчинствах комиссий по изъятию церковных ценностей. При этом «активисты» подавали пример «сомневающимся» и втягивать их в непосредственный процесс.

Одной из стратегий своеобразной инженерии духовности советов являлось изображение желательной модели трансформации сознания. По окончании кампании по изъятию ценностей из церквей была развёрнута антирелигиозная пропаганда. В газетах публиковались материалы, призванные стать уроком для всех, заставить «многих трудящихся крепко призадуматься над "своей верой", а иных навсегда покончить с церковью». Одна из газет опубликовала «письма рабочих» – участников кампании, в содержании которых угадывается одна и та же схема событий. Вначале всех «брал страх», одолевало «сомнение и недоверие», некоторые предполагали, что «соблазн имеет большую силу и перед ним нельзя устоять, видя перед собою такую прелесть и богатство». Затем все убедились в необходимости изъятия, опровергали «сплетни о непристойном поведении комиссии в храме», обвиняли духовенство и церковные советы в том, что «все они старались сорвать то начатое доброе дело Советской власти». В одном из писем рабочий заявлял, что «убедился в лживости своих взглядов», что кампания «убила» в нём «оставшуюся ещё частицу религиозного уважения» (75).

Отношения между духовенством и «трудящимися», и внутри самой Церкви, между группами духовенства и верующих изображались в газетах с позиций классового подхода: «Разгорелась борьба с одной стороны между князьями церкви, с др[угой] стороны, – между трудящимися. На этой почве произошло столкновение внутри самой церкви... Оказывается, и там есть классы, и там есть раскол. Оказывается и святая церковь делится на две группы» (76). Базой для таких рассуждений послужил обновленческий раскол. Духовенство и миряне, проводящие изъятие без протестов, противопоставлялись высшей иерархии, которая обозначалась как аристократия Церкви, её бюрократический аппарат. «Прогрессивная» группа, готовая вотвот порвать с «религиозными приспешниками»,

рассматривалась как своеобразный «рабочий класс» Церкви. Но в целом духовенство мыслилось не иначе как активно действующая контрреволюционная сила, «агенты старой монархии», «рясофорные контрреволюционеры», «смирненнейшие бунтари в рясах», «каста» и т.п. Создавался также специфический образ верующего человека. Он изображался элементом «несознательных», «отсталых», «тёмных», «невежественных масс». 16 апреля 1922 г., в разгар кампании по изъятию церковных ценностей, на праздник Пасхи в газете «Советский Юг» вышла статья за подписью М. Рютина, которая изображала такую картину. Верующие, у многих из которых «имеются большие запасы золота, серебра, хлеба, ценных материй», в свой главный праздник накрывают столы, доставая из сундуков различные яства. А в это время «десятки, сотни тысяч детских ручонков протягиваются... с мольбами о помощи» (77).

Самые низкие и откровенно клеветнические нарративы складывались о духовенстве и монашестве и формулировались от лица народа, а не от представителей власти. Традиционно власть стремилась показать борьбу с религией как волю народа. Из письма, опубликованного в газете, о церковных ценностях: «...у них цели совсем другие; чем больше будут увеличиваться смертности от голода, то для них контрреволюц[ионеров] это лучший козырь; они говорят: «вас голодающих такая масса...; а не троньте вы этого, оставьте, мол, нам, нас попов и сотрудников церкви совсем мало, то мы сможем подчас и кутнуть» (78). В той же статье от имени другого рабочего говорится: «Для нас это делать грешно – снимать ризы (79), а они, монашенки, и спать могут на плащенице (80): для них нет греха никакого, им и спать можно на ризе Христа. Он же молчит, хотя бы одну наказал, значит, его нет, только говорят о нём много. Говорят только, а он был, наверное, такой же человек, как теперь коммунисты, которые все терпят невзгоды». Интересно, что пропаганда изображала Христа как революционера, которому, по сути, противопоставлялась христианская Церковь как контрреволюционная сила.

Следует сказать несколько слов и об особом языке советской антирелигиозной пропаганды – уродливом языке нетерпимости и вражды, усиливающим эффект профанации. Протоколы собраний колхозников по закрытию церкви дают тому ряд примеров: «Церковь отделить от религии и отдать её под ссыпку... Церковь засыпать зерном» (81). Этапом формирования нового сознания должен был стать сознательный отказ верующих от традиционных ценностей, образец которого заключается в выражении:

«Мы, верующие и молящиеся считаем, больше церковь нам не нужна как религиозный культ» (82).

В общем, большевики всеми силами изображали наступление «эпохи гибели религий» (83). К каждой социальной группе населения они стремились найти подход и свой набор стратегий по трансформации религиозности, созданию нового сознания советского типа.

Усиление антирелигиозного натиска в 1929-1933 гг. и формы антирелигиозной пропаганды

Большевистское руководство страны стремилось сделать своей опорой в деревне и казачьей станице бедняцкие слои, проводило политику социальной дифференциации казачьих сообществ с тем, чтобы противопоставить бедных казаков середняцким и зажиточным слоям. Между тем, последние составляли большую часть казачьего населения: середняки – до 75

%, зажиточные – 12% на 1927 г. Но, ни то, ни другое стремление большевиков не увенчалось значительными успехами. Бедняки так и не стали активной силой, не оправдали надежд власти при перевыборах в советы, они не имели авторитета в народе и считались закоренелыми лентяями. Политика

«разложения» казаков также не привела к заметным результатам, казаки оставались традиционно сплочённым сообществом, независимо от социального положения его членов, продолжали проявлять себя ведущей силой в сопротивлении давлению власти (84). Сельское население Юга России сохраняло протестные настроения в связи с политикой советской власти и в 1927-1929 гг., главным образом, в связи с «чрезвычайными хлебозаготовками». Как отмечалось выше, казаки оставались приверженцами сложившихся веками религиозных традиций, поддерживали духовенство, которое, в свою очередь, становилось на сторону казаков, выступая против бесчеловечной политики советской власти на селе.

Циркуляр ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 14 февраля 1929 г. отметил значительную роль религиозного фактора в протестном движении, по-своему перетолковывая его мотивы в духе теории обострения классовой борьбы: «С усилением классовой борьбы в деревне как одна из форм этой классовой борьбы, особенно усиливается деятельность религиозных организаций среди реакционных и малосознательных прослоек крестьянства. Деятели религиозных организаций принимают активное участие в антисоветской работе кулачества, часто используя церковные советы, как аппараты своего влияния на перевыборах в советы, агитируя против сдачи хлеба заготовительным органам, против советской школы и мероприятий по коллективизации и социалистическому переустройству сельского хозяйства... и против других общественных и культурных мероприятий соввласти и партии» (85). Циркуляр обращал особое внимание на серьёзные недостатки антирелигиозной пропаганды, её эпизодический характер, и отмечал необходимость перехода к систематической углублённой работе, которая не должна была подменяться административными методами без подготовки общественного мнения. Наряду с активизацией деятельности «союза безбожников» (с 1929 г. – Союз воинствующих безбожников, далее – СВБ), циркуляр объявлял широкое вовлечение в антирелигиозную рабо-

ту партийных, комсомольских, советских, профессиональных и общественных организаций, в том числе профсоюзов и общества

«Долой неграмотность» (далее – ОДН). Особый акцент делался на необходимости борьбы с религией среди женщин, колхозной бедноты и батрачества, которые власти хотели видеть опорой антирелигиозной борьбы в деревне. Все мероприятия антирелигиозной пропаганды предписывалось увязывать с другими мероприятиями советской власти, «с повседневными задачами социалистического строительства, с переустройством быта деревни, с её культурным подъёмом» (86). Наконец, циркуляр давал определённый сигнал органам ОГПУ, напоминая, что «религиозные организации являются [...] единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы» (87).

Сталинская коллективизация предполагала социокультурную трансформацию крестьянства, уничтожение традиционного крестьянского уклада и формирование нового социального типа, наделённого новыми культурными характеристиками. Поэтому борьба с религией в нач. 1930-х гг. стала одной из важнейших составляющих политики коллективизации сельского хозяйства, наиболее активными противниками которой оставалась значительная часть верующих, в том числе казаков. По оценкам специалистов по истории крестьянства в условиях аграрных преобразований Юга России, противостояние сталинского режима и значительной части крестьянства в конце 1920-х – начале 1940-х гг. можно охарактеризовать как перманентный социальный конфликт между советской деревней и властью (88). Сопrotивление верующих насильственным действиям по проведению политики в аграрной сфере расценивалось не иначе как контрреволюционные действия против мероприятий советской власти и партии. Так например, ОГПУ Константиновского района в 1933 г. докладывало, что «широким полем деятельности для к[онтр-]р[еволюционной] работы было использовано верующее казачество и рассадником саботажнических идей явились попы и контр-революционно настроенные верующие» (89).

Даже предпринятое большевиками форсированное воспитание казаков и крестьян в духе коммунистических идеалов не гарантировало от сочетания последних с религиозными традициями, от их эклектичных соединений на бытовом уровне. Историк казачества Юга России А.П. Скорик приводит тому ряд интересных примеров. На протяжении 1930-х гг. в домах у многих казаков-колхозников висели иконы. В 1935 г. в доме молодого рабочего одного из совхозов Сальского района висела икона. На требование совхозного начальства снять икону, он реагировал отрицательно, говоря: «она мне не мешает». Мало того, в доме того же рабочего висел портрет героя Гражданской войны Ворошилова, который он украсил как икону, покрыв рушником, а в ответ на возмущения замечал: «они не подерутся, пусть висят» (90). В определённой мере сохра-

нялись и традиции празднования церковных праздников в станицах и сёлах. В 1936 г. в Северо-Донском округе колхозники, рабочие МТС и административный персонал в церковный праздник Троицы закрыли мастерские и устроили празднование «и как символ всего этого настроения контора МТС убрана веточками, как следует вымыты полы, чебраком посыпан пол, Директор убрал ветками свою машину и едет с семьёй праздновать» (91).

Решение проблемы политического и антирелигиозного воспитания колхозников тормозилось их низким уровнем образования и культуры. Даже колхозная администрация и специалисты не стремились к расширению своего кругозора, пассивно относились к самообразованию, не желали читать даже газет (92). В такой ситуации из-за отсутствия читательской аудитории было бессмысленно проводить агитацию в прессе, увеличивать тираж и закупку антирелигиозной литературы. Поэтому ликвидация безграмотности в деревне превращалась в политическую задачу, и в то же время, важной составляющей работы ликбеза являлась антирелигиозная пропаганда.

Резолюция об итогах и перспективах работы ОДН, принятая на расширенном заседании Центрального Совета (далее – ЦС) ОДН 17-19 февраля 1931 г. объясняла значение ликвидации безграмотности в духе сталинской теории об обострении классовой борьбы: «Генеральное наступление социализма на всех фронтах и вызванное этим обострение классовой борьбы, выдвигают с особенной остротой необходимость усиления политического воспитания миллионных масс трудящихся города и деревни, подчинения всей учёбы выполнению очередных хозяйственно-политических задач и уяснению учащимися дальнейших перспектив нашего социалистического строительства и международной социалистической революции» (93). Констатировалось: «необходимо повести решительную борьбу с остатками культурничества и аполитичности в работе по первоначальному обучению взрослых и детей» (94). Таким образом, ликвидация безграмотности преследовала политические цели, «культурничество» не интересовало государственную власть, которая по сложившейся традиции не думала о народе. В приложении к проекту резолюции 1-й Всесоюзной конференции безбожниц, культурмеек и членов ОДН, проведённой в декабре 1930 г., утверждалась необходимость «превратить добровольные общества в приводной ремень от партии к широким трудящимся массам» (95). То есть, добровольные общества становились одним из средств воздействия партаппарата на население страны, и в дальнейшем использовались им для достижения политических целей. Конференция была названа первым примером «единого фронта» общественных организаций – СВБ, ОДН, ВЦСПС и др., который был пафосно представлен как «единый культурно-политический и антирелигиозный фронт советской общности» (96).

Объединение антирелигиозной деятельности ОДН, профсою-

зов, комсомола и СВБ происходило и ранее. Распоряжение ЦС ОДН «Об участии ОДН в антирождественской кампании» 1929 г. разъясняло местным ячейкам общества: «Классовый враг (кулак, нэпман, поп и сектантский проповедник) пытается подорвать наше строительство и оказывает отчаянное сопротивление на культурном фронте, в особенности в деревенских условиях, пытаясь использовать неграмотность масс в своих целях. Этим попыткам нужно дать отпор... В этом отношении рождественские праздники должны быть нами особо использованы для постановки массовой антирелигиозной пропаганды в системе ликбеза (выделено мною – Ю.Б.),... нанося сокрушающий удар по центру деревенской реакции – церкви. Комсомол и организации «Безбожника» в этом году развернут широкую антирождественскую кампанию, ОДН-овские организации должны оказать самую активную поддержку комсомолу и «Безбожнику» в проведении этой кампании. Передача церковью под клубы, избы, читальни и школы ликбеза должна непосредственно вытекать из всей кампании, проводимой ОДН вместе с комсомолом и

«Безбожником» среди широких масс крестьянства. В Ленинском декрете о ликвидации неграмотности 10-ти ление (так в тексте – Ю.Б.) которого сейчас празднует вся советская общественность, сказано: «Для ликвидации безграмотности органам нар. просвещения представляется использовать народные дома, церкви (подчёркнуто в тексте – Ю.Б.), частные дома» и т.д.» (97). Далее следовал подробный план необходимых для подготовки кампании мероприятий. Таким образом, в систему ликбеза внедрялась систематическая антирелигиозная пропаганда, провоцировался и поощрялся захват церковью под предлогом повышения культуры и образованности села.

Организациями, призванными также проводить в рядах своих членов систематическую антирелигиозную работу были профсоюзы (98). Однако, в 1929-1930 гг. профсоюзы с возложенными на них задачами не справлялись.

Директивы Президиума ВЦСПС и краевого совета профессиональных союзов (КСПС) о проведении антипасхальной кампании 1930 г. обращали особое внимание местных организаций на то обстоятельство, что

«предстоящая антипасхальная кампания должна быть действительно широкой массовой кампанией, должна охватить широкие массы рабочих и крестьян, она должна стать исходной точкой для ведения систематической, настойчивой, углублённой антирелигиозной работы во всех культурных организациях профсоюзов» (99). Всем профорганизациям края, от крайправлений союзов до фабрично-заводских, местных и цеховых комитетов, предлагалось обсудить вопрос о состоянии антирелигиозной работы и наметить конкретные планы. Краевым и окружным союзам предписывалось организовать проверки состояния антирелигиозной работы на местах. Как же была выполнена данная директива? Проверка показала, что ни крайправления союзов, ни фабрично-заводские и

местные комитеты не обсуждали этот вопрос, и вообще отнеслись к нему как к обычной «кампанейщине», не придавая антирелигиозному делу никакого значения (100). Доклады на антирелигиозные темы на предприятиях делались бессистемно, и иногда встречали вопросы рабочих и работниц: «Почему вы об этом говорите только перед самой Пасхой, а не раньше» (101). Была сорвана и попытка Донсовпрофа организовать антирелигиозные курсы, по причине отсутствия слушателей (102).

Обследование антирелигиозной работы ряда местных профсоюзных организаций, проведённое краевым советом профессиональных союзов в 1931 г., показало, что почти повсеместно директивы вышестоящих организаций не выполнялись, отсутствовали планы антирелигиозной работы, она была организована слабо, а местами и вовсе ничего не делалось, отсутствовали подготовленные кадры. Например, профсоюз текстильщиков, получив директивы, ограничился лишь тем, что сообщил по телефону своим организациям в г. Ростове-на-Дону о необходимости организовать антирелигиозные кружки, курсы, библиотеки, выписать литературу (103). Выполнение директивы он никак не проверил. Об антирелигиозной работе профсоюза коммунальщиков говорилось: «Согласно директиве КСПС даны указания о её выполнении и этим ограничились» (104). Антирелигиозная литература выписывалась не везде, а если выписывалась, то профсоюзы вразумительных сведений о её использовании предоставить не могли. Вероятно, её мало кто читал из-за отсутствия у трудящихся интереса к теме и к какому-либо чтению вообще.

Но, конечно, основной организацией, в прямую задачу которой входила антирелигиозная пропаганда, был Союз воинствующих безбожников. Однако и в деятельности СВБ всё было далеко не благополучно. В 1930 г. в ходе заседания Президиума крайсовета СВБ была раскритикована антипасхальная кампания. Бригада секции научных работников работала из рук вон плохо, вследствие чего были сорваны антирелигиозные лекции на ряде крупных предприятий. Из протокола также следует, что СВБ края занимался не только прямой своей деятельностью, но также участвовал в кампании по борьбе с сорняками, в уборочной кампании, занимался сбором средств на тракторную колонну (105). В том же заседании было решено просить краевой совет профсоюзов о финансировании СВБ, который явно испытывал финансовые затруднения.

29 июня 1933 г. совещание АМО СКК комитета партии приняло постановление о состоянии антирелигиозной работы в крае, фактически признавшее полнейший провал этой работы. Постановление в первую очередь констатировало: «Антирелигиозная пропаганда в крае находится в неудовлетворительном состоянии и не соответствует задачам систематической борьбы с влиянием религии и её организации» (106). Отмечалось, что местные партийные, советские и общественные организации невнимательно относились к делу антирелигиозной пропаганды, не понимали её значимости. В результате значительная часть «крепких»

организаций СВБ Северного Кавказа, таких как Крапоткинская, Тихорецкая, Кисловодская, Орджоникидзенская, Чеченская, Черкесская, Карачаевская и Осетинская

«пришли в состояние полнейшего развала» (107). Советы СВБ были закрыты из-за отсутствия элементарных условий для работы – средств, работников и помещений. В числе развалившихся организаций СВБ была и новочеркасская, которая удостоилась в постановлении отдельного внимания: «Особенно необходимо отметить безобразно-бюрократическое отношение новочеркаских организаций к вопросам антирелигиозной пропаганды, работники райсовета СВБ не получали зарплаты, хлебных карточек и вынуждены были уходить с работы» (108).

Крайком партии разъяснял местным комитетам партии значение антирелигиозной пропаганды: борьба с религией – это одна из важнейших форм борьбы с остатками классового врага, поскольку «религиозные организации и контрреволюционные кулацкие элементы широко использовали религиозное влияние на массы для срыва решающих хозяйственно-политических кампаний, для противодействия мероприятиям партии и правительства в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов и совхозов» (109). Крайком предлагал всем партийным, комсомольским, профессиональным и общественным организациям обратить особое внимание на антирелигиозную пропаганду, укрепить ряды СВБ и осуществить ряд мероприятий для обеспечения «решительного перелома» в безбожном деле. В числе таких мероприятий были названы: усиление контроля со стороны парторганизаций работы ячеек СВБ, включение антирелигиозной пропаганды в систему политических и культурных мероприятий в колхозах, и, опять-таки, развертывание работы среди молодежи, в школах, на предприятиях и в организациях, завершение оборудования «Краевого дома Безбожника» и организации в нём антирелигиозный музей, организация Северокавказского филиала заочного Антирелигиозного института, создание сети корреспондентов для изучения религиозного и антирелигиозного движения в крае, организация курсов кадров СВБ и т.п. (110). Предусматривались и административные и материальные меры: требовалось закрепить за райсоветами СВБ по одному сотруднику от комитетов партии (таким образом, они ставились под чёткий партийный контроль), выполнить решение КИКа 1932 г. о содержании местными исполкомами по одному освобождённому ответственному работнику по линии СВБ, которое на местах фактически не исполнялось, обеспечить зарплатой и снабжением работников СВБ, а руководящих работников крайсовета СВБ «прикрепить» к столовой и закрытому спецраспределению (111). Для «оживления» антирелигиозной работы предписывалось внедрить в её организацию принципы соцсоревнования и ударничества.

Особой задачей пропаганды провозглашалось «разоблачение классовой сущности религиозных праздников, особенно летних, сов-

падающих с уборкой урожая, заготовками и осенним севом». Стержневым вопросом для СВБ на ближайшее время была названа «борьба... за большевистские колхозы, против летних религиозных праздников» (112). Как одно из средств данной борьбы был запланирован выпуск брошюр, написанных на местном фактическом материале, под названием «За большевистские колхозы».

Следует сказать несколько слов об этом, одном из основных направлений антирелигиозной пропаганды в сельской местности – борьбе с церковными праздниками. В начале 1930-х гг. практиковали «антипасхальные» и «антирождественские» кампании. «Антипасхальная» кампания в 1930 г. в г. Ростове должна была стать «действительно широкой массовой кампанией, должна охватить действительно широкие массы рабочих, работниц и крестьян, она должна стать исходной точкой для ведения систематической, настойчивой, углублённой антирелигиозной работы» (113). В планы проведения этих кампаний включались обычно собрания, в ходе которых навязывалось «общее» решение о выходе на работу и учёбу в праздничные дни. Так например, в 1931 г. пленум Краснокутского сельсовета постановил

«добиться 100 % выхождения на работу, провести разъяснительную работу по хуторам и добиться общего решения: вместо празднования как одному на работу, на выполнение плана посевной кампании. Провести решительную работу со всеми симулянтами, которые постараются под видом праздника оттянуть выполнение плана весенней посевной кампании. День Пасхи объявить ударным по выполнению всех имеющихся задач» (114). Организовывались также собрания, результатом которых должно было стать решение колхозников и верующих о закрытии местного храма (115), проводились беседы со школьниками «о происхождении религии и религиозных предрассудков» (116), антирелигиозные лекции, спектакли, демонстрировалось кино. Иногда на даты церковных праздников назначались новые советские

«праздничные» кампании. Так например, в 1929 г. на 14 октября – праздник Покрова Пресвятой Богородицы – в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) в Северокавказском крае был запланирован всесоюзный праздник «День урожая и коллективизации», которому стремились придать характер «массовой производственной кампании», а основной целью была объявлена «мобилизация бедняцко-средняцких масс в деле подъёма и социалистического переустройства сельского хозяйства и дальнейшее наступление на кулака» (117).

По планам ОДН одним из элементов антирелигиозной работы было вовлечение учащихся ликбеза в комсомольские колонны «антирождественской» демонстрации и агитация за непосещение в праздник церкви, предлагалось идти на вечер в клубы, избы-читальни, а затем на занятия в школах ликбеза в праздничные дни (118). Такую же агитацию вели и профсоюзы. Однако она не приво- дила к значительным результатам.

Документ, поступивший в Президиум КСПС, озаглавленный «О предварительных итогах антипасхальной кампании по г. Ростову», изображал такую колоритную картину: «В ночь под пасху, в момент борьбы за массы – церковники и сектантские организации – с одной стороны, наши клубы, театры и красные уголки – с другой. Клубы в эту ночь в большинстве случаев отнеслись формально к этой задаче и в момент (к 11-ти час. вечера и до 1 часу ночи 19 апреля), когда церковники начинали свою работу и церкви были переполнены посетителями, а клубы в это время... оставались почти без масс и свёртывали свою работу, как потерпевшие поражение» (119).

Несмотря на все усилия партийных и безбожных организаций, активизировать антирелигиозную работу, во второй половине 1930х гг. искусственно созданный Союз воинствующих безбожников постепенно распадался. К 1935 г. суммы взносов, собиравшихся в СВБ, сократились в 10 раз, а в 1936-1937 гг. поступило лишь 20% от суммы обязательных членских взносов, численность резко падала, исполнительное бюро ЦС СВБ не собиралось с 1934 г., в некоторых местностях страны работа союза была практически прекращена (120). В конце 1930-х гг. на Юге России сохранялась вся прежняя картина вялотекущей работы в системе антирелигиозной пропаганды. Так, например, в 1938 г. на Ростовских заводах антирелигиозная работа была охарактеризована как неудовлетворительная. На большинстве предприятий ячейки СВБ отсутствовали, а там, где таковые имелись, они существовали формально и не проявляли активности. Средства, выделяемые на антирелигиозную пропаганду, большинством заводских комитетов израсходованы не были (121).

Провал антирелигиозной пропаганды компенсировали репрессии духовенства и верующих, усилившиеся в 1930-е гг., и в период сталинского «большого террора» 1937-38 гг. достигшие своего пика. Метод физического устранения идеологического конкурента были куда более надёжным (122).

Итак, с 1929 г. борьба с религией и Церковью становится существенной составляющей социальной политики государственной власти по коллективизации сельского хозяйства. Бедняцкие слои крестьянства, на которые большевики стремились опереться в реализации своей политики, имели низкий уровень культуры и образования и как показал опыт, были довольно пассивны. Даже кадры партии и советской власти в деревне не отличались в этом особыми достижениями. Успех коллективизации был поставлен в прямую зависимость от культурного и политического воспитания бедняцкобатрацкой части села. С 1929 г. большевики начинают осуществлять масштабное антирелигиозное движение на территории всей страны, навязывая народу антирелигиозные представления вместе с насильственным вовлечением в ряды «союза безбожников». Антирелигиозная пропаганда должна была проникнуть во все сферы общественной, хозяйственной и политической жизни, поэтому в антирели-

гиозной работе власть стремилась объединить усилия общественных и профессиональных организаций, добровольных обществ. Но значительных результатов по антирелигиозному перевоспитанию населения достичь так и не удалось. Такой результат был характерен для сельского населения Юга России, значительную часть которого составляло казачье население, сопротивляющееся слову его традиционной культуры. На протяжении 1930-х гг. «союз воинствующих безбожников» не раз пытался активизировать антирелигиозную деятельность в крае, однако после развала к 1933 г. его организаций на местах он так и не смог переломить ситуацию. «Союз воинствующих безбожников», держащийся на принуждении, оказался фактически бессилён. Таким образом, можно констатировать провал работы СВБ и антирелигиозного дела в целом в Северокавказском крае. Таким образом, одной из важнейших сторон политики Советского государства в отношении православной Церкви являлась ликвидация приходов и связанное с этим массовое закрытие церквей. Но в условиях перехода к новой экономической политике был признан необходимым поиск более гибких и действенных методов политики в отношении Церкви, характеризовавшихся исследователями в качестве «религиозного нэпа». Начало его прослеживается с 15 апреля 1923 г., когда было принято постановление Наркомюста «О порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых». Однако на Дону продолжала действовать ликвидационная комиссия, продолжавшая работать прежними методами, что вызывало недовольство значительной части населения и противодействие верующих, которое в отдельных случаях было активным. Дальнейшее наступление власти на Церковь было связано со свертыванием нэпа, с усилением наступления на социально враждебные элементы, в том числе на духовенство. Это выразилось в циркуляре ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 14 февраля 1929 г., в котором еще более сужались пределы действий религиозных общин. В тридцатых годах, как свидетельствуют материалы Шахтинского округа, местные советы проводили закрытие церквей, используя нередко фиктивные предлоги вроде желания самих верующих или плохого хозяйственного состояния храмов. К концу тридцатых годов количество действующих церквей на территории Ростовской области резко сократилось до почти полного исчезновения.

Помимо закрытия церквей и ликвидации приходов, власти использовали другие методы, направленные на подавление социокультурной роли православной Церкви. Это было вмешательство в сакральное пространство православного храма с использованием его для целей, не относившихся к культовым. Значительное внимание уделялось десакрализации храма в народном сознании, что проявлялось, начиная еще с двадцатых годов, в ходе проведения кампании по изъятию церковных ценностей. В донской региональной печати имело место создание негативного образа священника в качестве монархиста, контрреволюционера

и члена касты, священник ставился в один ряд с кулаком. Верующие изображались в качестве темной массы. Также эксплуатировался популярный в народе образ Христа, изображавшегося революционером, с которым контрреволюционная Церковь не имела ничего общего. В период проведения коллективизации было заметно усиление антирелигиозной пропаганды, с опорой на бедноту, но она была безуспешной. Столь же безуспешной была деятельность на Дону «Союза воинствующих безбожников». В сознании народа сохранялось почитание икон и религиозных праздников, что в отдельных случаях сочеталось с признанием новой советской символики, причем население нередко негативно воспринимало антирелигиозную пропаганду, которая в целом не достигала своих целей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании всего сказанного выше можно придти к следующим выводам. Власть большевиков культивировала в народном сознании ложное восприятие Церкви как устаревшего, отжившего вместе со старой монархией института общества. На самом деле они видели в Церкви идеологического противника, доминирование которого в социокультурной среде необходимо было подавить. Идеологическая несовместимость православного вероучения с образом советского человека, конструируемого властью, и крайняя мировоззренческая нетерпимость большевиков сделали своё дело, обусловив политику жестокого подавления религии и Церкви на территории Советского государства. Власть отвергла путь последовательного отделения Церкви от государства. Первые законодательные и подзаконные акты советского руководства ясно свидетельствуют об этом. Власть стремилась на свой лад сконструировать структуру и управление Церкви, определить границы её существования. Уже на законодательном уровне закладывались отношение к Церкви как к контрреволюционной силе и репрессии в отношении духовенства, исключался компромисс в отношениях.

Однако тактика действий власти, направленных на решение поставленных задач в сфере религии, складывалась постепенно. Постепенно происходил и переход к всё более радикальным методам. Особенно справедливо это по отношению к советскому руководству на местах, которому стиль поведения и мышления навязывался сверху.

На деле структура государственно-церковных отношений была сложна. Помимо уровня высших организационных структур власти и Церкви, выделяется и региональный уровень взаимодействия, который также можно представить как сложный: отношения на уровне структур региональной власти – краевых, областных исполкомов, и на низовом уровне – городских, сельских советов – имели свои особенности. Реализация политической линии центральных органов власти в религиозном вопросе подвергалась коррективам «человеческого» фактора, социально-политической ситуации на ме-
стах.

Итак, 1920–1930-е годы в государственно-церковных отношениях на Дону можно представить как совокупность двух периодов: 1920–1929 годы, когда власти проводят контрольно-ограничительную политику и 1930-1939

– период репрессивно-ликвидационный.

После окончательной победы на Дону советской власти в январе 1920 г., обстановка оставалась сложной, поскольку часть населения, особенность которого составляло казачество, относилась к советской власти открыто враждебно, что наглядно проявилось в ходе Гражданской войны, другая часть – пассивно и мало интересовалась политическими вопросами. Православное казачество отличалось особой социально-политической активностью, и во второй половине 1920-х гг. продолжало попытки сопротивления власти, проводя своих людей, в том числе, членов приходских церковных советов, в местные советские органы власти.

Враждебное отношение значительной части населения Дона к советской власти, стало причиной относительной осторожности при проведении центральными и местными ее структурами первых мероприятий в отношении религии и Православной Церкви на территории региона.

Толкование декретов и постановлений высшей власти могло быть двояким и зависело от взглядов каждого конкретного человека, принимающего их в качестве руководящего принципа. Сторонники последовательного отделения Церкви от государства обращали внимание на недопустимость насилия, приверженцы религиозной нетерпимости могли легко найти базу для неадекватных мер и притеснений. Первые публичные разъяснения Донской власти нового советского законодательства в отношении религии и Церкви носили некоторые черты антицерковной и антирелигиозной пропаганды. Реализация на Дону советского законодательства по религиозным вопросам, связанным с отделением Церкви от государства, в сжатые сроки требовала огромных усилий. Для этого были созданы два аппарата – ликвидационный подотдел при отделе юстиции Доноблисполкома и междуведомственная комиссия «По отделению церкви от государства», которые испытывали постоянную нехватку штатов. На диалог и даже некоторое сотрудничество с Церковью была настроена созданная при Донском отделе юстиции комиссия по проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства». Она стремилась к последовательной реализации соответствующего декрета, понимала его как исключение невмешательства Церкви в дела государства, которое, в свою очередь, не будет вмешиваться в дела Церкви. В связи с этим комиссия видела свою задачу лишь в юридическом оформлении конкретных условий реализации декрета и в практическом его осуществлении на Дону, но никак не в притеснении Церкви. Но история показала несоответствие такой политики мнению центральной власти, как и мнению Донской ЧК. Вскоре, в 1921 г. деятельность Комиссии была раскритикована вышестоящим руководством, и упразднена. Вместе с тем, духо-

венство крупнейших городов Донской области, находящихся на территории Донской и Ростовской епархий, было настроено на диалог и попыталось выстроить компромиссные отношения с местными советскими органами власти, предпочитая легальную правовую форму сопротивления проявлениям антицерковной политики. Так духовенство стремилось сохранить влияние на характер и особенности государственно-церковных отношений на Дону. Значительную роль в этом процессе в начале двадцатых сыграл профессор протоиерей П.В. Верховский, выступивший посредником между властью и церковными общинами и умевший до определенной степени сглаживать остроту взаимных противоречий. Но по сфальсифицированному Донской ЧК обвинению он был репрессирован.

С 1922 г. центральное руководство страны переходит к осуществлению систематической борьбы с Церковью как с политическим противником, у которого были свои идеологи в лице Политбюро и свои практики – в лице ОГПУ-НКВД. Особым рубежом первого периода был 1922 г., положивший конец любым компромиссным стратегиям и послуживший окончательной конфронтации между советскими органами власти на местах и верующими. Это год двуединой кампании власти по разгрому Русской Православной Церкви – кампании по изъятию церковных ценностей и расколу духовенства. Кампания проходила на Дону как антицерковная антирелигиозная акция, задачей которой была, помимо самой конфискации, дискредитация духовенства и подавление религиозности населения. Изъятие церковных ценностей на Дону прошло спокойно, за исключением случая драки при первой попытке изъятия в Ростовском Кафедральном соборе. Народ сомневался, что ценности пойдут на ликвидацию голода. В целом изъятие прошло при глухом недовольстве народа, но кровавых столкновений, во многом благодаря позиции духовенства, удалось избежать. Под прикрытием идеи о помощи голодающим власть вела тонкую политическую игру, преследуя свои политические цели. Она оказывала давление на донское духовенство, побуждая его выступить в поддержку изъятия, что должно было противопоставить его как Патриарху, так и народу. Духовенство считало изъятие ценностей необходимым и неизбежным, но и агитировать за него считало для себя неприемлемым. Однако советская пропаганда, рупором которой стала региональная печать, формировала ложное общественное мнение об активном сопротивлении изъятию со стороны духовенства. Религиозная совесть верующих не могла позволить совершиться актам святотатства, и часть ценностей, имеющих особое значение (богослужебные сосуды, особо чтимые иконы) была укрыта от комиссий. Впоследствии представителей духовенства и верующих обвинили в банальных кражах из корыстных побуждений и судили. Огромные средства были затрачены в Донской области на саму кампанию, хотя детали их расходования до сих пор не ясны. Но достоверно можно сказать о расходовании средств из фонда изъятых ценно-

стей на организацию показательных судебных процессов. Кампания стала базой для антирелигиозной пропаганды и послужила своеобразным прологом и к обновленческому расколу. В целом, кампания 1922 г. была направлена на слом духовного сопротивления Церкви, её раскол, дискредитацию и террор. Обновленческий и григорианский расколы в Русской Православной Церкви инициировались и поддерживались немалыми усилиями политического руководства страны. Власти Дона, подчиняясь директивам из центра, покровительствовали обновленцам и григорианам. Обновленцы особенно широко обосновались на его территориях. Постепенно к ним перешло большинство храмов, некоторые храмы были разделены на две или на три части между каноническими общинами, обновленческими и григорианскими. Обновленческий раскол на Дону насаждался искусственно, за счёт работы среди духовенства органов ГПУ-ОГПУ. В ряды обновленцев вербовалось духовенство, обвиняемое властью в каких-либо политических преступлениях перед нею, главным образом, в сопротивлении изъятию церковных ценностей, а также в поддержке белых в ходе Гражданской войны. В результате в лагере обновленцев оказались люди самых разных политических взглядов. Обновленчество на Дону распространялось как конъюнктурно-соглашательское движение, оно было слабо идеологически, так как в целом не поддержало идей, насаждавшихся из центра, и не имело внутренней силы, поскольку не было принято большинством верующих. Православное духовенство, оставшееся верным патриарху Тихону, а затем митрополиту Сергию (Страгородскому), пользовалось авторитетом у верующих казаков и крестьян, оно вместе с верующими оказывало сопротивление бесчеловечной политике советской власти на селе.

В то же время начинается внедрение властью методов конструирования (трансформации) социокультурного типа, «инженерии» духовности советского человека. Пропаганда навязывала населению нарративы, несущие в себе определённые смыслы, и деятельностно закрепляла стратегии поведения в отношении религии и Церкви через привлечение народа к участию в массовых антицерковных мероприятиях.

Другой рубеж данного периода – 1927 г., когда власти осознают широкие возможности законодательного давления на Церковь, что закрепляется и реализуется в постановлении 1929 г. «О религиозных объединениях», ставшем инструментом давления на церковные общины в перспективе их, так сказать, «законного» закрытия.

В 1930-е гг. происходила массовая ликвидация приходов на Дону под давлением местной власти, основу которого составило существующее законодательство. Принадлежащее местным властям право на регистрацию оказалось инструментом скорейшего свертывания деятельности прихода и закрытия храма. Процесс нередко сопровождался нарушениями закона и фальсификациями.

Отличительной чертой вто-рого периода стали массовые ре-

прессии в отношении духовенства и верующих – власти делают ставку не на методы трансформации религиозности, а на методы массового физического устранения её носителей.

В конце 1920-х, а также в связи с насильственной «сплошной» коллективизацией начала 1930-х гг. напряжение протестного движения, существенной составляющей которого был протест по религиозным мотивам, достигло одного из самых высоких показателей в казачьих районах Северного Кавказа, в том числе на Дону. Не так просто было сломить свободолюбивый дух донского казачества, религиозность которого, имевшая вековые традиции, давала о себе знать. Эти обстоятельства оказали значительное влияние на быстрое свертывание в этот период политики «лицом к казачеству» середины двадцатых годов. Подавление сопротивления со стороны Православной Церкви являлось важной составляющей политики власти по проведению на Дону социалистических трансформаций. Сельское население Дона, как и других регионов страны, сопротивлялось слому его традиционной культуры. Сопротивление решительно подавлялось с помощью репрессий.

Следует признать, что период 1920-1930-х гг. в государственно-церковных отношениях на Дону изучен ещё недостаточно. Не снят гриф секретности с многих важных документов по данной теме. Представленное исследование наметило лишь его основные черты.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ВВЕДЕНИЮ

1. См.: Кожанов А.П. Донское казачество в 20-х годах XX века. Ростов- на-Дону: Литфонд, 2004. С. 194.
2. Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917-1922) // Материалы по истории Церкви. Кн. 35. – М.: Изд- во Крутицкого подворья, 2005. С. 19; Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922-1925. Кн.1. – М.: Новосибирск, 1997. С. 345.
3. Горев М. Церковные богатства и голод в России. – М., 1922; Лукин М.Н. Церковь и государство. – М., 1922; Его же. Революция и церковь. – М., 1923; Зорин Д. Церковь и революция. Церковь и голод. – Ростов-на- Дону, 1922; Кандидов Б.П. Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция: Очерки и материалы. – М., 1930; Его же. Легенда о Христе и классовая борьба. Изд. «Атеист», 1930; Тубанов С. Церковь на службе врагов народа. – Свердловск, 1940.
4. Гидулянов П.В. Церковь и государство по законодательству РСФСР / П.В. Гидулянов. – М., 1923.
5. Введенский А.И. Церковь и государство. Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России, 1918–1922. – М., 1923. – 282 с. И др.; Титлинов Б. В. Смысл обновленческого раскола в истории. – Самара, 1926. И др.

6. Правда о религии в России. – М., 1942; Русская православная церковь и Великая Отечественная война: Сборник церковных документов. – М., 1943; Патриарх Сергей и его духовное наследство. – М., 1947.

7. Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.). – М., 1958; Шахнович М.И. Ленин и проблемы атеизма. – М., Л., 1961; Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. – М., 1968.

8. Шейнман М.М. Обновленческое движение в русской православной церкви после Октября / Вопросы научного атеизма. Вып. 2. – М., 1966; Курочкин П.К. Социальная позиция русского православия. – М., 1969; Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. – Казань, 1970; Трифонов И.Я. Раскол в Русской Православной церкви (1922 - 1925 гг.) // Вопросы истории. 1972. №5. С. 64–77.

9. Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1973.

10. Примерно такой же подход сохраняется в современной историографии. См.: Беглов А.. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008.

11. Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917-1921 гг.) – М., 1975.

12. Одинцов М. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести / Сост. и общ. ред. Фурмана Д.Е. и о. Марка (Смирнова). – М.: Прогресс, 1989. С. 66–67; Его же. Государство и Церковь: история взаимоотношений, 1917–1937 гг. – М., 1991; Его же. Хождение по мукам (к истории государственно-церковных отношений в СССР) // Наука и религия. 1990. № 5, 6, 7, 8; 1991. № 7; Его же. Государство и церковь в России. XX век. – М., 1994; Его же. Крестный путь патриарха Сергея // Отечественные архивы. 1994. №2. С. 44 – 80; Его же. Государство и церковь в России: XX век. – М.: Луч, 1994. – 171 с.; Его же. Русские Патриархи XX века: Судьбы отечества и церкви на страницах архивных документов. Ч. I. – М., 1999; Его же. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. – М.: Центральный дом духовного наследия, Объединение исследователей религии, 2002. – 312 с.; Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М., 1991; Его же.

«Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. – М.: ИЦ «Россия молодая», 1992; Васильева О.Ю. Русская православная церковь и советская власть в 1917-1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8; Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.

Красные конкистадоры. – М., 1994; Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917–1945. – СПб., 1995; Его же. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. – СПб., 1999; Его же. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). – М., 2000; Его же. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010.

– 480 с.; Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история. – Волгоград, 1997; Его же. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (окт. 1917-го – конец 1920-х годов). Дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999; Фирсов С.Л. Власть и верующие: из церковной истории начала 1920-х годов // Нестор. 2000. №1. С. 205–236; Его же. Время в судьбе: Святейший Сергей, Патриарх Московский и всея Руси. (К вопросу о генезисе

«сергианства» в русской церковной традиции XX века). – СПб., 2005; Его же. Безбожная пресса СССР накануне Великой Отечественной войны (Некоторые замечания к вопросу об отношениях церкви и государства в 1937–1941 гг.) // Православие: Конфессия, институты, религиозность (XVII–XX вв.): Сборник научных работ / под ред. М. Долбилова, П. Рогозного. – СПб., 2009. – 280 с. И др.

13. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1945 / Сост. М. Е. Губонин. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1994. – 1063 с.; Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. / Издание подготовили Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. – М.: Новосибирск, Российская политическая энциклопедия, Сибирский хронограф, 1997. Кн. 1; 1998. Кн. 2; ВЧК/ГПУ: документы и материалы. / Составитель Ю. Г. Фельштинский. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995; Дамаскин (Орловский), игумен. История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации // 2000-летию Рождества Христова посвящается. – М., 2001; Его же. История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации // Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». Труды. Выпуск 1. Новомученики XX в. – М.: «Булат», 2004; Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. – М.: ПСТГУ, РГВА, 2006. – 303 с.

14. Савельев С.Н. Протоколы антирелигиозных мудрецов // Религия и свободомыслие в культурно-историческом процессе. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 143 – 155; Его же. Бог и комиссары (К истории Комиссии по отделению церкви от государства при ЦК РКП(б) – Антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия. – М., 1993; Кашеваров А.Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и

Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. – СПб.: СПбГТУ, 1995; Его же. Государственно-церковные отношения в советском обществе 20-30-х гг. (Новые малоизученные вопросы). – СПб: СПбГТУ, 1997; Его же. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917-1922) // Материалы по истории Церкви. Кн. 35. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005; Петров С. Г. Неизвестное письмо лидера обновленческого раскола А.И. Введенского // Исторические и литературные памятники «высокой» и

«низовой» культуры в России XVI-XX вв. – Новосибирск, 2002. С. 176–192. И др.

15. Макаров Ю.Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД СССР: окт. 1917-го – конец 1930-х годов. Дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб, 2007.

16. Баделин В.И. Золото Церкви: Исторические очерки. – Ивово, 1995; Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Указ. соч.; Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922-1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. – М., 1997. – 321 с.; Говорова И.В. Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в контексте государственно- церковных отношений. Дисс. ... канд. ист. наук: 09.00.13. – М., 2006.

17. Покровский Н.Н. Политбюро и Церковь. 1922-1923. Три архивных дела // Новый мир. 1994. №8. С. 186-213; Его же. Источниковедение советского периода. Документы Политбюро первой половины 1920-х гг. // Археографический ежегодник за 1994. – М., 1996. С.18–46; Его же. Время публиковать источники // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М., 1996. №1. С.11–21; Его же. Документы о борьбе с Церковью в 1922–1923 гг. // Учёные записки. Российский православный университет им. Иоанна Богослова. – М., 1995. Вып. 1. С. 125-173; Петров С.Г. Документы делопроизводства партийных органов как источник по истории Русской православной церкви 1922–1925 гг. – Новосибирск, 2000. Дисс. ... канд. ист. наук; Его же. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.) / Отв. ред. Н.Н. Покровский. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 408 с.; Елпатьевский А.В. Следует ли публиковать документы фальсифицированных дел? // Отечественные архивы. 2000. № 5; Головова Л.А. Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников Российских // Региональные аспекты исторического пути Православия: архивы, источники, методология исследований. Историческое краеведение и архивы. Вып.7. Вологда, 2001. С.69–77; Иноземцева З.П. Совместимы ли эмоциональные идеологемы с научной критикой исторического источника. URL: http://www.fond.ru/reutov/reutov_5/reutov_5-2.htm (дата обращения: 20.05.2009).

18. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религи-

озный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922- 1953 гг.). – М.: Кучково поле, 2011. – 720 с. Другие работы автора: Курляндский И. А. О мнимом повороте Сталина к православной церкви // Вопросы истории, 2008. №9; Его же. Власть и религия в годы «Большого террора» (1937-1938 гг.) / Труды ИРИ РАН. – М., 2010. И др.

19. Сотрудничество с церковными исследователями ведёт Институт Российской Истории РАН.

20. (Орловский) Дамаскин, иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: жизнеописания и материалы к ним. – Тверь, 1992. Кн.1; 1996. Кн.2; Емельянов Н. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 гг. // Богословский сборник. Вып. 3. – М., 1999; Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви. 1900-1927 гг. – СПб., 2002; Мазырин А., иерей. Внутренние конфликты в Русской Православной Церкви второй половины 1920–1930-х годов: В свете позиции высших иерархов. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ин-т российской истории РАН. – М., 2005; Его же. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской православной Церкви в 1920-х – 1930-х годах. – М.: ПСТГУ, 2006.

21. (Снычев) Иоанн, митрополит. Стояние в вере. Очерк церковной смуты. – СПб., 1995. (Книга написана на основе материалов, собранных митрополитом Мануилом (Лемешевским)). И др.

22. Останина О. В. Обновленчество и реформаторство в Русской Православной церкви в начале XX века. Дисс. ... канд. филос. наук. Л., 1991; Куцая М. А. Место обновленческого движения в эволюции Русской Православной Церкви. Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 1993; Парийский В., Шаповалов А. Обновленчество // История. 1995. №4. С. 3–6; Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. – СПб., 1999; Его же. Советское государство и «советская Церковь» // Богослов.Ru: [сайт]. 2008. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/311837.html> (дата обращения: 20.04.2012);

«Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И.В. Соловьёв. – М.: Общество любителей церковной истории: Крутицкое Патриаршее подворье, 2002. Петров С. Г. Неизвестное письмо лидера обновленческого раскола А.И. Введенского // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI-XX вв. Новосибирск, 2002. С.176–192; Головушкин Д.А. Обновленческое движение в Русской Православной церкви в 1905–1925 гг. Дисс ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ярославль, 2002; Его же. Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. – СПб.: Политехника-сервис, 2009. 267 с.; Степанов А.С. Обновленческий раскол как средство антицерковной политики советской власти в 1922–1923 гг. Дисс. ... канд. ист. наук: 09.00.13. М., 2005; Шестаков С.П. Расколы в Русской Православной Церкви в

1924–1926 гг. в контексте государственно-церковных отношений. Дисс. ... канд. ист. наук:

09.00.13. М., 2006; Лавринов Валерий, прот. Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945). – М.: Издательство Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории. 2007; Воронцова И.В. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века.

– М., 2008; Её же. Русский христианский модернизм в контексте церковного реформирования: 1-я четверть XX в. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2009. И др.

23. Куцая М. А. Указ. соч. Останина О. В. Указ. соч.

24. Данилушкин М. и др. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Том 1. 1917–1970. – СПб.: Воскресение, 1997; Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви 1917–1990. – М., 1994; Его же. Русская Православная Церковь: 1925–1938. – М.: Сретенский монастырь, 1999; Головушкин Д.А. Указ. соч.

25. Поспеловский Д. Обновленчество. Переосмысление течения в свете архивных материалов // Вестник Русского христианского движения. Париж. 1993. №168. С. 197–227; Кривова Н.А. Указ. соч.; Орханов Ю. Л. Исторический контекст подготовки Поместного собора Русской Православной Церкви и генезис церковно-реформаторского движения: 1905–1906 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 : М., 2005. 257 с. РГБ ОД, 61:05-

7/579; Фирсов С.Л. Уроки русского церковного обновления // НГ Религии.

№ 6 (178). 05.04.2006. URL: http://religion.ng.ru/pravoslav/2002-05-15/9_lesson.html (дата обращения: 20.01.2012).

26. Троицкий С.В. Что такое «Живая Церковь»? // «Обновленческий раскол»: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И.В. Соловьёв. Кн. 27. – М., 2002. С.99.

27. Рожков А.Ю. Народное сопротивление антирелигиозной политике советской власти на юго-востоке России в 1918–1929 гг. // Голос минувшего. Кубанский ист. журнал. 1997. №2. С. 3–12.

28. Кашеваров А.Н. Указ. соч.

29. Измозик В.С., Волкова Ю.А. Советское государство и церковь в частной переписке середины 20-х годов (по материалам перлюстрации) // Тоталитаризм и личность: Тезисы ... конф. – Пермь, 1994.

30. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008.

31. Елевферий (Богоявленский), митрополит. Неделя в Патриархии. – Париж, 1933; Стратонов И. Русская церковная смута. 1921–1931 гг. // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – 317 с. («Материа-

лы по истории Церкви». Кн. 5). – 318 с. С. 28-172; Троицкий С. В. Указ. соч.

32. Андреев И. М. Краткий обзор истории русской церкви от революции до наших дней. – Джорданвилль: Издательство Свято-Троицкого монастыря, 1951. – 180 с.; Рар Глеб (Ветров А.). Плененная церковь: Очерк развития взаимоотношений между церковью и властью в СССР. – Франкфурт на Майне: Посев, 1954. – 113 с.; Константинов Д., прот. Гонимая Церковь. (Русская Православная Церковь в СССР). – Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1967. – 383 с.; Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945 гг. – Париж, 1977. (Переизд. – Москва: Общество любителей церковной истории, Крутицкое подворье, 1996.); Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Т.1–3., 1978. (Переизд. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 672 с.); Польский М., священ. Положение Церкви в Советской России. – Иерусалим, 1931. – 122 с.; Его же. Современное состояние Православной Церкви в СССР. – Нью-Йорк, 1946; Его же. О духовном состоянии русского народа под властью большевизма. – Белград, 1938; Его же. Новые мученики Российские. – Джорданвилль: Т. 1. 1943. – 287 с.; Т. II. 1957. – 319 с. (Сокращенное английское издание - The new martyrs of Russia. - Montreal, 1972); Его же. Положение Церкви в Советской России: Очерк бежавшего из России священника. – СПб., 1995. И др.

33. Источниковедческую оценку данным публикациям даёт С.Г. Петров (Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.) / Отв. ред. Н.Н. Покровский. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 408 с.)

34. Валентинов А. А. Черная книга («Штурм небес»). – Париж, 1925.

35. Степанов В. Свидетельство обвинения: церковь и государство в Советском Союзе. – М., 1989.

36. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. — М.: Республика, 1995; Его же. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. – М., 1996; Его же. Тоталитаризм и вероисповедание. – М.: Библейско-богословский институт им. св. ап. Андрея. – М., 2003. – 655 с.; Его же. Обновленчество. С. 197–227; Fletcher W.C. The Russian Orthodox Church underground, 1917–1970. – N.Y., 1971.

37. Рослоф Э. Советское правительство и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви (1922-1923 гг.) // История России: диалог российских и американских историков. Материалы российско-американской научной конференции. – Саратов, 1992; Anderson J. Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor State. Cambridge, N.Y., Mel- bourne, 1994; William B. Husband. Soviet Atheism and Russian Orthodox Strategies of Resistance, 1917-1932 // Journal of Modern History, March 1998, Volume 70, Issue 1; 74-107; Partei und Kirchen im fruhen

Sowjetstaat. Die Protokolle der Antireligiösen Kommission beim Zentralkomitee der Russischen Kommunistischen Partei (Bol'seviki) 1922–1929. – Berlin, 2007.

38. Nathaniel Davis. A Long Walk To Church. A Contemporary History of Russian Orthodoxy. – Oxford: Westview Press; Revised edition, 2003. – 392 с.

39. Несколько десятков работ. См. раздел «Источники и литература».

40. Головушкин Д.А. Феномен обновленчества... URL: http://krotov.info/history/20/1920/golovushkiv_04.html (дата обращения: 15.07.2011).

41. Далеко не со всеми выводами Д.А. Головушкина можно согласиться. На мой взгляд, Головушкин неправомерно употребляет термин «обновленчество» в отношении дореволюционных групп движения за церковное обновление. Степень ассоциированности этого явления с обновленчеством советского периода в работе слишком велика. Несмотря на то, что автор указывает на участие политической власти страны в расколе, он преуменьшает значение этого фактора.

42. Римский С.В. Православная церковь и государство в XIX веке. Донская епархия: от прошлого к настоящему. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство (Ростиздат), 1998; Кирсанов Е.И. Православный тихий Дон. – М.: Держава, 1997.

43. Беликова Н.Ю. Эволюция Русской православной церкви в период постреволюционной модернизации России в 20-30-е гг. XX в.: На материалах Краснодарского, Ставропольского краёв и Ростовской области. Дисс.... канд. ист. наук. – Армавир, 2002; Её же. Развитие обновленческого движения в русской православной церкви в 20-е гг. XX в. на Юге России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2004. №3. С. 32–35.

44. Беликова Н.Ю. Эволюция Русской православной церкви в период постреволюционной модернизации России в 20-30-е гг. XX в. С. 209.

45. Там же. С. 205.

46. Пантюхин А.М. Реализация религиозной политики советской власти на Ставрополье и Тереке в 1917-1929 гг. // Известия Алтайского государственного университета. История. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2010. № 4-2(68). С. 174–177.

47. Пантюхин А.М. Указ. соч.. С. 177.

48. Там же.

49. Горбачёв Д.А. Власть и Русская Православная Церковь 1917–1923 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2006; Его же. Донская Голгофа (Советская власть и Русская Православная Церковь Дона 1917–1923 гг.). – Ростов-на-Дону: «Ростиздат», 2008. – 208 с.

50. Его же. Донская Голгофа. С. 61–62. В современной

историографии это положение подвергалось обоснованной критике. См.: Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922) // Материалы по истории Церкви. Кн. 35. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. С. 322.

51. Горбачёв Д.А. Указ. соч. С. 151.

52. Там же. С. 174.

53. Об этом свидетельствуют, хотя бы, результаты переписи населения 1937 г., когда большинство граждан указали, что они верующие.

54. Собрание Узаконений РСФСР. 1918. №18. Ст. 263. Опубликован 23 января (5 февраля).

55. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 487. Л. 309.

56. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 132. Л. 42.

57. ЦДНИРО. Ф. 7.

58. Там же. Ф. 4.

59. Там же. Ф. 6, 209, 118, 2783, 50.

60. Донской областной исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

61. ГАРО. Ф. Р-1220. Отдел Юстиции Донского областного Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. 1920 – 1924 гг.

62. Там же. Ф. Р-97. Исполнительный комитет Донского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Донисполком, ДИК). Всего в фонде 1246 ед.хр., 1920-1924 гг.

63. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 976. Л. 1-2.

64. Там же. Ф. Р-1798. Донской окружной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. 1924 – 1930 гг.

65. Там же. Ф. Р-1485. Краевой исполнительный комитет Юго-Востока России. Август – октябрь 1924. Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет. Ноябрь 1924 г. – январь 1934 г. Исполнительный комитет Азово-Черноморского краевого Совета депутатов трудящихся. Январь 1934 – сентябрь 1937 г. Всего в фонде 887 ед. хр., 1924 – 1937 гг.

66. ГАРО. Ф. Р-3758. Совет Кавказской Армии Труда. Революционного Совета Армии Труда Юго-Востока России. Краевого экономического Совета Юго-Востока России.

67. Там же. Ф. Р-3713. Донской областной Совет профессиональных союзов.

68. Полное название подразделения «Политико-воспитательная, культурно-массовая работа».

69. ГАРО. Ф. Р-2287. Северо-Кавказский краевой совет профессиональных профсоюзов (Крайсовпроф).

70. Там же. Ф. Р-3720.

71. Там же. Ф. Р-2234. Северо-Кавказский Краевой совет ОДН.
72. Там же Ф. Р-1185. Северо-Кавказская Краевая рабоче-крестьянская инспекция (СКК РКИ).
73. Там же. Ф. Р-1817. Исполнительный комитет Ростово-Нахичеванского городского совета Рабочих и Красноармейских депутатов. Апрель 1920 г. – октябрь 1928 г. Исполнительный комитет Ростовского городского совета рабочих и красноармейских депутатов (Ростгорисполком). Ноябрь 1928 -1930 г. Всего в фонде 1605 ед. хр. за 1920 – 1930, 1943 – 1962 гг.
74. Там же. Ф. 226. Донская духовная консистория.
75. Там же. Ф. 527. Императорский Варшавский университет (Донской университет).
76. Степанов А.С. Указ. соч. С. 14.
77. ЦХАД. Ф. Р-33.
78. Там же. Ф. Р-186.
79. Далее – Архив УФСБ РО.
80. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Составитель Г. Штриккер. – М.: ПроPILEI, 1995. – 400 с.
81. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917– 1941 гг. Документы и фотоматериалы / Сост. О.Ю. Васильева, отв. ред. Щапов Я.Н. – М., 1996. – 328 с.
82. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 годы) / Институт российской истории РАН и др.; Под ред. Г.Н. Севастьянова. – М., 2001.
83. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000-2005.

К ГЛАВЕ I

1. СУ РСФСР. 1918. №18. Ст.263; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917– 1941 гг. С. 10, 29–30. В связи с практикой употребления названия данного декрета как «декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» я буду в дальнейшем чаще использовать такое наименование.
2. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917– 1941 гг. С. 21-22; Кодекс об актах гражданского состояния // СУ РСФСР. 1918. №76-77. Ст. 888.
3. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917– 1941 гг. С. 21-22.
4. Известия ВЦИК. 1918. 22 августа. №180/444; ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.
5. Формы адаптации и сопротивления монастырских об-

щин такому положению будут рассмотрены ниже.

6. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 104–105.
7. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917– 1941 гг. С. 59–60.
8. Там же. С. 36-37.
9. Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). С. 147.
10. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941 гг. С. 11.
11. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 21.
12. Там же. С. 9-10.

13. Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922-1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. – URL: http://www.unilib.neva.ru/dl/327/Theme_10/Literature/Krivova.htm (дата обращения: 22.03.2009).
14. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 84–85.
15. Деятельность отдел начал 11 февраля 1920 г.
16. ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 9. Л. 585.
17. То есть на два дня раньше опубликования Постановления Народного Комиссариата Юстиции «О прекращении деятельности б. Консистерий...». Известия ВЦИК. 1920. 27 мая. №113.
18. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 1.
19. Там же.
20. Там же. Л. 2.
21. Там же. Оп. 1. Д. 38. Л. 24.
22. Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). С. 303.
23. Письмо НКВД всем губисполкомам и горисполкомам об отношении к религиозным обществам № 123037 от 28 февраля 1919 г. // Революция и Церковь. 1919. № 2. С. 38.
24. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 487. Л. 141–142 об.
25. Там же. Л. 143.
26. Там же. Л. 143–144.
27. Революция и Церковь. 1919. № 2. С. 38. 28. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 487. Л. 143–144. 29. Там же. Д. 707. Л. 17.
30. Там же.
31. Донисполком; ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 487. Л. 247–248.
32. Подробнее роль прот. П.В. Верховского в отношениях между верующими и местной властью будет рассмотрена ниже.
33. Далее – Комиссия.
34. Обязательное постановление ДИК // ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 487. Л.248; Протокол №16 заседания коллегии отдела управле-

ния Донисполкома от 16 июля 1920 г // Там же. Д. 707. Л. 17; План работы Комиссии по отделению церкви от государства на 1921 г. // Там же. Оп. 4. Д. 49. Л. 1.

35. Протокол №87 // ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 6. Л. 140; ГАРО. Ф.

Р-

97. Оп. 1. Д. 487. Л. 306 об.

36. Там же. Д. 3. Л. 76.

37. Юридический консультант, член Комиссии.

38. ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 6. Л. 147.

39. Там же. Л. 151.

40. Там же. Д. 3. Л. 76.

41. Там же. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 654. Л. 61, 102, 162 и др.

42. Там же. Д. 707. Л. 31.

43. Там же. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 36. Л. 18об, 24.

44. Там же. Д. 6. Л. 147, 151; Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 49. Л. 1.

45. Там же. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 50. Л. 1.

46. Там же. Оп. 1. Д. 487. Л. 248.

47. 1875 г.р., уроженец г. Грозного, русский. Являлся членом Коллегии областного отдела юстиции, и поочередно заведующим административно- хозяйственным и судебно-следственным подотделами. Сведения 1922 г. о нём таковы: работал в Госплане в должности секретаря экономико- статистической секции, беспартийный (вероятно, после всех событий в Донской области, о которых будет сказано ниже, и ликвидации Комиссии был исключён из партии), коммунист по политическим убеждениям [Протокол допроса Карагичева А.В. в ОГПУ в качестве свидетеля по делу Верховского П.В., 9 декабря 1922 г.] // Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 283).

48. ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 9. Л. 157, 586 об.

49. Там же. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 50. Л. 14.

50. Там же. Д. 52. Л. 120. Например, разрешён крестный ход 22 мая 1921 г. из Никольской церкви в часовню свт. Николая по Московской улице в г. Ростове-на-Дону.

51. Там же. Оп. 1. Д. 229. Л. 11.

52. Там же. Оп. 4. Д. 50. Л. 12.

53. [Записка Верховского от 8 февраля 1922 г.] // Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 172 об. Приложение к протоколу допроса. Подлинник. Автограф. См. Приложение 1.

54. Там же. Л. 172–172 об.

55. Как отмечает, например, исследователь Кашеваров А.Н. (Православная Российская Церковь и Советское государство (1917-1922). С.152), в первые годы советской власти имели место различные социальные связи новых представителей власти с верующими, дружественные, семейные, описываются даже случаи поступления на государственную службу священников в связи с отсутствием грамотных работников.

В отчётах Астраханского, Брянского, Владимирского, Витебского, Вологодского, Костромского, Новгородского, Северо-Двинского, Смоленского, Ставропольского, Тверского и Царицынского губисполкомов вплоть до 1920 г. сообщалось, что в волостных и уездных советских аппаратах многие конторские должности занимает духовенство. Лишь после принятия Совнаркомом РСФСР 21 января 1921 г. постановления «О порядке предоставления работы служащим религиозных культов» предоставлять духовенству работу в советах запретили. В одном из документов канцелярии Ростовского епископа указывается на подобные случаи и в Ростовской епархии: «Немногие из заштатных священников занимают должности, а какие неизвестно» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 131 об.).

56. Акты Святейшего Тихона... С. 842; Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). – СПб.: Лики России, 2008. – 224 с. С. 99.

57. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 4–4 об.

58. Там же. Л. 5.

59. Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 172–172 об.; Советский Дон. 1920. № 163; ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 206.

60. [Сообщение областного отдела юстиции в Донисполком] // ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 229. Л. 3.

61. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 50. Л. 7.

62. Там же.

63. Там же. Л. 8; Д. 52. Л. 27.

64. Там же. Л. 10–10 об.

65. Там же. Л. 8.

66. Там же. Л. 9, 11; Д. 52. Л. 47, 47 об, 63 об.

67. Там же. Д. 50. Л. 16.

68. Там же. Д. 52. Л. 130.

69. Там же. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

70. Там же. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 54. Л. 71 об.–72; Оп. 4. Д. 52. Л. 148.

71. Там же. Оп. 4. Д. 52. Л. 168.

72. Там же. Л. 82 об, 85–85 об.

73. Там же. Ф. 226. Оп. 21. Д. 741. По решению Донисполкома от 11 июля 1924 г. имущество Полковой Казанской церкви было передано епископу Христофору, организовавшему самостоятельную общину при Пещерной церкви в подвальном помещении Александро-Невского собора г. Ростова-на-Дону (ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 92. Л. 50–51).

74. Там же. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 54. Л. 71 об.

75. Советский Юг. 1922 г. №121 (526). 30 мая.

76. ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 36. Л. 17.

77. Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 172 об.

78. ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 36. Л. 18.

79. Там же. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 60.

80. Там же. Л. 60.
81. Там же. Л. 74, 78.
82. Там же. Д. 52. Л.8.
83. Там же. Д. 49. Л. 1.
84. Там же. Д. 49. Л. 3.
85. Там же. Л. 23.
86. Там же. Л. 2.
87. Там же. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 109. Л. 13.
88. Там же. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 116.
89. Там же. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 172. Л. 11; ЦХАД. Ф. Р-278сч. Оп. 2.

Д.

6. Л. 4; 71–71 об. Об этом см. также в §1 главы 3.
90. Там же. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 122–122 об.
91. Там же. Л. 123.
92. Там же. Л. 127.
93. Там же. Л. 159-159 об.
94. Там же. Л. 160.
95. Там же. Л. 195.
96. Там же. Л. 196 об.
97. См.: Кривова Н. А. Указ. соч. – URL: http://www.unilib.neva.ru/dl/327/Theme_10/Literature/Krivova.htm; Слезин А. А. Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи в начале 1920-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2. С. 92-98; и др.
98. См.: Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке; Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917-1922). С. 131.
99. См.: Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР.
100. Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917-1922). С. 31, 129-132; Русская православная церковь и коммунистическая государство. С. 37-38.
101. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. VI. – М.: Издание Соборного Совета, 1918. С. 71-72.
102. Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917-1922). С. 161.
103. Там же. С. 306, 308-309.
104. [Протокол допроса Карагичева А.В. в ОГПУ в качестве свидетеля по делу Верховского П.В., 9 декабря 1922 г.] // Архив УФСБ РО. Д. П- 59205. Т. 8. Л. 283.
105. См.: Ковырзин К. В. Поместный собор 1917-1918 годов

и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. 2008 г. №4. С. 88-97.

106. Там же; Белякова Е.В. Поиск моделей взаимоотношения Церкви и государства накануне и в процессе революции 1917 г. // Материалы международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. С. 71.

107. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 61.

108. Там же. Л. 10.

109. Там же. Л. 47 об, 63 об.

110. Там же. Оп. 1. Д. 229. Л. 11.

111. Там же. Л. 24.

112. Там же. Л. 193, 134, 223.

113. [Выписки из протоколов и копии протоколов собраний приходских советов] // Там же. Оп. 4. Д. 54. Л. 4–16.

114. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 54. Л. 5 об.

115. Заведующий Донюста. Доклад // Там же. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 36. Л. 19.

116. Там же. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 54. Л. 1.

117. [Обращения Верховского к «заведующему Отделением Церкви от Государства в Донской области»] // Там же. Д. 52. Л. 205–207.

118. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 54. Л. 205.

119. Там же. Л. 206–207.

120. Там же. Л. 207.

121. Там же. Оп. 1. Д. 487. Л. 247–248.

122. Аресту Верховского уделено внимание в мемуарах С.М. Будённого, где относительно дела Верховского сказано, что «заговорщики были разоблачены и понесли суровое наказание». По мнению С.М. Будённого, прот. П. Верховский был «ярким представителем контрреволюционного духовенства, красноречивым проповедником, пользовавшимся популярностью в религиозных кругах» (Будённый С. М. Пройденный путь. Книга третья: М.: Воениздат, 1973 // Революция и Гражданская война. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusrevolution.info/books/index.shtml?7_3_09 (дата обращения: 15.10.2010)).

123. Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 267; Боранова Г. Н. Азов и Приазовье между двумя мировыми войнами (1917-1940 гг.). – Азов, 2005. С. 207-242; Её же. Авантюра Лагутина. Выступления против советской власти на Дону в 1921 году // Донской временник. 2006. №3.

124. Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 267.

125. [Записка Верховского] // Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 174.

126. Там же. Л. 174 об.

127. Там же.

128. [Письмо Верховского о политических убеждениях уполномоченному по важным делам Сосновскому, 10 февраля 1922 г.] // Там же. Л. 182.
129. Там же. Л. 174 об.
130. Там же.
131. Там же. Л. 174 об.
132. [Заявление Верховского в 6-е отделение КРО ГПУ от 5 октября 1922 г.] // Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 201 об.; [Письмо протоиерею Д.Новочадову] // Там же. Д. П-53110. Л. 52.
133. [Письмо Верховского о политических убеждениях] // Там же. Д. П- 59205. Т. 8. Л. 182 об.
134. Там же. Л.183.
135. Там же. Л.175 об–176.
136. Там же. Л. 176.
137. [Заявление священников И. Жежеленко, А. Трефильева и Д. Новочадова в ВЦУ] // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 185. Верховский не сочувствовал обновленцам. В 1922 г. он писал из Москвы протоиерею Ростовского Кафедрального собора Новочадову, одобряя его позицию неприятия обновленчества, сожалея о его вынужденном самоустранении от служения в Кафедральном соборе, перешедшем в руки обновленцев ([Письмо протоиерею Д.Новочадову от 8 сентября 1922 г.] // Там же. Л. 51.; [Заявление протоиерея Д. Новочадова в приходской совет ростовского Кафедрального собора] // Там же. Л. 216 об.
138. Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Т. 8. Л 289, 268; Римский С.В. Верховский // Православная энциклопедия. Т. 8. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. С. 23–24.
139. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1945. / Сост. М. Е. Губонин. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1994. С. 176, 178.
140. Кривова Н.А. Указ. соч. – URL: http://www.unilib.neva.ru/dl/327/Theme_10/Literature/Krivova.htm.
141. Архивы Кремля. Кн.1. С. 113–114.
142. Смотри, например: Архивы Кремля. Кн.1. С. 32 и др.; Кривова Н.А. Указ. соч.; Петров С.Г. Документы делопроизводства Плитбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Православной Церкви (1921-1925). С. 69, 78; Курляндский. И.А. Сталин, власть, религия. С. 82–89.
143. Архивы Кремля. Кн.1. С. 141–143.
144. Там же. С. 113–114.
145. Письмо митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина в Петроградский Губисполком // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 82.
146. Заявление митрополита Петроградского и Гдовско-

го Вениамина в Петроградскую Губернскую комиссию помощи голодающим не позднее 25 апреля 1922 г. // Там же. С. 107.

147. Процесс причта и церковного совета Покровской церкви // Советский Юг. 1922. № 123. 1 июня.

148. ГАРО. Ф. Р-798. Оп. 3. Д. 42. Л. 304 об.

149. [Протокол допроса митрополита Митрофана (Симашкевича) 20 мая 1922 г.] // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 347 об., 348 об. – 349. Подлинная подпись митрополита.

150. [Протокол допроса митрополита Митрофана (Симашкевича) 21 мая 1922 г.] // Там же. Л. 351–351 об. Подлинная подпись митрополита.

151. Там же. Л. 347 об.

152. Протокол объединённого собрания духовенства и мирян городских церквей г. Новочеркаска от 3 августа 1921 г. // Там же. Л. 327 об.

153. Там же.

154. Трефильев А., священник. Духовенство, православные и помощь голодным // Советский Юг. 1922. № 19. 26 января.

155. Кривова Н.А. Указ. соч. Кривова Н.А. объясняет это тем, что в стране произошло резкое ухудшение ситуации голода – число голодающих достигло 23 млн, а прогнозировалось – 50 млн. человек.

156. Трефильев А., священник. Духовенство, православные и помощь голодным // Советский Юг. 1922. № 19. 26 января.

157. Открытое письмо Трефильеву // Советский Юг. 1922. № 19. 26 января.

158. Церковь и умирающие // Советский Юг. 1922. № 42. 22 января.

159. Ростов – голодающим // Там же. № 77. 5 апреля.

160. Председатель Донской комиссии помощи голодающим (Донкомпомгол) с 10 января 1922 г., прокурор Донской области.

161. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 52. Л. 2 об, 23 об.; Изъятие церковных ценностей // Трудовой Дон. 1922. № 193. 14 марта.

162. [Описание кампании по изъятию церковных ценностей, направленное Донфинотделом в Особую секцию содействия сельскому хозяйству ВЦИК, не ранее 1924 г.] // ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 303.

163. Там же.

164. Там же; Изъятие церковных ценностей // Трудовой Дон. 1922. №

193. 14 марта; № 328. 27 марта.

165. Суд над еп. Арсением // Трудовой Дон. 1922. № 324. 23 августа; №

325. 24 августа; № 327. 26 августа; № 329. 30 августа.

166. Суд над еп. Арсением // Там же. № 329. 30 августа.
167. Цифра сильно занижена.
168. Суд над еп. Арсением // Трудовой Дон. 1922. № 329. 30 августа.
169. Там же. № 324. 23 августа. В собрании участвовали священники Цариненко, Добротворский, Федосеев, Разногорский, Лузгев и др.
170. Суд над еп. Арсением // Там же. № 325. 24 августа.
171. Там же. № 327. 26 августа.
172. Трудовой Дон. 1922. № 325. 24 августа.
173. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 79.
174. Суд над еп. Арсением // Трудовой Дон. 1922. № 328. 27 августа.
175. Там же. № 326. 25 августа.
176. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 303.
177. Там же. Л. 303об.; Изъятие церковных ценностей // Трудовой Дон. 1922. № 193. 14 марта. 10 марта произведено полное изъятие из хоральной и ремесленной синагог Ростова-на-Дону.
178. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л.304 об.
179. Там же. Ф. Р-3713. Оп. 1. Д. 269. Л. 3.
180. Изъятие церковных ценностей // Трудовой Дон. 1922. № 193. 14 марта.
181. Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 163.
182. Кривова Н.А. Ошибочно пишет, что это был Н.И. Муралов – член Центральной Комиссии по изъятию церковных ценностей, включённый в её состав по рекомендации Л.Д. Троцкого, известный также образцовым изъятием в Шуе. Однако председателем Донской комиссии был Александр Иванович Муралов (1886-1937), председатель Донского Совета народного хозяйства (ДСНХ) и родной брат Н.И. Муралова (1877-1937). В 1922 г. ему было 35 лет, он был химиком по образованию, окончил естественнонаучное отделение Московского университета. 1 июня 1923 г. сложил свои обязанности в связи с назначением ЦК РКП(б) на должность председателя Нижегородского Губисполкома, затем нарком земледелия РСФСР. В 1935- 1937 гг. А.И. Муралов – президент ВАСХНИЛ. Его брат, Николай Муралов незначительное время (1924 – нач. 1925 гг.) проживал в г. Ростове-на-Дону, находясь на службе командующим войсками Северо-Кавказского Военного Округа. Оба в 1937 г. приговорены к расстрелу (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 10).

Л. 84-84 об; Ф. Р-2251. Оп. 2. Д. 1424. Л. 29; Сергей Коломнин. Архив: Солдат революции, так и не ставший маршалом // Журнал. 2009. URL: http://bratishka.ru/archiv/2009/3/2009_3_13.php (дата обращения: 05.07.2010).

183. Трудовой Дон. 1922. № 193. 14 марта; № 324. 23 августа. На суде, правда, указывалась цифра в 20 человек.
184. Суд над еп. Арсением // Там же. № 329. 30 августа.
185. Горбачёв Д.А. Донская Голгофа. С. 120–121.
186. Кривова Н.А. Указ. соч. – URL: http://www.unilib.neva.ru/dl/327/Theme_10/Literature/Krivova.htm. Но там были и погибшие, и раненые.
187. Суд над еп. Арсением // Трудовой Дон. 1922. № 329. 30 августа.
188. Донполитотдел.
189. Архивы Кремля. Кн.1. С. 118–119; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С.77–78.
190. Изъятие церковных ценностей // Трудовой Дон. 1922. № 193. 14 марта.
191. Кривова Н.А. Указ. соч.; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 31, 39.
192. Троцкий занимал должность «Особоуполномоченного СНК по учёту и сосредоточению ценностей». Вместе с ним наиболее активную роль в кампании играл, конечно же, Ленин, оказывающий Троцкому непосредственную поддержку, и Сталин. С собственными инициативами, оказывающими воздействие на выработку линии Политбюро, выступала также Лубянка (Архивы Кремля. Кн. 1. С. 16, 24–25, 36).
193. В её состав входили И.С. Уншлихт – первый заместитель председателя ГПУ, один из создателей советских спецслужб, Т.В. Сапронов – старый большевик, член президиума ВЦИК, Ф.Д. Медведь – начальник Московского губернского отдела ГПУ, Р.С. Самойлова-Землячка и поп- расстрига М.В. Галкин (Горев, «спец» по пропаганде).
194. Архивы Кремля. Кн.1. С. 133–136.
195. Там же. Кн. 1. С. 116.
196. Там же. С. 139.
197. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 134. Л. 61.
198. [Отчёт профсоюза текстильщиков] // ГАРО. Ф. Р-3713. Оп. 1.
- Д.
269. Л. 5.; [План ведения агитационной кампании] // Там же. Л. 6.
199. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 134. Л. 66.
200. ГАРО. Ф. Р-3713. Оп. 1. Д. 269. Л. 5 об.
201. Этот факт нашел отражение в прессе (Советский Юг. 1922. № 109).
202. [Протокол допроса митрополита Митрофана (Симашкевича)] // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 347 об.
203. Советский Юг. 1922. №87. 19 апреля.
204. ЦДНИРО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 23. Л. 29 об.
205. Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 16.
206. Архивы Кремля. Кн. 1 С. 74.

207. Молодёжь Юго-Востока России. 1922. №3.
208. ГАРО. Ф. 2287. Оп. 1. Д. 269. Л. 106–106 об.
209. Там же. Л. 7.
210. [Отчёт профсоюза текстильщиков] // ГАРО. Ф.Р-3713.
Оп.1. Д.269. Л. 5 об.
211. Там же. Л. 3.
212. К изъятию церковных ценностей на Ю.-В. // Советский Юг. 1922. № 87, 96.
213. Курляндский И.А. Указ. соч. С. 94.
214. Отчёт Донской прокуратуры за 1925 г. //ГАРО. Ф.Р-1798.
Оп.3. Д.42. Л.512.
215. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 27. Л. 49. Документ датирован 22 мая 1922 г.
216. Там же. Оп. 3. Д. 42. Л. 303 об.
217. Там же. Л. 303 об–304; Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 27. Л. 48.
218. Кривова Н.А. Указ. соч.
219. Протокол № 1 совещания в ГПУ о проведении кампании по изъятию церковных ценностей 8 марта 1922 г. // Архивы Кремля. Кн. 1. С. 117.
220. Кривова Н.А. Указ. соч. – URL: http://www.unilib.neva.ru/dl/327/Theme_10/Literature/Krivova.htm.
221. Там же.
222. Предложения Троцкого Л.Д. 9 апреля 1922 г. // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 105–106.
223. Предложения Троцкого Л.Д. 23 марта 1922 г. // Там же. С. 103.
224. [Приложение к протоколу №115 от 22 марта 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б)] // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 97.
225. Российское телеграфное агентство – центральный информационный орган Советского государства в 1918–1925 гг.
226. Обзор «Как проводилась кампания по изъятию ценностей УПП (РОСТА)» // Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. – М.: ПСТГУ, 2006. С. 123.
227. Рабочие и служащие гор. Ростова-на-Дону об изъятии церковных ценностей // Трудовой Дон. 1922. №209. 2 апреля.
228. Советский Юг. 1922. № 86, 106, 107 и др.
229. Более подробно методов антирелигиозной пропаганды данного периода коснёмся в 3-й главе исследования.
230. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 134. Л. 66. ПУСКВО – Политическое управление Северо-Кавказского военного округа.

231. Там же. Л.70. Выделено мною.
232. Там же. Л.79; ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 303 об.; Трудовой Дон. 1922. № 226-228.
233. Стенограмма пленума Доноблисполкома IV созыва // ГАРО. Ф. Р- 97. Оп. 1. Д. 27. Л. 48 об.
234. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 134а. Л. 79.
235. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 306.
236. Там же. Л. 307 об.
237. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 134а. Л. 110.
238. Золотник серебра на лом эксперт оценивал в 100 тыс. руб. и в 150- 200 тыс. рублей в качестве изделия.
239. Для сравнения, в Ставрополе изъято 20 пудов серебра, в Пятигорском уезде – 50 п.
240. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 52. Л. 42 об. – 43.
241. Архивы Кремля. Кн.1. С. 184.
242. Протокол №8 заседания Комиссии по учёту и сосредоточению ценностей (20.03.1922) // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Составитель Г. Штриккер. – М.: Пропилеи, 1995.
243. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 155.
244. Там же. С. 82.
245. Имеется в виду неденоминированными «советскими деньгами».
246. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 167.
247. Телеграмма Сталину об оплате расходов по антистихонической агитации (24.05.1922) // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991).
248. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 44–45.
249. Курляндский И.А. Указ. соч. С. 145.
250. Там же. С. 146-147.
251. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 20.
252. ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 352. Л. 32, 33 об. Имеются в виду советские рубли.
253. После деноминации 1922 г. новый 1 рубль приравнялся к 10 тыс. прежних рублей (то есть обмен был произведён в отношении 1:10 000). (Крединс Н.Е. Денежные реформы в СССР 1922–1924 годов и 1947 года // Финансовый менеджмент: Электронный журнал. 2001. №6. URL: <http://www.finman.ru/articles/2001/6/603.html> (дата обращения: 12.10.2010). В этот период темпы инфляции были беспримерно велики. За месяц совзнак терял до половины своей покупательной способности. 26 октября 1922 г. Народному Комиссариату финансов было поручено «приступить к чеканке золотой монеты, именуемой червонцем», который равнялся 10 царским рублям. 1 зол. рубль = 1140 рублям совзна-

ками. Т.о. деноминации непосредственно предшествовала кампания по изъятию ценностей.

254. ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 352. Л. 40, 52 об.

255. В краевой комиссии по проведению двухнедельника помощи голодающим // Трудовой Дон. 1922. № 211. 5 апреля.

256. ГАРО. Ф. Р-1013. Оп. 1. Д. 28. Л. 13–13об.

257. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 27. Л. 48–49 об.; ЦДНИРО. Ф. 6. Оп. 1.

Д.

15. Л. 34 об. – 35об.; Советский Юг. 1922. № 132. 13 июня; № 133. 14 июня; Хлебороб. 1922. 16 июня. Таким образом, это число существенно превышает упомянутые в сборнике «Архивы Кремля» цифры по Донской области, основанные на материалах тематического дела №24 фонда Политбюро АПРФ о судебных процессах в связи с сопротивлением изъятию. В сборнике отмечены 2 процесса в Ростове-на-Дону и, без уточнения численности, процессы в Новочеркасске (Архивы Кремля. Кн. 1. С. 39–40).

258. Трудовой Дон. 1922. 13 мая; 21 мая.

259. Суд над еп. Арсением // Трудовой Дон. 1922. № 331. 1 сентября; Кривова Н.А. Указ. соч. – URL: http://www.unilib.neva.ru/dl/327/Theme_10/Literature/Krivova.htm.

260. Революционный суд // Советский Юг. 1922. № 108. 17 мая; Процесс причта Александро-Невской церкви // Советский Юг. 1922. 17 мая; Архивы Кремля. Кн. 1. С.55–56.

261. Процесс причта Александро-Невской церкви // Советский Юг. 1922. 7 мая.

262. Кривова Н.А. Указ. соч.

263. Архивы Кремля. Кн.1. С. 142.

264. Там же. С. 143. Выделено мною.

265. Кривова Н.А. Указ. соч.

266. Советский Юг. Экстренный выпуск. 1922. 28 мая.

267. Суд над еп. Арсением // Трудовой Дон. 1922. № 331. 1 сентября.

268. Там же. № 324. 23 августа.

269. Там же. № 331. 1 сентября.

270. Там же.

271. Там же.

272. Там же. № 329. 30 августа.

273. Кривова Н.А. Указ. соч.

274. Там же.

275. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 74.

276. Суд над священниками в Азове // Советский Юг. 1922. № 133. 14 июня.

277. О способах вербов- ки в обновленчество будет сказано

ниже.

278. Показательна в этом плане и дальнейшая судьба материалов указанных следственных дел. При подготовке процесса патриарха Тихона особоуполномоченный ГПУ Я.С. Агранов подписал распоряжение «запросить из судебных учреждений Республики... заслушанные дела по обвинению церковников,... оказавших противодействие Соввласти на местах по изъятию церковных ценностей» (Архивы Кремля. Кн. 1. С. 86). Дела были отправлены в Москву и использовались при подготовке процесса по делу патриарха Тихона.

279. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 116. Л. 10 об; Д. 134а. Л.79.

280. В донской прессе выступил священник-обновленец Василий Чернявский, он сказал о необходимости сдать все ценности из храмов (Коммунист. 1922. 3 марта).

281. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 304 об.

282. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 134а. Л. 130.

283. Советский Юг. 1922. № 87, 96.

К ГЛАВЕ II

1. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 162.

2. Там же. С. 164.

3. Там же.

4. Доклад начальника VI отделения Секретного отдела ГПУ Е.А. Тучкова Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) «о тихоновщине». 30 октября 1922 г. // С. 331–332.

5. Воронцова И.В. Л. Д. Троцкий как стратег обновленческой реформации // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. II:4 (33). С. 51–62.

6. Там же. С. 62; Воронцова И.В. Русский христианский модернизм в контексте церковного реформирования: 1-я четверть XX века. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2009. С. 23.

7. «Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И.В. Соловьёв. М., 2002. С. 18-23.

8. Воронцова И.В. Русский христианский модернизм... С. 19.

9. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с. С. 68.

10. Там же.

11. Воронцова И.В. Указ. соч. С. 23.

12. Ореханов Ю.Л. Указ. соч. С. 9.

13. Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 73.

14. Степанов А.С. Обновленческий раскол как средство антицерковной политики советской власти в 1922–1923 гг. С. 10.

15. См., например: Архивы Кремля. Кн.1. С. 341, 346.

16. Там же. С. 341. Выделено в документе.
17. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 148, 151.
18. Трудовой Дон. 1922. 26 апреля.
19. Там же.
20. Раскол церкви и трудящиеся // Там же. 23 мая.
21. Примерно в это же время, не позднее начала мая, был арестован и сам епископ Арсений.
22. Цит. по: Архивы Кремля. Кн. 1. С. 77.
23. Там же. С. 31, 77.
24. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. С. 214, 219-220.
25. Шкаровский М В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999. С. 20; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 51.
26. Обращение Исполнительного Комитета по делам Ростовской епархии // Трудовой Дон. 1922. 27 июня.
27. Там же. 16 мая.
28. Там же. 17 мая.
29. На суде вспомнили, что Сокальский не ладил с прихожанами, а редакционный совет журнала «Церковь и жизнь», в котором он осуществлял свою деятельность, однажды выразил ему недоверие, в связи с чем он почувствовал себя обиженным и покинул журнал (Суд над еп. Арсением // Трудовой Дон. 1922. № 329. 30 августа).
30. Из воспоминаний священника Павла Чехранова следует, что Михаил Попов и Андрей Сокальский были священниками Покровской и Никольской церквей соответственно. См.: Чехранов П., священ. Две тюремные Пасхи. Из воспоминаний. – Публ. Н.Д. Егорова. – URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/2827dve.htm (дата обращения: 22.05.2011).
31. Суд над причтом Покровской церкви // Трудовой Дон. 1922. № 257.
3 июня. Оправдан по делу причта Покровской церкви по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей. На суде давал показания против настоятеля церкви священ. А. Гурича.
32. Поход ростовского духовенства против князей церкви // Там же. 17 мая.
33. Чехранов П., священ. Указ. соч.
34. Там же.
35. Трудовой Дон. 1922. 17 мая.
36. Чехранов П., священ. Указ. соч.
37. Там же.
38. Там же.

39. Обращение Исполнительного Комитета по делам Ростовской епархии // Трудовой Дон. 1922. 27 июня.
40. Поход Ростовского духовенства против «князей церкви». (Из беседы с членами Временного Исполбюро по делам Ростовской Епархии) // Трудовой Дон. 1922. 23 мая; Обращение Исполнительного Комитета по делам Ростовской епархии // Там же. 27 июня.
41. Аксайская епархия была номинальной. Епископ Аксайский являлся помощником митрополита Донского и Новочеркасского и проживал в г. Новочеркасске.
42. [Материалы агентов ГПУ] // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 127 об., 170.
43. Протокол допроса еп. Митрофана 7 июня 1922 г. в ДОГПУ // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 343–343 об.; В Донское областное политическое управление. Свящ. А. Трефильев. 29 августа 1922 г. // Там же. Л. 191.
44. Поход Донского духовенства против «князей церкви». Организация Исполкомов по области // Трудовой Дон. 1922. 14 июня.
45. Там же. 23 июня.
46. Поход против «князей церкви» // Трудовой Дон. 1922. 23 июня.
47. Там же. 16 июня.
48. Там же.
49. Реформистское движение в православной церкви // Трудовой Дон. 1922. 17 июня.
50. Там же.
51. Архивы Кремля. Кн. 2. С. 310.
52. Обращение Исполнительного Комитета по делам Ростовской епархии // Трудовой Дон. 1922. 27 июня.
53. Протокол №1 заседания Ростовского н/Д Епархиального Съезда духовенства и мирян // ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 90. Л. 1.
54. Основные биографические данные еп. Феофилакта (Клементьева) таковы. В миру Фёдор Клементьев (1870-1923). 24 апреля 1911 года хиротонисан во епископа Таганрогского, викария Екатеринославской епархии. С 4 апреля 1913 года — епископ Слуцкий, викарий Минской епархии. 6 марта 1917 года возглавил торжественный молебен в Минске по случаю изменения политической системы в стране. Участвовал в работе Поместного Собора Православной Российской Церкви. С 1918 года — епископ Елисаветпольский, Кавказского Экзархата. Вскоре был удалён грузинскими архиереями из Грузии. С 1919 года — епископ Прилуцкий, викарий Полтавской епархии. Скончался без покаяния в участии в обновленческом расколе 5 января 1923 года, погребён в Ростовском Кафедральном соборе с алтарной стороны в специальном склепе.

http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/2827dve.htm.

56. Там же.
57. Фетисов Т., священник. Из истории православия в Таганроге. – Таганрог, 2000. С. 65.
58. ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 90. Л. 2.
59. Там же. Л. 3.
60. Протокол №2 // Там же. Л. 2 об.
61. Протокол №3 // Там же. Л.10 об.
62. Там же.
63. Там же. Л. 3–3 об.
64. Там же. Л. 3 об. – 4.
65. Там же. 4.
66. Там же. Л. 4 об.
67. Там же.
68. Там же. Л. 4 об.
69. Там же. Л. 5.
70. Там же. Л. 5–5 об.
71. Там же. Л. 5 об.
72. Там же.
73. Там же. Л. 6–7.
74. Там же. Л. 7.
75. Там же. Л. 7–7 об.
76. Там же. Л. 7 об.
77. Там же. Л. 7 об. – 8.
78. Там же. Л. 8.
79. Чехранов П., священник. Указ. соч.
80. ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 90. Л. 8 об.
81. Там же. Л. 10.
82. Там же.
83. Протокол №3 // Там же. Л.10 об. –12.
84. Там же. Л. 10 об.
85. Там же.

86. Речь идёт о епископе Аксайском Митрофане (Гринёве), викарии Донской епархии.
87. Очевидно, что после самоустранения митрополита Митрофана (Симашкевича) и ареста епископа Ростовского Арсения (Смоленца), епископ Митрофан возглавил обе епархии – и Ростовскую, и Донскую.
88. Протокол №3 // ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 90. Л. 12.
89. Там же. Л. 12–12 об.
90. Там же. 12 об.
91. Там же. Л. 16–17.
92. Там же. Л. 12 об.
93. Там же. Л. 15.

94. Там же.
95. Там же. Л. 15 об. О чём конкретно идёт речь, не ясно.
96. Протокол №4 // Там же. Л. 17 об.
97. Там же. Л. 17 об.
98. Там же.
99. Там же. Л. 18 об.–19.
100. Там же. Л. 19.
101. Там же. Л. 19 об.
102. Там же. Л. 20.
103. Там же. Л. 20 об.
104. Поправка к Приходскому Уставу // Там же. Л. 22.
105. Там же. Л. 20 об.
106. Там же. Л. 22; Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о православном приходе. 7 (20) апреля 1918 г. // Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Выпуск третий. – М.: Издание Соборного Совета, 1918. С. 15.
107. ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 90. Л. 22 об.; Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о православном приходе. С. 24.
108. ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 90. Л. 23.; Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о православном приходе. С. 28.
109. ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 90. Л. 23; Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о православном приходе. С. 28 – 41.
110. ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 90. Л. 23–23 об. Сохранена лексика оригинала.
111. Там же.
112. Там же. Л. 24.
113. Определение Священного Собора Православной Российской Церкви об епархиальном управлении. 1(14), 7(20), 9(22) февраля 1918 г. // Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Выпуск третий. С. 18.
114. Цыпин Владислав, протоиерей. Церковное право. – URL: http://www.agnuz.info/tl_files/library/books/tserkovnoe_pravo/index.htm (дата обращения: 25.09.2011).
115. ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 90. Л. 24 об.
116. Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Выпуск третий. С. 19.
117. ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 90. Л. 24 об.
118. Чехранов П., свящ. Указ. соч. – URL:

http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/2827dve.htm.

119. ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 92. Л. 5, 7, 22. В этот период выходные в наиболее значительные православные праздники ещё не были отменены.

120. Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 128.

121. Там же. Л. 129.

122. Сафонов Д.В. Единоначалие и коллегиальность в истории высшего церковного управления Русской Церкви в период патриаршества святителя Тихона // Богослов. ru: [сайт]. 21.01.2009. URL: <http://www.bogoslov.ru>

</text/376306.html> (дата обращения: 20.01.2012).

123. Протокол допроса в ДОГПУ от 22 января 1923 г. // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 127–127 об.

124. Протокол допроса в ДООГПУ митрополита Донского и Новочеркасского Митрофана от 20 мая 1922 г. Подлинник, подпись подлинная // Там же. Л. 347–347 об. Подлинник, подпись подлинная.

125. Протокол допроса в ЧерОкрДООГПУ митрополита Митрофана Донского и Новочеркасского от 21 мая 1922 г. // Там же. Л. 350–350 об. Подлинник, подпись подлинная.

126. Там же. Л. 266.

127. Протокол допроса // Там же. Л. 343; Подписка о невыезде // Там же. Л. 344.

128. Там же. Л. 353, 354.

129. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX в. С. 96–97.

130. [Заявление в Высшее Церковное Управление. 31 июня 1922 г.] // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 185.

131. В Исполком Ростовской епархии. Свящ. А. Трефилъев. 27 августа 1922 г. // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 189.

132. Там же. Л. 189 об.

133. Там же. Л. 191–191 об. Подпись подлинная.

134. Подчёркнуто в тексте.

135. Там же. Л. 191–191 об. Подчёркнуто в документе.

136. Там же. Л. 198 об.

137. Там же.

138. Там же. Л. 191.

139. Там же. Л. 332–342 об. В материалах органов ДОГПУ есть нумерованный список в 647 подписей и кроме него ненумерованный список на трёх страницах.

140. Чехранов П., свящ. Указ. соч. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/2827dve.htm.

141. Протокол №1 заседания Ростовского н/Д Епархиального

Съезда духовенства и мирян // ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 90. Л. 1, 15.

142. Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 62 об.
143. Поход против «князей церкви» // Трудовой Дон. 1922. 23 июня.
144. [Протоколы допросов в ДОГПУ] // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 89, 98, 127 об, 128, 331.
145. Там же. Л. 127 об.
146. Там же. Л. 89.
147. Протокол допроса в ДОГПУ 22 января 1923 г. Артемьева И.Я. // Там же. Л. 128.
148. Там же. Л. 108.
149. Там же. Л. 112.
150. В Донской Исполнительный Комитет // Там же. Л. 50.
151. Протокол допроса 22 января 1923 г. // Там же. Л. 62 об.
152. Протокол 5 сентября 1922 г. допроса в ДОГПУ Трефильева А.К. // Там же. Л. 196. Подлинная подпись.
153. Акт об образовании «ЕССАЦ» // Там же. Л. 27. Подлинник.
154. Там же. Л. 192, 196 об.–197.
155. В Донское Областное Государственное Политическое Управление. 13 ноября 1922 г. Письмо свящ. А.Трефильева // Там же. Л. 192. Подлинная подпись.
156. Главное управление по делам Православной Церкви на Юго- Востоке России, №1, 30 октября 1922 г. Ростовскому Епархиальному Комитету // Там же. Л. 198 об.
157. Там же. Л. 27.
158. Там же.
159. Письмо свящ. А.Трефильева // Там же. Л. 192.
160. Там же. Л. 193 об.
161. Там же.
162. Донесение в Донское обл. государственное политическое управление граждан нижеподписавшихся «Зашифрованная контрреволюция на церковном фронте в г. Ростове-на-Дону» // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 174.
163. Там же. Л. 193 об.
164. Там же. Трефильев настойчиво просил вернуть протоколы сменившего Емельянова на посту начальника ДОГПУ Ф.М. Звякина, и в присущей ему едкой, ироничной манере писал: «Протоколы первого организационного собрания лежат уже 2 месяца... Этот срок вполне достаточен не только для соблюдения всевозможных карантинно- дезинфекционных предосторожностей, но и для окончательного развеяния (так в тексте – Ю.Б.) малейшего контрреволюционного духа, если только он там был» (Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 193 об).
165. Архив УФСБ РО. Д. П- 53110. Л. 193–193 об.

166. Письмо свящ. А.Трефильева // Там же. Л. 193 об. –194.
167. Там же.
168. Указ ВЦУ // Журнал №33. 1922. 16 августа.
169. Епархиальный Исполнительный Комитет священнику Николаевской церкви о. А.Трефильеву, 2 сентября 1922 г. // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 19.
170. Там же. Л. 169.
171. Протокол №33 заседания Ростовского н/Д Епархиального Управления от 7-го сентября нов.ст.1922 г. // ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 90. Л.9. (Протоколы заседаний Ростовского епархиального съезда духовенства, состоявшегося в г. Ростове, 1922 г.)
172. Постановление Епархиального Исполнительного Комитета 9 ноября 1922 г. №732 // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 12. Заявление Трефильева датировано 30 октября.
173. Там же. Л. 27а. Фрагмент газеты.
174. Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 25об.–26. Рукопись. 12/25 ноября 1922 г.
175. [Постановление прокурора Донской области, 19 декабря 1922 г.] // Там же. Л. 14.
176. Там же.
177. [Телеграмма настоятелю Цукоровского Николаевского монастыря]
// Там же. Л. 234.
178. Его Преосвященству, Преосвященнейшему Митрофану, еп. Аксайскому, викарию Донской епархии. 1/14 октября 1922 г. // Там же. Л. 357. Подписи поставили: протодиакон Новочеркасского Кафедрального собора Симеон Троицкий, протоиерей Иоанн Золотарёв, прот. Захария Лобов, прот. Иоанн Артемьев, прот. Пётр Руднев, прот. Владимир Волагулин, священник Андрей Савичев, прот. Василий Дмитриев, прот. Симеон Попов, прот. Евгений Воронин, прот. М. Ковалёв, прот. Дмитрий Перескопский (фамилия написана неразборчиво), прот. Иулиан Симашкевич, свящ. Михаил Петров, прот. Дмитрий Афанасьев, свящ. Артемий Шишкин, свящ. Авдий Ильнов, прот. И. Фомин, свящ. Косьма Сердюков, прот. Андрей Гудков, прот. М. Прокопьев, прот. Алексей Тапинский, прот. Тит Климов, прот. Иоанн Максимов, свящ. Иаков (фамилия написана неразборчиво), прот. Пётр Шапошников, свящ. Василий (фамилия написана неразборчиво).
179. [Заявление Донского Епархиального Управления уполномоченному ДОГПУ. 26 декабря 1922] // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 218.
180. Там же. Л. 299 об.
181. Там же. Л. 224. Листовка. Подлинник.
182. Там же. Л. 228. Листовка. Подлинник.

183. Там же. Л. 224, 235.
184. [Материалы агентурной разработки] // Там же. Л. 169 об.
185. [Заявление Донского Епархиального Управления уполномоченному ДОГПУ] // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 218.
186. Там же. Л. 234.
187. [Протокол допроса в ДОГПУ 22 января 1923 г. Артемьева И.Я.] // Там же. Л. 127.
188. Там же. Л. 234.
189. [Материалы агентурной разработки] // Там же. Л. 169.
190. Там же. Л. 234.
191. Там же. Л. 129.
192. Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 5.
193. ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 90. Л. 5 об.
194. [Протокол допроса в ДОГПУ 22 января 1923 г. Чехранова П.Д.] // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 82 об.
195. Чехранов П., священник. Указ. соч. URL:
http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/2827dve.htm.
196. В Донское областное политическое управление 27 августа 1922 г. // Архив УФСБ по РО. Д. П-53110. Л. 191. Письмо Трефильева, подлинник.
197. Трудовой Дон. 1922. 3 июня.
198. Архив УФСБ РО. Д. П-6372. Л. 6. По данному делу Гурич обвинялся в том, что, будучи секретным сотрудником ОГПУ, разглашал сведения о своей работе. Гурич не был обновленцем, однако он выйдет на арену событий в период григорианского раскола, но не исполнит требований спецслужб и будет репрессирован во внесудебном порядке.
199. Архив УФСБ РО. Д. П-6372. Л. 5, 6, 13.
200. Там же. Д. П-53110. Л. 224.
201. Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 130, 131.
202. Там же. Л. 129.
203. Там же. Л. 129.
204. Протокол допроса Волагурина в ДОГПУ 22 января 1923 г. // Там же. Л. 99.
205. Там же. Л. 183.
206. В Донское областное политическое управление 27 августа 1922 г. // Там же. Л. 191. Письмо Трефильева, подлинник.
207. Прошение во ВЦИК Артемьева И.Я. // Там же. Л. 375 об.–376.
208. Прокурору РСФСР проф. Бунакова Александра Николаевича // Там же. Л. 163. Письмо, подлинник, автограф.
209. Заключительный акт // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 170 об.

210. Характеристика дополнительного материала к делу №28 // Там же. Л. 131 об.
211. [Протокол допроса Чехранова в ДОГПУ 22 января 1923 г.] // Там же. Л. 82.
212. Там же. Л. 82об.–83.
213. Протокол допроса // Там же. Л. 172–173 об. Подлинник, подлинные подписи.
214. Донесение в Донское обл. государственное политическое управление граждан нижеподписавшихся «Зашифрованная контрреволюция на церковном фронте в г. Ростове-на-Дону» // Там же. Л. 174.
215. Там же. Л. 174.
216. Заключение по делу №17006. 28 февраля 1923 г. // Там же. Л. 363. Подлинник, машинопись, подписи и резолюции – автографы.
217. Характеристика дополнительного материала к делу №28 // Там же. Л. 131; Л. 363.
218. Там же.
219. Там же. Л. 363.
220. Там же. Л. 169.
221. [Материалы агентурной разработки] // Там же. Л. 168 об.–169.; Л. 363.
222. Там же. Л. 363 об.
223. Выписка из протокола заседания Комиссии НКВД по административным высылкам от 30 марта 1923 г. // Там же. Л. 377.
224. Чехранов П., священник. Указ. соч. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/2827dve.htm.
225. Там же.
226. Там же.
227. Там же.
228. Заявление Шишкина А.П. председателю ВЦИК тов. Калинину. 9 июня 1923 г. // Архив УФСБ РО. Д. П-53110. 372–373 об. Подлинник, автограф.
229. Заявление православных верующих г. Новочеркаска Прокурору Республики. 27 марта 1923 г. // Там же. Л. 365.
230. Помощнику Прокурора Республики тов. Катаньяну. Прозоровская. 12 июня 1923 г. // Там же. Л. 391–392, 370.
231. Протокол №5 Церковно-приходского совета Ростовского н/Д. Александро-Невского собора 1923 года 25 января/7 февраля. [Доклад о съезде] // ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 221. Л. 147.
232. Там же.
233. См., например: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 244–245; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 86–95; Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история... С. 105–107; Кривова Н.А. Указ. соч. С. 182; Лобанов В.В. Патриарх Тихон и Советская власть (1917–1925). –

М., 2008; Петров С.Г. Освобождение Патриарха Тихона из-под ареста: Источниковедческое изучение покаянных» документов // Материалы конференции «История Русской Православной Церкви в XX в. (1917-1933 гг.)». – Сэнтендре (Венгрия), 2001. С. 213–237; Сафонов Д.В. Почему не состоялся процесс над Патриархом Тихоном? // Российская государственность XX века: Материалы межвузовской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина, 16 декабря 2000 г. М.: РГУ, 2001. И др.

234. Курляндский И.А. Указ. соч. С. 198.

235. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 270–272.

236. Там же. С. 90, 263–264. Об этом докладывал и нарком иностранных дел Г.В. Чичерин.

237. [Протокол допроса епископа Захарии (Лобова)] // Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 14.

238. Рапорт информатора «Бокал 7» уполномоченному ГПУ 6 отд. 7 октября 1923 г. // Там же. Л. 47. Заверенная копия; [Донесение архиеп. Мелхиседека начальнику Черкасского окружного ДОГПУ тов. Сизенцеву 5 октября 1923 г.] // Там же. Л. 55. В литературе распространено ошибочное представление, что одним из архиереев, совершивших хиротонию, был епископ Митрофан (Гринёв). Это не может соответствовать действительности по двум причинам. Во-первых, арестованный 22 января 1923 г. епископ Аксайский Митрофан в октябре 1923 г. отбывал наказание на Соловках. Во-вторых, материалы следственного дела епископа Захарии совершенно ясно говорят о том, что это был митрополит Донской Митрофан (Симашкевич). Фамилия второго архиерея в архивных документах не указана. Наиболее вероятно, что это был епископ Иннокентий (Бусыгин), впоследствии – епископ Шахтинский и Каменский, один из основных участников григорианского раскола (так же как и митрополит Митрофан). Этот епископ, по одним сведениям ДОГПУ, отбыл обратно в Москву, по другим, уехал в Старочеркасский монастырь (Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 49), как указывалось, «на покой» (Там же. Л. 50). На богослужении присутствовали священники Троицкой церкви Модест Захаревич и Дмитрий Афанасьев (Там же).

239. Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 47, 55.

240. Удостоверение священника Александра Колесникова [клирик Стефано-Архиерейской церкви слободы Ефремово-Степановской]. 12–15 февраля 1924 г. // Там же. Л. 11. Подлинник, подписи митрополита Митрофана и епископа Захарии; Протокол допроса от 9 марта 1924 г. // Там же. Л. 20.

241. Там же. Л. 47.

242. Подписка о невыезде из Ростова-на-Дону 11 октября 1923 г. // Там же. Л. 61. В Ростове он проживал по адресу: ул. Большая Садовая, 99-б, 5 этаж, 36 комната.

243. Протокол допроса 12 октября 1923 г. // Там же. Л.

59об. Протокол допроса 12 октября 1923 г.

244. Постановление 10 декабря 1923 г. помощника уполномоченного 1 отделения СО ДОГПУ // Там же. Л. 66.

245. Возможно, одним из факторов, спасших от ареста епископа Захарию в этот раз, могли быть социальные связи: зять епископа – Михаил Анохин был секретарём прокурора края (Там же. Л. 62). Конечно, этот фактор, если он возможен, нельзя считать определяющим.

246. В материалах дела указаны два конспиративных адреса в Новочеркасске: 1) Разрытый переулок, д. 6. Варвара Ивановна Ткачёва, 2) Красный спуск, д.4-6, Флалиана (возможно, Филиона) Ламонова. Последняя была монахиней. Известен ещё один адрес, который использовался для переписки еп. Захарии с благочинным Богдано-Киевского округа свящ. Александром Гордеевым: Миллерово, Верхне-Макеевское почтовое отделение, Александра Матвеевна Вордухина. (Постановление от 26 февраля 1924 г. о направлении материала дела в ПП ОГПУ на Юго-Востоке России // Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 27).

247. Протокол №9 1923 года 27 декабря общего собрания членов религиозной общины Донской Богородицкой церкви слободы Старочеркасской, в числе 45 чел. // Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 98.

248. В материалах следственного дела представлен ряд подлинных документов. Прошения подобного рода содержат автографы обоих иерархов

– митрополита Митрофана и епископа Захарии.

249. Прошение общины Иверско-Никольской церкви Цукоровой балки // Там же. Л.29.

250. [Донесение информатора «Идейный» начальнику новочеркасского отдела ГПУ] // Там же. Л. 68.

251. [Письмо еп. Захарии псаломщику Николаевской церкви г. Миллерово Баринову Ивану Степановичу, 3 января 1924 г.] // Там же. Л. 77.

252. Там же. Л. 69–69 об. Письмо датировано 6 декабря 1923 г. Перлюстрация органов ОГПУ.

253. [Письмо прот. Д. Евфанова, 23 января 1924 г.] // Там же. Л. 88.

254. Там же. Л. 20, 29, 44, 71–79.

255. [Донесение информатора «Идейный» начальнику Черкасского окружного ГПУ, 1 февраля 1924 г.] // Там же. Л. 92; [Донесение архиеп. Мельхиседека в ДОГПУ] // Там же. Л. 44; Л. 68, 98, 106.

256. [Письмо епископа Захарии благочинному морозовского округа] // Там же. Л. 79-79об.

257. [Письмо свящ. Александра Гордеева епископу Захарии (Лобову), 27 марта 1924 г.] // Там же. Л. 106. Заверенная копия.

258. [Форма прошения митр. Митрофану от причта, церковно-

приходского совета и прихожан Богдано-Киевского благочиния] // Там же. Л. 107.

259. [Докладная за подписью «Гражданин», 1 февраля 1924 г.] // Там же. Л. 91.

260. [Обращение в ДОГПУ архиеп. Мельхиседека] // Там же. Л. 44. Заверенная копия.

261. [Письмо прот. Е.Евфанова, станица Глазуновская. Копия] // Там же. Л. 69.

262. [Письмо о. Дмитрия еп. Захарии] // Там же. Л. 111. Подлинник.

263. [Письмо в ст. Глазуновскую прот. Дмитрию Евфанову] // Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 70.

264. [Письмо епископа Захарии (Лобова) протоиерею Иоанну Домовскому] // Там же. Л. 72. Копия.

265. В частности, архивно-следственном деле Лобова есть письма протоиерею Ростовского Кафедрального Собора Иоанну Цариненко и о. Владимиру Феодотьеву, сообщающее о предстоящем совместном с ними богослужении, письмо греческому архимандриту Савве Тарисе, и др. (Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 73, 75)

266. [Письмо в г. Димитриевск (Украина) св. Платону Евфимову] // Там же. Л. 74.

267. Там же. Л. 92.

268. Там же. Л. 106.

269. Там же. Л. 115.

270. Обвинительное постановление 27 марта 1924 г. уполномоченного секретного отдела ПП ОГПУ Ю.-В. России // Там же. Л. 112 об.

271. Протокол допроса от 9 марта 1924 г. // Там же. Л. 20; Л. 112 об.

272. Заключение 24 марта 1924 г. заместителя прокурора Донобласти В.Р. Пророкова по делу Лобова // Там же. Л. 113 об. Подлинник, автограф, написано на обороте обвинительного заключения.

273. Там же.

274. Заявление церковного совета Троицкой церкви гор. Новочеркаска Донской области помощнику Прокурора республики т. Катаньяну // Там же. Л. 118. Входящий НКЮ 28 мая 1924 г.

275. Там же. Л. 79.

276. Заключение по делу гр. Лобова // Там же. Л. 115; Заключение по следственному делу Лобова Якимовой, 5 июня 1924 г. // Там же. Л. 120.

277. Там же. Л. 114.

278. [Сообщение прокурору при НКЮ Зеленеvu] // Там же. Л. 116.

279. Выписка из протокола Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 26 сентября 1924 г. // Там же. Л. 124.

280. Там в 1926 г. вместе с другими епископами он принял участие в составлении известного Обращения к правительству СССР православных епископов из Соловков – так наз. «Соловецкое послание». Дальнейшая судьба епископа сложилась следующим образом. 3 сентября 1926 г. особое совещание при коллегии ОГПУ пересмотрело дело и постановило по отбытии срока наказания Лобова выслать в Марийскую область сроком на 3 года. Так епископ оказался на поселении в г. Краснококшайске (ныне Йошкар-Ола). 27 января 1928 г. дело было вновь пересмотрено, епископ Захария был досрочно освобождён из ссылки, ему разрешили свободное проживание в СССР. 21 февраля он отбыл к избранному месту жительства в Тверь, где служил епископом Новоторжским, а затем Бежецким викарием Тверской епархии. С 1929 г. проживал в Воронеже, управлял епархией в сане архиепископа. В 1935 г. арестован, в 1936 г. прибыл в Карлаг, в 1937 г. осуждён тройкой при УНКВД СССР по Карагандинской области, приговорён к расстрелу. Расстрелян в лагере и погребён в общей безвестной могиле. В 2000 г. Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви причислен к лику святых. Источники: Архив УФСБ РО. Д. П-15250; Архив Центра правовой статистики и информации при обл. прокуратуре г. Караганды. Д. 2187; ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 80; Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 568, 702, 862, 972; База данных ПСТГУ.

281. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42.

282. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 17. Л. 467.

283. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 431.

284. Каплин П.В. Восстановление патриаршества в РПЦ и расколы 1920-х годов // 1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона: Материалы Международной научной конференции. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. С. 197-203.

285. Каноны действительно не знают должности заместителя местоблюстителя патриаршего престола, но и действия в том исключительно сложном положении, в котором оказалась Церковь, не были предусмотрены канонами.

286. Каплин П.В. Указ. соч. С. 199.

287. Там же; (Снычев) Иоанн, митр. Стояние в вере: Очерки церковной смуты. – СПб., 1995. URL: <http://lib.rus.ec/b/193822/read> (дата обращения: 27.07.2011)

288. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 1077. Л. 1, 2.

289. Там же. Л. 2.

290. Правда о Временном Высшем Церковном Совете и Нижегородском митрополите Сергии [Страгородском] (брошюра) // Акты Святейшего Тихона... С. 483. См. также опубликованные в сборнике два письма с канонической оценкой действий ВВЦС и митроп. Митрофана (С. 627-634) и комментарий составителя к брошюре (С. 778-779).

291. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 1077. Л. 2-3.

292. (Снычев) Иоанн, митр. Указ. соч.
293. Там же.
294. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 1077. Л. 3.
295. Там же. Л. 1–2.
296. Там же. Л. 3. Данные разъяснения в протоколе собрания не отражены.
297. Там же. Л. 9.
298. Архив УФСБ РО. Д. П-6372 (По обвинению Гурича Александра Пантелеймоновича).
299. Там же. Л. 13, 18.
300. Обвинительное заключение // Там же. Л. 18.
301. Там же.
302. Протокол допроса обвиняемого 29 июня 1927 г. // Там же. Л. 6.
303. Там же. Л. 6–6 об.
304. Там же. Л. 6 об.
305. Там же. Л. 6 об, 9.
306. Архив УФСБ РО. Д. П-6372. Л. 25, 30. Реабилитирован 27 марта 2008 г.
307. П.Г. Смидович и Я.В. Полуян – члены Президиума ВЦИК.
308. В Крайисполком тов. Дорошеву. Секретно. [Записка Ф.М. Звякина]
// ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 86. Л. 510. Подлинник.
309. ЦХАД. Ф. Р-33. Оп. 2. Д. 2. Л. 33.
310. Докладная записка Дзержинского в Политбюро ЦК РКП(б) о перспективах крестьянского движения в связи с ожидающимся неурожаем // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: 1918 – 1939 гг. Док. и материалы. Т. 2. – М., 2000. С. 197.
311. Там же. С. 204– 205.
312. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 512.
313. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 годы). Том 6, ч. 1 / ИРИ РАН, ЦА ФСБ; Под ред. Г.Н. Севастьянова. М., 2001. С. 335.
314. Там же.
315. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 59. Л. 2.
316. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: Очерки истории.
– Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 244 с. С. 90, 92, 96, 117.
317. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 204 СЧ. Л. 10–10 об. (Личный архив А.И. Микояна)
318. Сведения об общем количестве членов Волисполкомов и их партийной принадлежности (членов РКП(б), кандидатов, со-

чувствующих, беспартийных) // ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 654. Л. 168–168 об.

319. Там же. Л. 61.

320. Там же. Л. 70.

321. Там же. Д. 263. Л. 159.

322. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 117.

323. То есть подчиняющиеся заместителю местоблюстителя Патриаршего Престола митрополиту Сергию (Страгородскому), будущему патриарху.

324. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 59. Л. 1–9.

325. Там же. Л.3.

326. См.: Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч.

327. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 59. Л. 2.

328. Сводка №30 информотдела ОГПУ о ходе весенней хлебозаготовительной кампании по Северо-Кавказскому краю // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: 1918 – 1939 гг. Т. 2. С. 761.

329. Там же. С. 761.

330. Оперативная сводка информотдела ОГПУ №40 о ходе хлебозаготовительной кампании по материалам на 1 июня 1929 г. // Там же. Т. 2. С. 914.

331. Там же. С. 914, 920-221.

332. Там же. С. 914.

333. Из докладной записки Секретно-оперативного отдела ОГПУ

«Предварительные итоги борьбы с контрреволюцией на селе в 1929 г.» // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: 1918 – 1939 гг. Т. 2. С. 1018.

334. Там же. С. 1018.

335. Из справки информотдела ОГПУ об основных видах антисоветских проявлений в деревне за январь – июнь 1929 г. // Там же. С. 921.

336. Там же. 1018.

337. Из справки информотдела ОГПУ об организационных недочётах и кассовой борьбе вокруг коллективизации на Северном Кавказе по материалам на 15 декабря 1929 г. // Там же. С. 1015.

338. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: 1918 – 1939 гг. Т. 2. С. 1015.

339. Там же. С. 1016.

340. Там же.

341. Там же. С. 1019.

342. Из докладной записки Секретно-оперативного отдела ОГПУ «Предварительные итоги борьбы с контрреволюцией на селе в 1929 г.» // Там же. С. 1017.

343. Там же. С. 1021.

344. Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса. 2 февраля 1930 (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 17-25. Копия) // Российский портал «Уроки истории» Международного историко-просветительского и правозащитного фонда «Мемориал». URL: <http://www.urokiistorii.ru/2010/30/ogpu-o-likvidatsii-kulachestva> (дата обращения: 15.08.2011).

345. Препроводительная записка СКК Крайкома всем окр., обл. и оргбюро ВКП(б) // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 389. Л. 1–1 об. Машинописный подлинник.

346. Там же. Л. 2.

347. Подсчёт осуществлён автором на основе статистики Крайкома партии.

348. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 389. Л. 2, 3–9.

349. Там же. Л. 4–5.

350. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 59. Л. 9. Машинописная копия того времени.

351. В документе указано – 7633, что, очевидно, является опечаткой машинистки, возникшей, вероятно, при копировании документа.

352. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 59. Л. 6. О слабости обновленчества говорится и в данной сводке.

353. Заместитель патриаршего местоблюстителя в 1925 – 1926, 1927 – 1936, патриарший местоблюститель в 1936 – 1943, затем – патриарх. См.: Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / 3-е изд., испр. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. С. 797.

354. Протокол Ростовского-на-Дону епархиального съезда духовенства и мирян 6-7 сентября 1927 г. // ГАРО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2249. Л. 5.

355. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 76. Л. 393.

356. Там же. Л. 32, 41.

357. Там же. Л. 56, 93 об. 358. Там же. Д. 17. Л. 460. 359. Там же. Л. 396, 399. 360. Там же. Д. 17. Л. 138.

361. Там же. Л. 93 об, 391.

362. История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года. – М.: ПСТГУ, 2006. С. 413.

363. ЦХАД. Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 80. Л. 21; ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 17. Л. 465.

364. Там же. Л. 45.

365. Там же. Л. 58.

366. Там же. Л. 91, 92.

367. Речь идет о митрополите Митрофане (Симашкевиче), который к тому времени скончался.

368. ЦХАД. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 42. Л. 79.

369. Там же. Л.78.

370. Там же. Л.75. Оперативность властей в данном случае была удивительна – община Райисполкомом зарегистрирована спустя всего 4 дня после подачи заявления.

371. Там же. Д. 80. Л. 64.

372. Там же. Д. 332. Л. 24–25.

К ГЛАВЕ III

1. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 343.

2. Об этом подробнее см.: Курляндский И.А. Указ. соч.

3. Курляндский И.А. Указ. соч. С. 210.

4. Постановление Наркомюста РСФСР, НКВД РСФСР от 15.04.1923 // Библиотека правовых актов Союза Советских Социалистических Республик: [сайт]. URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss7143.htm> – URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss7143.htm> (дата обращения: 21.09.2011)

5. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране... Т. 1, ч. 2. С. 815, 866.

6. ЦХАД. Ф. Р-278сч. Оп. 2. Д. 6. Л. 74.

7. Там же.

8. Там же. Л. 53.

9. Доклад о деятельности Окрликвидкома по Шахтинскому округу в отношении выполнения циркуляра № 191 Донецгубликвидкома // Там же. Л. 78.

10. Там же. Л. 77.

11. Там же. Л. 53.

12. Там же.

13. там же. Л. 53 об.

14. Там же.

15. Там же. Л. 82.

16. В Шахтинское окротделение ГПУ // Там же. Л. 72.

17. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 447.

18. Там же. С. 446–448.

19. Там же. С. 415.

20. Там же. С. 417.

21. Там же.

22. Там же. С. 438, 443.

23. Имеется в виду осень 1922 г. См.: Архивы Кремля. Кн. 1. С. 433-434.

24. ЦХАД. Ф. Р-33. Оп. 2. Д. 2. Л. 32 -34. Машинописная заверенная копия того времени.

25. Там же.

26. Там же. Л. 33.
27. Там же.
28. Курляндский И.А. Указ. соч. С. 430.
29. Там же. С. 610.
30. Приказчикова О.Б. Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. II:2 (31). С. 41.
31. Основной закон (Конституция) РСФСР. Принят V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. URL: <http://www.constitution.mvk.ru/content/view/178/159/lang,russian/>; В редакции постановления XIV Всероссийского Съезда Советов от 18 мая 1929 г. URL: http://constitution.garant.ru/DOC_893222.htm (дата обращения: 12.03.2009).
32. Основной закон (Конституция) СССР. Утвержден чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года. URL: <http://www.constitution.mvk.ru/content/view/212/159/lang,russian/> (дата обращения: 12.03.2009).
33. Курляндский И.А. Указ. соч. С. 615.
34. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX в. С. 120–121.
35. СУ РСФСР. 1929. №35; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917– 1941 гг. С. 250–261.
36. ЦХАД. Ф. Р-33. Оп. 2. Д. 6. Л. 14.
37. Подробнее см.: Бирюкова Ю.А. Церковь и власть: приходы Шахтинского административного округа Донской епархии в документах 1920–1930 годов. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовской-на-Дону епархии, 2010. – 172 с.
38. ЦХАД. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 45. Л. 75.
39. Там же. Л. 70.
40. Там же. Л. 71.
41. Там же. Оп. 2. Д. 44. Л. 70.
42. Там же. Оп. 2. Д. 332. Л. 1.
43. Там же. Д. 39. Л. 36.
44. Там же. Д. 44. Л. 66. Курсив мой.
45. Там же. Д. 44. Л. 66, 72, 74, 75, 77, 78.
46. Там же. Д. 39. Л. 74.
47. Там же. Л. 75.
48. Там же. Л. 77.
49. Там же. Л.71.
50. Там же. Л. 70, 80.
51. Там же. Л. 70.
52. Там же. Л. 67.

53. Там же. Л. 83–96.
54. Там же. Л. 68.
55. Там же. Л. 99.
56. Там же. Л. 49.
57. Там же. Л. 48.
58. Там же. Л. 47.
59. Там же. Л. 39.
60. Там же. Л. 34.
61. Там же. Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 444. Л. 1.
62. Там же. Л. 11.
63. Там же. Л. 10.
64. Там же. Л. 27.
65. Там же. Ф. Р-33. Оп. 2. Д. 39. Л. 37.
66. Там же. Оп. 1. Д. 45. Л. 97.
67. Там же. Л. 80.

68. ЦДНИРО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 141. Л. 26.
69. ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 8. Д. 226. Л. 1. Эти данные могут быть скорректированы, поскольку фиксируются случаи утверждения Ростовским облисполкомом решений окружных советов о закрытии молитвенных зданий в последующие годы (например, в хуторе Ново-Марьевка, станице Тацинской, станице Дубовской в 1940 г. (ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 237. Л. 136–138); однако из протоколов следует, что эти церкви уже не действовали. Тем не менее, это официальная статистика советских органов власти.
70. Там же.
71. Советский Юг. 1922. №118. 25 мая.
72. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 27. Л. 49.
73. Там же. Л. 28.
74. Там же; ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 304, 307 об.
75. Советский Юг. 1922. №118. 25 мая.
76. Там же. №120. 28 мая.
77. Там же. №86.
78. Там же. №118. 25 мая.
79. Оклады икон.
80. Так в тексте, правильно – плащаница.
81. ЦХАД. Ф. Р-33. Оп. 2. Д. 61. Л. 12.
82. Там же. Л. 8.
83. Там же. Л. 8.
84. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах... С. 174, 202–203, 215–216, 233.
85. Документ цитируется по: Курляндский И.А. Указ. соч. С. 611.
86. Там же.

87. Там же.
88. Бондарев В.А. Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20-начале 40-х годов XX века (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Автореферат дис. ... доктора исторических наук. 07.00.02. 2007. http://delist.ru/article/15072007_bondarevva/page4.html (дата обращения: 20.05.2011)
89. Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – 508 с. С. 472.
90. Там же. С. 476.
91. Там же. С. 477.
92. Там же. С. 475.
93. ГАРО. Ф. Р-2234. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.
94. Там же. Л. 20, 21.
95. Там же. Л. 41.
96. Всем республиканским, краевым, областным советам СвБ, ОДН, Облсовпрофам, Облпотребсоюзам, Облпромсоюзам и Облжилсоюза. О проработке решений 1-й Всесоюзной конференции антирелигиозниц-культурмеек // Там же. Л. 136.
97. Там же. Д. 5. Л. 62.
98. Приложение к протоколу № 110 заседания Президиума КСПС от 10 мая 1930 г. // ГАРО. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 2577. Л. 80.
99. Там же.
100. Там же. Л. 80 об.
101. Там же.
102. Протокол № 36 заседания Президиума Донсовпрофа от 19 декабря 1929 г. // ГАРО. Ф. Р-3720. Оп. 1. Д. 16. Л. 42.
103. Там же. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 2909. Л. 74.
104. Там же. Л. 76.
105. Там же. Д. 2583. Л. 1–5.
106. Там же. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 4623. Л. 11.
107. Там же.
108. Там же. Л. 11–13.
109. Там же.
110. Там же. Л. 10–14.
111. Там же. Л. 12, 13.
112. Там же.
113. Там же. Д. 2577. Л. 80.
114. ЦХАД. Ф. Р-33. Оп. 2. Д. 44. Л. 79.
115. Там же. Д. 61. Л. 7, 11.
116. Там же. Л. 9.

117. ГАРО. Ф. Р-2234. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.
118. Там же. Л. 63.
119. Там же. Д. 2577. Л. 80.
120. Фирсов С.Л. Была ли безбожная пятилетка? // НГ-религии : сайт. 30.10.2002. URL: http://religion.ng.ru/history/2002-10-30/7_ussr.html (дата обращения: 14.12.2009).
121. ГАРО. Ф. Р-2351. Оп. 1. Д. 25. Л. 117–118.
122. Репрессии духовенства и мирян на Северном Кавказе, в частности, в Ростовской области – это отдельная тема, требующая специального рассмотрения. К сожалению, в настоящее время её исследование затруднено закрытостью архивов – почти все важнейшие документы и архивно-следственные дела конца 1930-х гг. недоступны исследователю. Однако, судить о том, что на Дону, также как и по всей стране, в эти годы прокатилась волна массового физического устранения носителей религиозной традиции можно судить хотя бы по материалам Комиссии по канонизации святых Донской митрополии, в распоряжении которой оказались десятки доступных ей дел репрессированных в период «Большого террора» 1937-38 гг. епископов, священников и мирян. Каждый период репрессий отличался стандартным набором обвинений и вопросов, задававшихся в ходе допросов. Если на первый взгляд обвинения были типичными – организация контрреволюционных заговоров, контрреволюционная агитация и т.п., то их конкретизация имела определённое своеобразие в каждый исторический период. В конце 1930-х гг. интересы следствия – т.е. основной круг вопросов, ответы на которые подводили основание под обвинение – вращались вокруг выяснения позиции духовенства относительно колхозов, сталинской конституции и избирательного закона, объединения и совместной деятельности с казаками, участия в перевыборах в местные советы. Основаниями для расстрельных приговоров и тюремных сроков были, по сути, обвинения в агитации против колхозов, участие в «повстанческих казачьих организациях» и т.п. (Архив УФСБ по РО П-10669, П-46999, П-44813, П-38453 и др.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные

- Архив Управления ФСБ по Ростовской области
Д. П-59205. Т. 3, 8. «Армия спасения России». Контрреволюционная организация князя Ухтомского. 1921-1922 гг.
Д. П-53110. Дело №14329 по обвинению Трефильева А.К. и др. (ЕССАЦ). 1923 г.
Д. П-15250. Дело Лобова Захарии Петровича. 1924 г. Д. П-6372. Дело по обвинению Гурича А.П. 1927 г.
Д. П-10669. Дело Левчука Г.В. 1937 г.
Д. П-46999. Дело по обвинению Родионова Н.И. 1937 г. Д. П-225

38453. дело Коробейникова П.М. 1937 г.
Д. П-44813. Дело Романенко С.И. 1938 г.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО) Ф. 226. Донская духовная консистория.

Ф. 527. Императорский Варшавский университет (Донской университет).

Ф. Р-97. Исполнительный комитет Донского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Донисполком, ДИК). 1920–1924 гг.

Ф. Р-1013. Ильинский волостной исполнительный комитет.

Ф. Р-1185. Северо-Кавказская Краевая рабоче-крестьянская инспекция (СКК РКИ).

Ф. Р-1198. Ольгинский сельсовет.

Ф. Р-1220. Отдел Юстиции Донского областного Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. 1920–1924 гг.

Ф. Р-1485. Краевой исполнительный комитет Юго-Востока России. Август – октябрь 1924. Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет. Ноябрь 1924 г. – январь 1934 г. Исполнительный комитет Азово-

Черноморского краевого Совета депутатов трудящихся. Январь 1934 – сентябрь 1937 г.

Ф. Р-1798. Донской окружной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Донисполком, ДИК) 1924–1930 гг.

Ф. Р-1817. Исполнительный комитет Ростово-Нахичеванского городского совета Рабочих и Красноармейских депутатов. Апрель 1920 г. – октябрь 1928 г. Исполнительный комитет Ростовского городского совета рабочих и красноармейских депутатов (Ростгорисполком). Ноябрь 1928–1930 г.

Ф. Р-2137. Морозовский окружной исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Ф. Р-2234. Северо-Кавказский Краевой совет ОДН.

Ф. Р-2251. Донской окружной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Донсовнархоз.

Ф. Р-2287. Северо-Кавказский краевой совет профсоюзов.

Ф. Р-3713. Донской областной Совет профессиональных союзов (Донсовпроф). Культотдел.

Ф. Р-3720. Донской окружной совет профессиональных союзов.

Ф. Р-3758. Совет Кавказской Армии Труда. Революционный Совет Армии Труда Юго-Востока России.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)

Ф. 4. Донской областной комитет РКП (б). 1919–1924 гг. Ф. 6. I Донской окружной комитет РКП(б). 1920–1924 гг.

Ф. 7. Северо-Кавказский Краевой комитет ВКП(б). 1924–1934 гг. Ф. 50. Кагальницкий райком КПСС. 1935–1962 гг.

Ф. 75. Донецкий окружной комитет ВКП(б). 1919–1930 гг.

Ф. 209. Черкасский окружной комитет РКП(б). 1920–1924 гг. 1920–1930 гг.

Ф. 118. Шахтинско-Донецкий окружной комитет РКП(б). 1920–1930 гг. Ф. 2783. Верхне-Донской окружной комитет РКП(б). 1920–1922 гг.

Центр хранения архивных документов (ЦХАД)

Ф. Р–33. Шахтинский Районный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянский, Красноармейских и Казачьих депутатов.

Ф. Р–186. Шахтинский Городской Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянский, Красноармейских и Казачьих депутатов.

Опубликованные

Сборники документов, документы и нормативные акты

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1945 / Сост. М. Е. Губонин. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1994. – 1064 с.

2. Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. / Издание подготовили Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. – М.: Новосибирск, Российская политическая энциклопедия, Сибирский хронограф, 1997. Кн. 1. – 594 с.; 1998. Кн. 2. – 647.

3. ВЧК/ГПУ: документы и материалы / Составитель Ю. Г. Фельштинский. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. – 272 с.

4. Голоса АхипелаГа. Письма из архивов ППК [Электронный ресурс]: Публикация №1. (Письма Д.И. Беленькова) / Публ. Можяева А.Б. // Русское поле. Содружество литературных проектов: [сайт]. 2011. №4. URL: <http://golos.ruspole.info/node/1313> (дата обращения: 26.07.2012)

5. Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. – М.: ПСТГУ, РГВА, 2006.

– 303 с.

6. Конституция РСФСР. 1918, 1929, 1936.

7. Отделение Церкви от государства. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного суда

РСФСР и других Советских Социалистических Республик / Сост. П.В. Гидулянов. – Изд. 3-е. – М.: Юриздат НКЮ РСФСР, 1926. – 712 с.

8. Русская православная церковь и Великая Отечественная война: Сборник церковных документов. М., 1943. – 100 с.

9. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Составитель Г. Штриккер. – М.: Пропилеи, 1995. – 400 с.

10. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917– 1941 гг. Документы и фотоматериалы / Сост. О.Ю. Васильева, отв. ред. Щапов Я.Н. – М., 1996. – 328 с.

11. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн.

VI. – М.: Издание Соборного Совета, 1918.

12. Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Выпуск третий. – М.: Издание Соборного Совета, 1918.

13. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263, № 62. Ст. 685, № 76–77. Ст. 888; 1929. № 35.

14. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 годы). В 8 / Институт российской истории РАН, ЦА ФСБ и др.; Под ред. Г.Н. Севастьянова. – М., 2001, Т. 1, ч. 2. – 1102 с.; 2002, Т. 6. – 793 с.

15. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова.

– М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 1168 с.

16. Постановление Наркомюста РСФСР, НКВД РСФСР «О порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых». 15.04.1923 // Библиотека правовых актов Союза Советских Социалистических Республик: [сайт]. URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss7143.htm> (дата обращения: 21.09.2011).

17. Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса. 2 февраля 1930 (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 17-25. Копия) // Российский портал «Уроки истории» Международного историко-просветительского и правозащитного фонда «Мемориал»: [сайт]. URL: <http://www.urokiistorii.ru/2010/30/ogpu-o-likvidatsii-kulachestva> (дата обращения: 15.08.2011).

18. Церковь и государство по законодательству РСФСР: Сборник узаконений и распоряжений с разъяснениями V Отдела НКЮ / Под ред. Гидулянова П.В. – М., 1923. Мемуары

19. Будённый С. М. Пройденный путь. Книга третья: М.: Воениздат, 1973 // Революция и Гражданская война. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusrevolution.info/books/index.shtml?7_3_09 (дата обращения: 15.10.2010).

20. Чехранов П., свящ. Две тюремные Пасхи. Из воспоминаний. – Публ. Н.Д. Егорова. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/2827dve.htm (дата обращения: 22.05.2011).

Материалы периодической печати

Известия ВЦИК. 1918. 1920. Революция и Церковь. 1919. Февраль. Советский Юг. 1922. Январь.
Трудовой Дон. 1922. Март – июнь. Советский Юг. Март – июнь.
Трудовой Дон. 1922. Август – сентябрь. Молодёжь Юго-Востока России. 1922.
Коммунист. 1922. Март.
Хлебороб. 1922. Июнь.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. – М.: ИЦ «Россия молодая», 1992.

Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М., 1991.

Андреев И.М. Краткий обзор истории русской церкви от революции до наших дней. – Джорданвилль: Издательство Свято-Троицкого монастыря, 1951.

Баделин В.И. Золото Церкви: Исторические очерки. – Иваново, 1995.

Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР.

– М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008.

Беликова Н.Ю. Развитие обновленческого движения в русской православной церкви в 20-е гг. XX в. на Юге России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2004. №3.

Беликова Н.Ю. Эволюция Русской православной церкви в период постреволюционной модернизации России в 20-30-е гг. XX в.: На материалах Краснодарского, Ставропольского краёв и Ростовской области. Дисс.... канд. ист. наук. – Армавир, 2002.

Белякова Е.В. Поиск моделей взаимоотношения Церкви и государства накануне и в процессе революции 1917 г. // Материалы международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во ПСТГУ, 2008.

Бирюкова Ю.А. Церковь и власть: приходы Шахтинского ад-

министративного округа Донской епархии в документах 1920-1930 годов. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовской-на-Дону епархии, 2010.

Бондарев В.А. Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20 – начале 40-х годов XX века (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Автореферат дис. ... доктора исторических наук. 07.00.02. 2007. http://delist.ru/article/15072007_bondarevva/page4.html (дата обращения: 20.05.2011)

Боранова Г.Н. Азов и Приазовье между двумя мировыми войнами (1917-1940 гг.). – Азов, 2005.

Боранова Г.Н. Авантюра Лагутина. Выступления против советской власти на Дону в 1921 году // Донской временник. 2006. №3.

Будённый С.М. Пройденный путь. Книга третья: М.: Воениздат, 1973 // Революция и Гражданская война. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusrevolution.info/books/index.shtml?7_3_09 (дата обращения: 15.10.2010)).

Валентинов А.А. Черная книга («Штурм небес»). – Париж, 1925.

Васильева О.Ю. Русская православная церковь и советская власть в 1917-1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8.

Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. – М., 1994;

Введенский А.И. Церковь и государство. Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России, 1918–1922. – М., 1923.

Воронцова И.В. Л. Д. Троцкий как стратег обновленческой реформации // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. II:4 (33).

Воронцова И.В. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. – М., 2008;

Воронцова И.В. Русский христианский модернизм в контексте церковного реформирования: 1-я четверть XX в. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2009.

Говорова И.В. Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в контексте государственно-церковных отношений. Дисс. ... канд. ист. наук: 09.00.13. – М., 2006.

Головкова Л.А. Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников Российских // Региональные аспекты исторического пути Православия: архивы, источники, методология исследований. Историческое краеведение и архивы. Вып 7. Вологда, 2001.

Головушкин Д.А. Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. – СПб.: Политехника-сервис. 2009.

Головушкин Д.А. Обновленческое движение в Русской Православной церкви в 1905–1925 гг. Дисс ... канд. ист. наук: 07.00 02. Ярославль, 2002.

Горбачёв Д.А. Власть и Русская Православная Церковь 1917–1923 гг.

Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

Горбачёв Д.А. Донская Голгофа (Советская власть и Русская Православная Церковь Дона 1917–1923 гг.). – Ростов-на-Дону: «Ростиздат», 2008.

Горев М. Церковные богатства и голод в России. – М., 1922.

Дамаскин (Орловский), игумен. История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации // 2000-летию Рождества Христова посвящается. – М., 2001.

Дамаскин (Орловский), игумен. История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации // Региональный общественный Фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». Труды. Выпуск 1. Новомученики XX в. – М.: «Булат», 2004.

Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: жизнеописания и материалы к ним. – Тверь, 1992. Кн.1; 1996. Кн.2.

Данилушкин М. и др. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Том 1. 1917–1970. – СПб.: Воскресение, 1997.

Елевферий (Богоявленский), митрополит. Неделя в Патриархии. – Париж, 1933.

Елпатьевский А.В. Следует ли публиковать документы фальсифицированных дел? // Отечественные архивы 2000. № 5.

Емельянов Н. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 гг. // Богословский сборник. Вып. 3. – М., 1999.

Зорин Д. Церковь и революция. Церковь и голод. – Ростов-на-Дону, 1922.

Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917-1921 гг.) – М., 1975.

Измозик В.С., Волкова Ю.А. Советское государство и церковь в частной переписке середины 20-х годов (по материалам перлюстрации) // Тоталитаризм и личность: Тезисы ... конф. – Пермь, 1994.

Иноземцева З.П. Совместимы ли эмоциональные идеологемы с научной критикой исторического источника. URL: http://www.fond.ru/reutov/reutov_5/reutov_5-2.htm (дата обращения: 20.05.2009).

Иоанн (Снычев), митрополит. Стояние в вере. Очерк церковной смуты. – СПб., 1995.

Кандидов Б.П. Легенда о Христе и классовая борьба. – Атеист, 1930.

Кандидов Б.П. Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция: Очерки и материалы. – М., 1930.

Каплин П.В. Восстановление патриаршества в РПЦ и расколы 1920-х годов // 1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона: Материалы Международной научной конференции. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2008.

Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в советском обществе 20-30-х гг. (Новые малоизученные вопросы). – СПб: СПбГТУ, 1997.

Кашеваров А.Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. – СПб.: СПбГТУ, 1995.

Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917-1922) // Материалы по истории Церкви. Кн. 35. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005.

Кирсанов Е.И. Православный тихий Дон. – М.: Держава, 1997.

Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1973.

Ковырзин К. В. Поместный собор 1917-1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. 2008 г. №4.

Кожанов А.П. Донское казачество в 20-х годах XX века. Ростов-на-Дону: Литфонд, 2004.

Коломнин С. Архив: Солдат революции, так и не ставший маршалом // Журнал. 2009. URL: http://bratishka.ru/archiv/2009/3/2009_3_13.php (дата обращения: 05.07.2010).

Константинов Д., прот. Гонимая Церковь. (Русская Православная Церковь в СССР). – Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1967.

Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история. – Волгоград, 1997.

Крапивин М.Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (окт. 1917-го – конец 1920-х годов). Дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999.

Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922-1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. – М., 1997. URL:

http://www.unilib.neva.ru/dl/327/Theme_10/Literature/Krivova.htm
(дата обращения: 22.03.2009).

Курляндский И.А. Власть и религия в годы «Большого террора» (1937- 1938 гг.) // Труды ИРИ РАН. – М., 2010.

Курляндский И.А. О мнимом повороте Сталина к православной церкви // Вопросы истории, 2008. №9.

Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922-1953 гг.). – М.: Кучково поле, 2011.

Курочкин П.К. Социальная позиция русского православия. – М., 1969.

Кущая М.А. Место обновленческого движения в эволюции Русской Православной Церкви. Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 1993.

Лавринов Валерий, прот. Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945). – М.: Издательство Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории. 2007.

Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Т.1–3., 1978. (Переизд. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 672 с.).

Лукин М.Н. Революция и церковь. – М., 1923.

Лукин М.Н. Церковь и государство. – М., 1922.

Мазырин А., иерей. Внутренние конфликты в Русской Православной Церкви второй половины 1920–1930-х годов: В свете позиции высших иерархов. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ин-т российской истории РАН.

– М., 2005.

Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской православной Церкви в 1920-х – 1930-х годах. – М.: ПСТГУ, 2006.

Макаров Ю.Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД СССР: окт. 1917-го – конец 1930-х годов. Дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб, 2007.

Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви. 1900–1927 гг. – СПб., 2002.

Одинцов М. Хождение по мукам (к истории государственно-церковных отношений в СССР) // Наука и религия. 1990. № 5, 6, 7, 8; 1991. №

7.

Одинцов М. Государство и Церковь: история взаимоотношений, 1917– 1937 гг. – М., 1991.

Одинцов М. Государство и церковь в России: XX век. – М.: Луч, 1994.

Одинцов М. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести / Сост. и общ. ред. Фурмана Д.Е. и о. Марка (Смирнова). – М.: Прогресс, 1989.

Одинцов М. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. – М.: Центральный дом духовного наследия, Объединение исследователей религии, 2002.

Одинцов М. Русские Патриархи XX века: Судьбы отечества и церкви на страницах архивных документов. Ч. I. – М., 1999.

Одинцов М. Государство и церковь в России. XX век. – М., 1994.

Одинцов М. Крестный путь патриарха Сергия // Отечественные архивы.

1994. №2.

Ореханов Ю.Л. Исторический контекст подготовки Поместного собора Русской Православной Церкви и генезис церковно-реформаторского движения: 1905-1906 гг.: Дис канд. ист. наук: 07.00.02 : М., 2005. РГБ ОД, 61:05-7/579.

Останина О.В. Обновленчество и реформаторство в Русской Православной церкви в начале XX века. Дисс. ... канд. филос. наук. Л., 1991.

Пантюхин А.М. Реализация религиозной политики советской власти на Ставрополье и Тереке в 1917-1929 гг. // Известия Алтайского государственного университета. История. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2010. № 4-2(68).

Парийский В., Шаповалов А. Обновленчество // История 1995. №4.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. – М., 1947.

Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.). – М., 1958.

Петров С.Г. Неизвестное письмо лидера обновленческого раскола А.И. Введенского // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI-XX вв. – Новосибирск, 2002.

Петров С.Г. Документы делопроизводства партийных органов как источник по истории Русской православной церкви 1922–1925 гг. – Новосибирск, 2000. Дисс. ... канд. ист. наук.

Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.) / Отв. ред. Н.Н. Покровский. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.

Петров С.Г. Освобождение Патриарха Тихона из-под ареста: Историко-ведическое изучение покаянных» документов // Материалы конференции «История Русской Православной Церкви в XX в. (1917-1933 гг.)». – Сэнтендре (Венгрия), 2001.

Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. – М., 1968.

Покровский Н.Н. Время публиковать источники // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М., 1996. №1.

Покровский Н.Н. Источниковедение советского периода. Документы Политбюро первой половины 1920-х гг. // Археографический ежегодник за 1994. – М., 1996.

Покровский Н.Н. Политбюро и Церковь. 1922-1923. Три архивных дела // Новый мир. 1994. №8.

Покровский Н.Н.. Документы о борьбе с Церковью в 1922–1923 гг. // Учёные записки. Российский православный университет им. Иоанна Богослова.

– М., 1995. Вып. 1.

Польский М., свящ. Положение Церкви в Советской России. – Иерусалим, 1931.

Польский М., свящ. Современное состояние Православной Церкви в СССР. – Нью-Йорк, 1946.

Польский М., свящ. О духовном состоянии русского народа под властью большевизма. – Белград, 1938.

Польский М., свящ. Положение Церкви в Советской России: Очерк бежавшего из России священника. – СПб., 1995.

Польский М., свящ. Новые мученики Российские. – Джорданвилль: Т. 1. 1943. – 287 с.; Т. II. 1957. – 319 с. (Сокращенное английское издание - The new martyrs of Russia. - Montreal, 1972).

Поспеловский Д.В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. – М., 1996.

Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. — М.: Республика, 1995.

Поспеловский Д.В. Тоталитаризм и вероисповедание. – М.: Библийско- богословский институт им. св. ап. Андрея. – М., 2003.

Поспеловский Д. Обновленчество. Переосмысление течения в свете архивных материалов // Вестник Русского христианского движения. Париж. 1993. №168.

Правда о религии в России. – М., 1942.

Приказчикова О.Б. Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. II:2 (31).

Рар Глеб (Ветров А.). Плененная церковь: Очерк развития взаимоотношений между церковью и властью в СССР. – Франкфурт на Майне: Посев, 1954.

Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945 гг. – Париж, 1977. (Переизд. – Москва: Общество любителей церковной истории, Крутицкое подворье, 1996.);

Римский С.В. Верховский // Православная энциклопедия. Т. 8. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004.

Римский С.В. Православная церковь и государство в XIX веке. Донская епархия: от прошлого к настоящему. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство (Ростиздат), 1998.

Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). – СПб.: Лики России, 2008.

Рожков А.Ю. Народное сопротивление антирелигиозной политике советской власти на юго-востоке России в 1918–1929 гг. // Голос минувшего. Кубанский ист. журнал. 1997. №2.

Рослоф Э. Советское правительство и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви (1922-1923 гг.) // История России: диалог российских и американских историков. Материалы российско- американской научной конференции. – Саратов, 1992.

Савельев С.Н. Протоколы антирелигиозных мудрецов // Ре-
235

лигия и свободомыслие в культурно-историческом процессе. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.

Савельев С.Н. Бог и комиссары (К истории Комиссии по отделению церкви от государства при ЦК РКП(б) – Антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия. – М., 1993.

Сафонов Д.В. Единоначалие и коллегиальность в истории высшего церковного управления Русской Церкви в период патриаршества святителя Тихона // Богослов. ru: [сайт]. 21.01.2009. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/376306.html> (дата обращения: 20.01.2012).

Сафонов Д.В. Почему не состоялся процесс над Патриархом Тихоном?

// Российская государственность XX века: Материалы межвузовской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерощина, 16 декабря 2000 г. М.: РГГУ, 2001.

Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.

Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: Очерки истории. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010.

Слезин А.А. Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи в начале 1920-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2.

Степанов А.С. Обновленческий раскол как средство антицерковной политики советской власти в 1922–1923 гг. Дисс. ... канд. ист. наук: 09.00.13. М., 2005.

Степанов В. Свидетельство обвинения: церковь и государство в Советском Союзе. – М., 1989.

Стратонов И. Русская церковная смута. 1921-1931 гг. // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. («Материалы по истории Церкви». Кн. 5).

Титлинов Б.В. Смысл обновленческого раскола в истории. – Самара, 1926.

Трифонов И.Я. Раскол в Русской Православной церкви (1922 - 1925 гг.) // Вопросы истории. 1972. №5.

Троицкий С.В. Что такое «Живая Церковь»? // «Обновленческий раскол»: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И.В. Соловьёв. Кн. 27. – М., 2002.

Тубанов С. Церковь на службе врагов народа. – Свердловск, 1940.

Фирсов С.Л. Безбожная пресса СССР накануне Великой Отечественной войны (Некоторые замечания к вопросу об отношениях церкви и государства в 1937–1941 гг.) // Православие: Конфессия, институты, 236

религиозность (XVII– XX вв.): Сборник научных работ / под ред. М. Долбилова, П. Рогозного. – СПб., 2009.

Фирсов С.Л. Была ли безбожная пятилетка? // НГ-религии : сайт. 30.10.2002. URL: http://religion.ng.ru/history/2002-10-30/7_ussr.html (дата обращения: 14.12.2009).

Фирсов С.Л. Власть и верующие: из церковной истории начала 1920-х годов // Нестор. 2000. №1.

Фирсов С.Л. Время в судьбе: Святейший Сергий, Патриарх Московский и всея Руси. (К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века). – СПб., 2005.

Фирсов С.Л. Уроки русского церковного обновления // НГ Религии. № 6 (178). 05.04.2006. URL: http://religion.ng.ru/pravoslav/2002-05-15/9_lesson.html (дата обращения: 20.01.2012).

Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви 1917–1990. – М., 1994.

Цыпин В., прот. Русская Православная Церковь: 1925–1938. – М.: Сретенский монастырь, 1999.

Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / 3-е изд., испр. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007.

Цыпин В., прот. Церковное право. – URL: http://www.agnuz.info/tl_files/library/books/tserkovnoe_pravo/index.htm (дата обращения: 25.09.2011).

Шахнович М.И. Ленин и проблемы атеизма. – М., Л., 1961.

Шейнман М.М. Обновленческое движение в русской православной церкви после Октября / Вопросы научного атеизма. Вып. 2. – М., 1966.

Шестаков С.П. Расколы в Русской Православной Церкви в 1924–1926 гг. в контексте государственно-церковных отношений. Дисс. ... канд. ист. наук: 09.00.13. М., 2006.

Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. – Казань, 1970.

Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). – М., 2000.

Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917– 1945. – СПб., 1995.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010.

Шкаровский М.В. Советское государство и «советская Церковь» // Богослов.Ru: [сайт]. 2008. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/311837.html> (дата обращения: 20.04.2012).

Anderson J. Religion, State and Politics in the Soviet Union and

Successor State. Cambridge, N.Y., Melbourne, 1994.

Fletcher W.C. The Russian Orthodox Church underground, 1917–1970. – N.Y., 1971.

Nathaniel Davis. A Long Walk To Church. A Contemporary History of Russian Orthodoxy. – Oxford: Westview Press; Revised edition, 2003.

William B. Husband. Soviet Atheism and Russian Orthodox Strategies of Resistance, 1917-1932 // Journal of Modern History, March 1998.

Partei und Kirchen im fruhen Sowjetstaat. Die Protokolle der Antireligiösen Kommission beim Zentralkomitee der Russischen Kommunistischen Partei (Bol'seviki) 1922–1929. – Berlin, 2007.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года. – М.: ПСТГУ, 2006.